

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА



Евгений Пермяк
**НА ВСЕ ЦВЕТА
РАДУГИ**



ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА



Евгений Пермяк

НА ВСЕ ЦВЕТА РАДУГИ

Рассказы и сказки

Рисунки С. Гавриловой

Евг. Пермяк.

1902 — 1982

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
2001

З Д Р А В С Т В У Й !

Дорогой юный друг, с каждой новой книгой появляются у тебя новые знакомые. Найдёшь ты их и здесь. Разные это люди. Хорошие и не очень хорошие... такие, на которых ты, наверно, не захочешь походить. А вот кто какой — можно узнать, только прочитав книгу. Внимательно. Не торопясь. Потому что торопливый читатель и хорошего может принять за плохого.

В этой книжке много рассказов и сказок. Разных и всяких. Весёлые и грустные истории. О прилежных ребятах и лодырях. О мелких мелочах и больших делах. О счастливых увлечениях и печальных злоключениях... Всего не переберёшь, пока не прочтёшь. Для того и рассказы пишутся, чтобы их читать...

Одним словом, приглашаю тебя в мою новую книжку. Читай! Вдруг да ты узнаешь о том, что тебе захочется повторить, или наоборот. Начинать можешь с любого рассказа. С первого, с третьего, с двенадцатого. Каждый рассказ сам

по себе, своей жизнью живёт, хотя и в одной обложке... Ну, да ты без меня разберёшься, что к чему, и решишь, кого брать тебе в свои знакомые, а кого нет... Буду очень рад, если моя книжка не заставит тебя скучать...

С уважением к тебе, мой самый главный друг. Без тебя ведь я — ну, как бы тебе сказать?.. — вообще, просто-напросто пишущий человек, а с тобой — читаемый, а это самое главное из самого главного в моей работе и жизни...

Желаю тебе здоровья, благополучия и хороших отметок.

Евг. Пермяк

1977 год

ПИЧУГИН МОСТ





НАДЁЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК

На первой парте и в первом классе сидел сын отважного лётчика-испытателя Андрюша Рудаков. Андрюша был крепким и смелым мальчиком. Он всегда защищал тех, кто послабее, и за это все в классе любили его.

Рядом с Андрюшей сидела маленькая худенькая девочка Ася. То, что она была маленькая и слабенькая, ещё можно было простить, но то, что Ася была труслива, — с этим Андрюша никак не мог примириться. Асю можно было испугать, сделав ей страшные глаза. Она боялась каждой встречной собачонки, убегала от гусей. Даже муравьи и те её пугали.

Очень неприятно было Андрюше сидеть на одной парте с такой трусихой, и он всячески старался избавиться от Аси. А её не пересаживали.

Однажды Андрюша принёс в стеклянной банке большого паука. Увидев страшилище, Ася побледнела и тут же перебежала на другую парту.

С этого и началось... Два дня Ася сидела одна, и учительница Анна Сергеевна будто не за-

мечала этого, а на третий день она попросила Андрюшу остаться после уроков.

Андрюша сразу догадался, в чём дело, и, когда все ушли из класса, он, чувствуя себя виноватым, смущённо сказал учительнице:

— Я ведь не зря принёс паука. Я хотел приучить Асю ничего не бояться. А она опять испугалась.

— Что ж, верю тебе, — сказала Анна Сергеевна. — Кто как умеет, тот так и помогает расти своим товарищам, а я тебя позвала, чтобы рассказать одну маленькую историю.

Она усадила Андрюшу на его место за партой, а сама села рядом — на Асино.

— Много лет назад в этом же классе сидели мальчик и девочка. Сидели так же, как сейчас сидим мы. Мальчика звали Вовой, а девочку — Аней. Аня росла болезненным ребёнком, а Вова рос сильным и здоровым мальчуганом. Аня часто хворала, и Вове приходилось помогать ей учить уроки. Однажды Аня поранила гвоздём ногу. Да так поранила, что не могла приходить в школу: ни башмак нельзя было надеть, ни валенок. А шла уже вторая четверть. И как-то Вова пришёл к Ане и сказал: «Аня, я тебя буду возить в школу на саночках». Аня обрадовалась, но запротивилась: «Что ты, что ты, Вова! Это будет очень смешно! Над нами будет хохотать вся школа...» Но настойчивый Вова сказал: «Ну и пусть хохочут!» С этого дня Вова ежедневно привозил и отвозил на саночках Аню. Сначала ребята смеялись над ним, а потом сами

стали помогать. К весне Аня поправилась и смогла вместе со всеми ребятами перейти в следующий класс. На этом я могу закончить рассказ, если тебе не захочется узнать, кем стали Вова и Аня.

— А кем? — нетерпеливо спросил Андрюша.

— Вова стал прекрасным лётчиком-испытателем. Это твой отец Владимир Петрович Рудаков. А девочка Аня теперь твоя учительница Анна Сергеевна.

Андрюша опустил глаза. Так просидел он за своей партой долго. Он живо представил саночки, девочку Аню, которая теперь стала его учительницей, и мальчика Вову, своего отца, на которого ему так хотелось походить.

Наутро Андрюша стоял у крыльца дома, где жила Ася. Ася, как всегда, появилась со своей бабушкой. Она боялась ходить в школу одна.

— Доброе утро, — сказал Андрюша Асиной бабушке. Потом поздоровался с Асей. — Если хочешь, Ася, пойдём в школу вместе.

Девочка испуганно посмотрела на Андрюшу. Это он нарочно говорит так приветливо, от него можно ожидать всего. Но бабушка заглянула в глаза мальчику и сказала:

— С ним тебе, Асенька, будет сподручнее, чем со мной. Он и от собак отобьётся, и мальчишкам в обиду не даст.

— Да, — тихо, но очень твёрдо сказал Андрюша.

И они пошли вместе. Они шли мимо незнакомых собак и шипящих гусей. Они не уступили

дорогу бодливому козлу-задире. И Асе не было страшно.

Рядом с Андрюшей она вдруг почувствовала себя сильной и смелой.

ПИЧУГИН МОСТ

По пути в школу ребята любили разговаривать о подвигах.

— Хорошо бы, — говорит один, — на пожаре ребёнка спасти!

— Даже самую небольшую щуку поймать — и то хорошо, — мечтает второй. — Сразу про тебя узнают.

— Лучше всего на Луну полететь, — говорит третий мальчик. — Тогда уж во всех странах будут знать.

А Сёма Пичугин ни о чём таком не думал. Он рос мальчиком тихим и молчаливым.

Как и все ребята, Сёма любил ходить в школу короткой дорогой через речку Быстрянку. Эта маленькая речка текла в крутых бережках, и перескакивать через неё было очень трудно.

В прошлом году один школьник не доскочил до того берега и сорвался. В больнице даже лежал. А этой зимой две девочки переходили речку по первому льду и оступились. Повымокли. И тоже крику всякого было много. Ребятам запретили ходить короткой дорогой. А как длинной пойдёшь, когда короткая есть!

Вот и задумал Сёма Пичугин старую ветлу с

этого берега на тот уронить. Топор у него был хороший. Дедушкой точенный. И стал он рубить им ветлу.

Нелёгким оказалось это дело. Уж очень была толста ветла. Вдвоём не обхватишь. Только на второй день рухнуло дерево. Рухнуло и легло через речку.

Теперь нужно было обрубить у ветлы ветви. Они путались под ногами и мешали ходить. Но когда обрубил их Сёма, ходить стало ещё труднее. Держаться не за что. Того гляди, упадёшь. Особенно если снег.

Решил Сёма приладить перильца из жердей. Дед помог.

Хороший мостишко получился. Теперь не только ребята, но и все другие жители стали ходить из села в село короткой дорогой. Чуть кто в обход пойдёт, ему обязательно скажут:

— Да куда ты идёшь за семь вёрст киселя хлебать! Иди напрямиком через Пичугин мост.

Так и стали его называть Сёминой фамилией — Пичугин мост. Когда же ветла прогнила и ходить по ней стало опасно, колхоз настоящий мосток перекинул. Из хороших брёвен. А название мосту осталось прежнее — Пичугин.

Вскоре и этот мост заменили. Стали спрямлять шоссейную дорогу. Прошла дорога через речку Быстрянку, по той самой короткой тропинке, по которой ребята бегали в школу.

Большой мост возвели. С чугунными перилами. Такому можно было дать громкое название. Бетонный, скажем... Или какое-нибудь

ещё. А его все по-старому называют — Пичугин мост. И никому даже в голову не приходит, что этот мост можно назвать как-то по-другому. Вот оно как в жизни случается.

ЗНАКОМЫЕ СЛЕДЫ

Никишин дедушка был садоводом в колхозе. А в свободное время любил на охоту ходить. Хорошим он был охотником. Все тайны лесные знал.

Как-то показывал он своему внуку следы в лесу. Показывал да приговаривал:

— Век живи, век учись и во всё вникай. Никакое знание человеку во вред не бывает.

А Никиша слушал да думал про себя: «Все старики любят ребят поучать. Ну зачем мне звериные следы знать, когда я машинистом стать собираюсь. Электрические поезда водить». О поездах только и думал Никиша. Каждый болтик, каждую мелочь на электровозе разглядывал. Ребята тоже бегали вместе с ним на поезда смотреть.

Довелось как-то им возвращаться со станции в своё село прямой дорогой через лес. Ближе и веселее. Хорошо бежится по первому снегу. А на снегу множество всяких следов. Какой чей след, ребята не знают, а бегают по ним. Вдруг да лисицу увидят или дикого козлика. С зайцем и то неплохо встретиться. Бегали так они, бегали по следам да и заблудились. Испугались ребята. Кое-кто даже слезу пустил.

— Это твоя затея, Никиша... Как мы теперь выберемся, когда все тропинки снегом засыпало?

Молчит Никиша, не оправдывается. Думает, как ребят на дорогу вывести. Кричать стал. Да кто услышит его в глухом зимнем безлюдном лесу!

И вдруг Никиша увидел знакомые следы. Из всех следов, которые ему дед показал, он только эти запомнил.

— Ура, ребята! — крикнул Никиша. — Идите за мной.

Долго шли ребята по этим следам и вышли к жилью. К лесниковой сторожке. А от сторожки до села наезженная дорога. И ночью не заблудишься.

— По каким же таким следам ты нас вывел? — спросили ребята Никишу.

— По собачьим, — ответил он. — Собачьи следы всегда к жилью выводят. Сколько ни бегает собака по лесу — обязательно домой прибежит. Так дедушка меня учил.

Домой Никиша пришёл усталый, но счастливый. Улучив минутку, он обнял дедушку и принялся что-то шептать ему на ухо.

Наверное, спасибо говорил милому дедушке.

ЗА ЧТО?

Первоклассник Юра Ковров был очень счастлив: ему подарили в красивой клетке нарядную птицу — клёста. Клёт оказался угрюмым и молчаливым. Правда, он изредка выкрикивал какие-то тоскливые два звука.

— Какие?

— Кто знает какие, — отвечал Юре отец, — если бы приехал дядя Вася, сказал бы. Ему, лесничему, известен разговор всех лесных птиц.

И надо же было такому случиться — дядя Вася приехал и сказал:

— Твой клёт, Юрочка, задаёт один и тот же вопрос.

— Какой?

— За что?

Юра не понял и переспросил:

— Что значит «за что»?

— Не знаю, Юрочка, но думаю, что клёт не очень доволен своей новой квартирой в клетке.

Юра задумался, потом сказал:

— Не выпускать же клёста зимой... Он может замёрзнуть...

— Да нет, Юрочка, — не согласился дядя. — Клесты наши — зимние птицы и даже в студёные месяцы выводят птенцов. Может быть, и у твоего клёста остались голодные малыши...

Юра в этот вечер долго не мог уснуть. А уснув, отчётливо слышал: «За что? За что?» А потом это же повторилось несколькими тонкими голосами в гнезде. Юра увидел малень-

ких голеньких клестят. Они открывали клювики. Им явно хотелось есть.

Рано проснулся Юра и нетерпеливо ждал начала позднего рассвета. А дождавшись, взял клетку, открыл форточку и выпустил клёста.

Клёт, как никогда до этого, произнёс какие-то непонятные птичьи слова. Но Юра, не знавший птичьего языка, правильно понял их: «Спасибо, Юра!» Дядя Вася подтвердил это.

С тех пор Юра никогда не держал в клетке ни летних, ни зимних птиц. И если у кого-то видел птицу, заточённую в клетку, всегда спрашивал: «За что?»

САМОЕ СТРАШНОЕ

Вова рос крепким и сильным мальчиком. Все боялись его. Да и как не бояться такого! Товарищей он бил. В девочек из рогатки стрелял. Взрослым рожи строил. Собаке Пушку на хвост наступал. Коту Мурзею усы выдёргивал. Колючего ёжика под шкаф загонял. Даже своей бабушке грубил.

Никого не боялся Вова. Ничего ему страшно не было. И этим он очень гордился. Гордился, да недолго.

Настал такой день, когда мальчишки не захотели с ним играть. Оставили его — и всё. Он к девочкам побежал. Но и девочки, даже самые добрые, тоже от него отвернулись.

Кинулся тогда Вова к Пушке, а тот на улицу

убежал. Хотел Вова с котом Мурзеем поиграть, а кот на шкаф забрался и недобрыми зелёными глазами на мальчика смотрит. Сердится.

Решил Вова из-под шкафа ёжика выманить. Куда там! Ёжик давно в другой дом жить перешелся.

Подошёл было Вова к бабушке. Обиженная бабушка даже глаз не подняла на внука. Сидит старенькая в уголке, чулок вяжет да слезинки утирает.

Наступило самое страшное из самого страшного, какое только бывает на свете: Вова остался один.

Один-одинёшенек!

ПРО ВОВУ И КОШКУ

Мне уже не раз приходилось вспоминать историю, которая произошла в семье знаменитого сказочника Павла Петровича Бажова, создавшего бессмертную «Малахитовую шкатулку». А теперь мне захотелось написать об этом домашнем происшествии самостоятельно живущий рассказ.

Вот он.

В годы войны у Павла Петровича жил и воспитывался его шестилетний внук Вова. Вова рос пытливым, но довольно озорным мальчиком. За ним, как говорили в доме Бажовых, нужны глаза да глазки, чтобы малец не напроказничал, не натворил самое неожиданное.

Однажды Вове пришло в голову не просто неожиданное, а невероятное. Он опустил вниз головой в трубу горящего самовара кошку.

Кошка с опалёнными усами и обожжённой мордой стремительно метнулась на шкаф. Она невыносимо громко и душераздирающе кричала, другого слова и не подобрёшь. Она будто требовала защиты.

Вова перепугался. Он явно не ожидал этого.

Хотя ожоги были не такими уж страшными, всё же Вовка заслуживал хорошей трёпки. Этого я и ждал от Павла Петровича. Он же, будто не заметив случившегося, ничего не сказал. Ни одного слова.

Мне было неудобно вмешиваться и что-то советовать человеку намного старше меня. Тем более неуместно было предлагать наказание.

Наказание пришло на другой день. И какое? Самое неожиданное. Павел Петрович всего-навсего вывесил под потолком лист бумаги, назвав его «стенгазетой». В ней кратко крупными буквами излагалось совершённое злодеяние и называлось имя виновника.

Сначала такому внушению никто не придавал значения. И тот же Вова говорил:

— Подумаешь... Дедушка газету вывесил... Кто её читать будет?..

Вскоре же оказалось, что всякий проходящий читал эту «газету». Читал и громко сокрушался: «Неужели такой хороший мальчик до этого дошёл...» И начинались рассуждения, сожаления минут на двадцать. А Вова прятался за

шкафом и слушал, что говорят о нём. Я думаю, это было не лёгкое для мальчика слушание.

Вова и я находились в приятельских отношениях. Я любил проказника. И всё же меня настораживал поступок с кошкой. Заметив, что моё отношение несколько изменилось к нему, он однажды подошёл ко мне и сквозь слёзы сказал:

— Я всё понял, но не знаю, что теперь делать... Никто не жалеет меня.

Мальчик так искренне огорчился, так чисто-сердечно винил себя, что я решил выступить его защитником.

При нём и при всех, кто был дома, я обратился с большой речью к Павлу Петровичу. С такой речью, которая раскрывала бессердечие некоторых детей, не знающих, что такое жестокость. Как настоящий судейский защитник, как адвокат, я приводил самые наглядные примеры. Я обращался даже к кошке, тёршейся у моих ног, настаивая о помиловании обвиняемого, которое он заслуживает не только потому, что раскаялся, но и потому, что преступление совершено им впервые и по малолетству. Речь я кончил такими словами:

— Дорогой Павел Петрович, вы же не только справедливый судья, но и любящий дед вашего перестрадавшего за эти дни внука. Снимите, пожалуйста, эту страшную стенную газету!

— Хорошо, — согласился Павел Петрович, — я сниму её, чтобы не позорить далее честное имя Владимира. Он, как я заметил, стал очень вни-

мателен к выздоравливающей кошке. Но... — поднял Бажов указательный палец, — при условии, если вы письменно поручитесь за него.

Далее началось составление, написание, прочтение поручительского обязательства, которое я подписал.

— Смотрите же, — строго сказал милейший и добрейший Павел Петрович, — вы ручались, с вас и будет самый строжайший спрос...

Газета была торжественно сожжена мною в трубе того же самовара.

Вова после этого отдавал кошке колбасные кожурки, рыбные объедки, не прогонял её, когда эта надоедливая баловница мешала ему. Он проникся уважением и ко мне, почтительно разговаривая теперь со мною на «вы».

ДВОЙКА

На школьном дворе жила кудлатая собачонка. Её звали Двойка. Почему ей дали такую кличку, никто не знал.

Только все знали, что малыши обижали её.

— Ах ты, негодная Двойка!.. Вот тебе!.. Вот тебе!..

В Двойку бросали камни, загоняли её в кусты. Она жалобно скулила.

Однажды учительница Мария Ивановна увидела это и сказала:

— Разве можно плохо относиться к собаке только за то, что у неё плохое имя? Мало ли ко-

му на свете даны плохие имена. Ведь не по ним судят, а по тому, кому они принадлежат.

Малыши смолкли. Призадумались над этими словами. А потом приласкали Двойку и угостили её кто чем мог. Вскоре оказалось, что Двойка очень хорошая и понятливая собачонка. Её даже хотели назвать Пятёркой, но одна девочка сказала:

— Ребята, разве дело в названии?..

ДУДИЛКА

Маленькому Васятке очень хотелось попасть в оркестр при Дворце культуры своего совхоза, а его не принимали.

— Тебе ещё семи нет, и ты не только ни одной ноты не знаешь, но и читать не умеешь.

— Зато я умею играть, — защищался Васятка и показывал свою самодельную флейту из тростника.

Её смастерил дедушка и научил внука игре на ней.

Мальчонку гладили по головке и добродушно смеялись над ним:

— Да кому же нужна твоя игра на писклявой дудилке! Что это за музыкальный инструмент! Один визг.

— Зато, — настаивал Васятка, — я могу сыграть на ней такое, чего никто не играет.

На Васятку махнули рукой и перестали обращать на него внимание.

Мальчику было очень обидно. Ему так хоте-

лось, чтобы послушали его игру. Он даже плакал тайком, а дедушка утешал его:

— Не горюй, мой маленький соловушка. Играй себе да играй. Я тебе новую, громкую дудилочку сделаю, на все лады. Придёт время, может быть, тебя сами позовут в оркестр. Играй знай. Высвистывай то, что тебе хочется. Не пропадёт твоё старание.

Васе, конечно, были приятны дедушкины утешения, но всё же верить им не очень хотелось. А играть Васятка не переставал. И особенно хорошо получалось у него на новой дудилке. Звонко звучала она. Чистый был у неё голосок, и всякие самые разные на ней переливы можно было выигрывать.

Так играл Вася до школы, а потом, поступив в школу, тоже не забросил своей игры.

Однажды он играл, забравшись на дерево. Коли дедушка называет его соловушкой, то на дереве играть в самый раз.

Разыгравшись, закрыв глаза, Вася не заметил, что под деревом остановился приезжий пожилой человек и с замиранием слушал его игру. Слушал долго, так долго, что даже устал стоять и сел под деревом.

Когда Вася спрыгнул на землю, он очутился лицом к лицу с неизвестным седым, очень красивым, похожим на артиста дяденькой.

Он спросил:

— Милый ты мой, кто тебя научил такой игре?

— Да никто. Сначала дедушка, а потом сам начал играть...

— Сам? А кто тебе придумывает то, что ты играешь? Не сам же?

— Нет, конечно... — ответил Вася. — Наверно, слышал где-то, но получается это у меня как-то само собой, когда я закрываю глаза.

В этот же день Вася оказался у седого незнакомца в гостинице и там играл ему. Так играл, что прослезил своего слушателя. И тот обнял его. Обнял и сказал:

— Вася, да ты же композитор!

— Кто? — переспросил мальчик.

— Композитор, — повторил тот, — что значит сочинитель музыки. Пока ещё будущий, — поправился незнакомый красивый седой человек, — но несомненный и настоящий.

В совхозе, где жил Васятка с бабушкой, ахнули, узнав от приезжего знаменитого музыканта о такой похвале. И ещё больше удивились не только в совхозе, но и во Дворце культуры, когда пришло из Москвы приглашение в музыкальное училище. Вася приглашался вместе с бабушкой. Как он мог расстаться с ним, да кто бы разлучил их.

А дальше... Дальше шло очень хорошо. Очень. Но не в этом дело. А дело в том, что многие, очень многие люди, не в одном только совхозе, где жил Васятка, поняли, как важно разглядеть дарование в самом раннем возрасте. И не только музыкальное дарование, а всякое другое... Ведь в любом деле оказываются свои соловьи-соловушки, самоцветные камушки — свои будущие мастера.

Хороший ветерок подул. Ровный. В такой ветер бумажный змей высоко летает. Туго нитку натягивает. Весело мочальный хвост развевает. Красота!

Задумал Боря своего змея сделать. Лист бумаги у него был. И дранки он выстрогал. Да не доставало мочала на хвост да ниток, на которых змея пускают.

А у Сёмы большой моток ниток был. Ему есть на чём змея пускать. Ему бы лист бумаги да мочала на хвост достать, тоже бы своего змея запустил.

Мочало у Пети было. Он его давно для змея припас. Ниток только ему не хватало да бумажного листа с дранками.

У всех всё есть, а у каждого чего-нибудь да не хватает.

Сидят мальчишки на пригорке и горюют. Боря свой лист с дранками к груди прижимает. Сёма свои нитки в кулак зажал. Петя своё мочало за пазухой прячет.

Хороший ветерок дует. Ровный. Высоко в небо другие ребята змея запустили. Весело он мочальный хвост развевает. Туго нитку натягивает. Красота!

Боря, Сёма и Петя тоже бы такого змея могли запустить. Даже лучше. Только дружить они ещё не научились — вот в чём беда.

Сёма и Сеня — товарищи. Они ещё до школы дружили. И теперь всегда вместе. Надёжные октябрята. Им даже телят доверяли. Вообще они в Новоцелинном совхозе были на хорошем счету.

Вот и на этот раз им сторожить поручили почти тысячу кур, потому что время было страдное, уборочное. Жара в степи. Сушь кругом. Зерно, того и гляди, осыпаться начнёт. Все взрослые работали день и ночь, чтобы скорее убрать хлеб. Даже птичницы вышли в поле. Вот и пришлось Сёму с Сеней добровольцами взять.

Как ни убирай аккуратно урожай, а всё равно кое-какие зёрна из колосьев осыпаются. Не пропадать же им. Вот и выгоняют кур на сжатое поле кормиться — зерно подбирать.

Старшим над октябрятами поставили пионера Гаврюшу Полозова. Хороший был мальчик. В совет отряда его уже три раза выбирали. И младших он любил. Не задибался.

Сёма и Сеня тоже любили своего старшего товарища. Слушались его как главного начальника над ними и над курами. Разговаривали с ним о своих делах и, конечно, о том, как бы поскорее им стать пионерами. Гаврюша рассуждал так:

— Придёт время, и примут вас. И станете такими же хорошими пионерами, какими хорошими вы были октябрятами.

Только он сказал это, как забеспокоился старый рыжий петух: «Что-то та-к-кое? Что-то это значит? Ку-дах-дах!.. Что-то не так... Ку-дах!.. Кудах!..»

Гаврюша насторожился. Старый петух никогда не суетился напрасно. Поэтому его и держали, чтобы опасность предупредить. Мало ли в степи всяких куриных врагов?.. Хотя лису ту же взять — подкрадётся, и не услышишь...

«Что-то т-та-к-кое?» — не унимался петух.

— Ребята, откуда-то дымом пахнет! — сказал Гаврюша.

Сёма и Сеня тоже вскочили вслед за Гаврюшей. Сначала принюхались, потом огляделись.

— Степь горит! — закричал Сеня. — Вон! Смотрите.

Тут все увидели дым и огонь. Горело жнивье. Огонь и дым продвигались к ребятам. Сёма и Сеня бросились к курам. Гаврюша хотел было пробежать за взрослыми на дальний участок. Да куда там!.. Полоса огня, подгоняемого ветром, двигалась на ребят, на куриное стадо очень быстро. Гаврюша не успел бы пробежать и полпути до дальнего участка, даже если бы он помчался туда стрелой.

— Нужно стогнать кур! — крикнул он Сёме и Сене. И, увидев, что ребята носятся по степи, стогняя разбредшихся кур, кинулся к ним на помощь.

Куры, увлечённые поисками зерна, не чуя беды, не слушались ребят. Тогда Сеня снял свою рубашку и стал махать ею. Остальные сделали

то же самое. Гаврюша засвистел. Сёма стал бросать в кур комья земли. Начался куриный переполох. Куры стали разбегаться в разные стороны. Некоторые побежали навстречу огню.

Пришлось снова сделать забег и повернуть молодых кур в сторону речки, куда, голося, будто сзывая остальных, бежал старый рыжий петух, уводя за собой добрую сотню кур.

Побежавшие навстречу огню куры остановились. Пахнуло дымом.

— Гони их к речке! К речке!.. — истошно кричал Гаврюша.

И ребята не помня себя гнали к реке куриное стадо. Они понимали, что речка преградит путь степному пожару. За рекой куры будут в безопасности. Но как их переправить за реку?.. Двух, трёх, даже десятков кур можно переловить и перенести или даже перебросить, а ведь их тысяча!

Берег ближе и ближе. Но ближе и ближе огонь. Пусть он не страшен быстроногим ребятам, но для ошалевших кур это верная гибель.

Огонь уже совсем близко, но река ещё ближе. Вот уже первые куры и старый петух подбежали к кромке берега. Гаврюша оглушительно свистнул. Петух, вдвойне напуганный огнём и свистом, взвился вертолётom и благополучно перелетел речку. За ним последовало два-три десятка кур. Испуг вернул им давно забытую способность летать. Взлетело ещё два-три десятка кур. Некоторые, не долетев до противоположного берега, оказались в реке. Одни в испуге по-

плыли, другие, коснувшись дна, побежали как очумелые бродом.

Уже добрая сотня кур была спасена. Очутившись в безопасности на том берегу, они, не оставаясь, удирали дальше. Это были старые, двух-трёхлетние куры. Молодые же никак не хотели взлетать. Вода страшила их не менее огня. Один молодой петушок, ополоумев, предпочёл кинуться в огонь.

Гаврюша оглянулся. Огонь наступал неровной, ломаной линией. Мальчик решил гнать кур берегом к пешеходному мостику. Он надеялся, что они успеют проскочить там, где огонь отставал, где река делала излучину. И ребята, замахав в три рубахи, погнали кур берегом к мостику.

Слева — огонь, справа — вода. Между ними стремительно мчащаяся белая туча кур. Они бежали раскрыв клювы, подгоняемые свистом, перескакивая друг через дружку. Некоторые, не выдерживая бега, перелетали через реку, где уже пришедший в себя старый петух истошно кричал: «Куда вы, куда? Сюда, сюда!» — будто в самом деле выговаривая эти слова. И молодёжь верит ему. Перелёты стали чаще. Не беда, что много кур уже на плаву.

«Не утонут, — думает Сёма, — доплывут до первой мели или до коряги и выйдут на берег».

Вот огонь уже совсем близко, но самые быстрые куры первыми бегут по мостику.

От огня и ребятам жарко. Пахнуло палёной шерстью.

— Сёмка, прыгай в воду! — кричит Сеня. — Волосы опалил.

— Сам прыгай, — отвечает тот, прикрывая голову рубашкой.

Огонь пожрал только трёх молодок. Он преградил им дорогу перед самым мостиком. Ребята видели их из речки. Перед тем как сгореть, куры взлетели так высоко, что могли бы перелететь не одну такую речонку.

— Вот до чего доводит трусость! — сказал Сёма, охлаждая водой ожоги.

ТАРАКАНИЙ ОХОТНИК

Егорушка проводил последнюю перед школой зиму в старом доме у дедушки с бабушкой в большом селе. Дел у Егорушки было хоть отбавляй. И деду нужно помочь на конном дворе, и с бабушкой нужно на птичьей ферме побывать. А тут ещё сани, лыжи, снежная хижина... Да и сорок тоже кто-то должен на всякий случай палкой пугнуть, и дорожку в дровяник нельзя запускать. Занесёт её снегом — и не доберёшься. А больше всего приходилось воевать с тараканами.

— Откуда это они! — удивлялась бабушка. — Лет десять их не было, а теперь хоть из дому не уходи.

И гусиным-то крылышком сметала их бабушка в ведро с водой, и кипятком-то шпарила, и морила чем следует, а они наползали опять.

— Да что это за наказание такое, — жаловалась бабушка. — На всех управа находится: на мышей — кошки, на комаров — лягушки, на змей — ежи, а на них нет охотника.

— Нет, есть, — сказал дед и подмигнул внуку.

Подмигнул дед внуку и пообещал тараканьего охотника на этой же неделе в дом поселить.

— Кто это? Как его звать? — допытывался Егорушка.

— Как придёт, сам себя назовёт, — отшучивался дед. — А теперь давай домишко для охотника сооружать.

Сказал так дед и принялся сколачивать маленькую скворешенку. Подвесил он скворешенку на стену под потолок и в подпол полез. Добыл дед из подпола проволочную мышеловку и сказал:

— Теперь, Егор Сергеевич, давай на охотника охотиться.

«Неужели мышь — тараканий охотник? — подумал Егорушка. — Но как она под потолком в скворешенке будет жить?»

А дед тем временем насторожил мышеловку и приманку на крючок подвесил — сало. А потом велел Егорушке поставить мышеловку во дворе на столбик возле черёмухи и караулить из окна.

Как сказано, так и было сделано.

Долго Егорушка дежурил у окна. Даже устал. И вдруг смотрит — птичка прилетела. Жёлтенькая с чёрненькой головкой и белыми

щёчками. Он сразу узнал её. Это была большая синица.

«Неужели это и есть тараканий охотник? — удивился Егорушка. — Но как птица может попасть в мышеловку?»

А синица, учуяв сало, всячески старалась проникнуть к нему.

Вернулся дедушка, а синица всё ещё крутилась возле мышеловки, ища вход. И наконец нашла его. Прыг в ловушку. Хватать за сало. Крышка мышеловки захлопнулась.

Ура!

Дед с внуком побежали за синицей.

— Теперь давай приручать охотника, — сказал дед и прикрыл мышеловку платком.

Птица утихла и перестала биться. Часа через два, когда уже смеркалось, дед добыл синицу и сунул её в скворешенку.

— Пусть теперь там обседит, — сказал он.

Синица притаилась в скворешенке. Как сгинула.

Прошла ночь. Егорушка поднялся вместе с дедом.

— Теперь давай, Егор Сергеевич, учить охоте тараканьего охотника, — объявил дед. — Хотя это и не обязательно, а всё же для порядка не помешает.

Были пойманы штук пять тараканов и брошены в скворешенку. Послышалось — тук-тук!

— Ага! — Дед подмигнул внуку. — Проголодался охотник.

Егорушка не спускал глаз со скворешенки.

Он увидел, как два таракана выползли из неё.

— Упустил охотник добычу, — сказал дед.

Да этого не случилось. Птица высунулась в отверстие скворешенки и увидела убегающего таракана. Раздался охотничий клич. Взмах крыльев. Таракан был настигнут и проглочен. Синица снова скрылась в скворешенке.

— Вот это да! — радовался Егорушка. — Вот это охотник!

Большая синица — пугливая птица, но она скоро привыкает к людям. Не прошло и двух дней, как тараканий охотник орудовал у бабушки на кухне. А через неделю или чуть более тараканы исчезли. Редко-редко какой захудалый таракашка выползет из щели, но вскоре и эти редкие удачи оставили тараканьего охотника.

Синица стала промышлять разбоем. Стоит сливочное масло на столе... Улучит синица минуту... Кинется камнем на стол... Отсечёт, как топориком, своим клювом кусочек масла — и в скворешенку.

— Пора, видно, нам расставаться с охотником. Мусору много от него, — как-то сказала бабушка.

Егорушке не очень хотелось отпускать синицу, но пришлось. Птице полагается жить на воле.

Выпустили тараканьего охотника. Поскучали без него денёк-другой, а потом забыли. Но однажды раздался стук в замороженное стекло кухонного окна. Это была большая синица.

Бабушка даже чашку уронила от радости.

— Придётся, Егорушка, форточку открыть. На улице стужа, и, видно, нашему тараканьему охотнику приходится худо.

Егорушка открыл форточку. Синица с громким кличем влетела в знакомую кухню.

— Живи давай, живи до тепла, тараканий охотник, — сказала бабушка. — Ты нам помог, и мы поможем тебе за твои труды.

Тараканий охотник прожил до весны, а потом улетел и больше не возвращался.

С Л А В К А

У агронома в колхозе подрастал сын Славик. Когда мальчику исполнилось шесть лет, он заявил отцу:

— Папа, я тоже хочу быть агрономом. Я тоже, как ты, хочу выращивать хорошую пшеницу.

— Это очень приятно, — согласился отец. — Давай я отведу тебе поле.

И агроном отвёл своему сыну поле в палисаднике перед окнами дома, где они жили. Поле мальчику показалось очень небольшим. Оно было в один метр длиной и в один метр шириной — квадратный метр.

— Это не беда, — сказал отец. — И на этом поле можно вырастить знаменитую пшеницу.

Вскоре мальчику было показано, как нужно рыхлить землю, на какую глубину засеять маленькую пашню пшеничным зерном и как нужно за ней ухаживать.

Когда появились всходы, Славик очень обрадовался. Он тщательно пропалывал их, а когда земля подсыхала, поливал своё крошечное поле из маленькой лейки.

Пришло время убирать урожай. Славик вместе с отцом срезал колосья, а затем занялся молотьюбой. Молотили дома, на столе. Молотили карандашом, выбирая из каждого колоска зёрна.

Зёрен оказалось много. Ими можно было засеять всю землю палисадника.

Но отец сказал:

— Давай посеем только лучшие зёрна.

И Славик стал отбирать лучшие зёрна пшеницы — самые большие, самые пузатенькие. Нелегко было перебрать весь урожай. Не один час потратил Славик в долгие зимние вечера на сортировку зерна. Лучшие взял для семян, а остальные скормил уткам.

Пришла весна. Весной Славик снова перебрал отобранные семена и снова вместе с отцом взрыхлил и удобрил своё маленькое поле. Теперь уже отец работал меньше и меньше указывал.

Весело зазеленели всходы. Выше поднялись стебли. И понятно почему: поле было засеяно лучшими из лучших семенами. А когда появились большие колосья и стали наливаться тяжёлым зерном, Славик часами просиживал у своего поля. Он не мог дождаться урожая. Очень ему хотелось узнать, каким будет на этот год зерно.

Но однажды пошёл дождь с крупным градом. И Славик заплакал. Он боялся, что град погубит урожай, а поле закрыть было нечем. Но бабушка бросила через окно большой отцовский зонт, и мальчик раскрыл его над полем. Град больно хлестал Славика, потому что сам-то он был не под зонтом. Он держал зонт на вытянутой руке над своим полем. Из глаз Славика капали слёзы. Но Славик не уступил граду, не ушёл с поля.

— Ты настоящий мужчина, — сказал ему отец. — Только так и можно было защитить дорогие семена.

Чудесный урожай собрал Славик на вторую осень.

Теперь он уже знал, как нужно подсушить колосья, как их обмолотить, легонечко постукивая по ним карандашиком. Не дожидаясь совета отца, Славик отобрал самые крупные зёрна. Их нельзя было сравнить с прошлогодними. Те были куда мельче и легче.

На третий год Славик засеял поле самостоятельно. Он хорошо удобрил землю. Хорошо взрыхлил и засеял два квадратных метра. Он переходил уже во второй класс, и ему было под силу справиться с таким опытным полем. И он справился. К тому же помогал школьный товарищ.

Намолотив осенью достаточно пшеницы, мальчик пригласил сортировать зёрна друзей из своего класса, и те предложили Славику засеять большое поле.

Сказано — сделано. Весной ребята огородили большое поле в школьном саду — поле в десять метров длиной и в два метра шириной.

Славика ребята избрали главным агрономом и слушались его во всём. Кропотливо рыхлили землю и пололи сорняки.

Летом пшеница заколосилась ещё лучше, чем в прошлые годы. Заколосилась так, что на неё обратили внимание старики колхозники. Какая это была радость!

Однажды председатель колхоза сказал шутливо Славику:

— Товарищ главный агроном, продай колхозу урожай на семена.

Славик покраснел. Ему показалось, что председатель смеётся над его полем. А председатель не смеялся. Осенью он пришёл на обмолот урожая. Урожай теперь молотили почти всем классом Славика. Молотили в тридцать два карандаша.

— Давайте, молодые семеноводы, засеем этим хорошим зерном большое поле. Вместе, — предложил председатель.

Ребята согласились. И вот наступил пятый год. Ребята вышли на сев вместе с колхозниками. И вскоре был снят пятый урожай. Теперь его уже нельзя было обмолотить даже тысячей карандашей. Молотили на току, по старинке, ударяя колосьями по плетённому коробу. Боялись повредить зёрна.

На шестой год было засеяно огромное поле. А на седьмой и на восьмой новым, чистосорт-

ным пшеничным зерном засевались поля соседних колхозов. За ним приезжали издалека. Но всех немислимо было оделить семенами этого нового, урожайного сорта пшеницы. Давали семян по горсти, по две. Приезжие благодарили и за это.

...Когда я приехал в колхоз, мне показали эту отличную пшеницу и сказали:

— Это новый сорт пшеницы. Называется этот сорт «славка».

Тогда я спросил, почему так называется эта пшеница и откуда взялось это название. Может быть, от слова «слава» или «славная»?

— Да нет, нет, — ответил председатель. — Она так называется от имени Вячеслав, которого в детстве звали Славиком, а попросту — Славкой. Я познакомлю вас с ним.

И меня познакомили с высоким голубоглазым застенчивым юношей.

Он был очень смущён, когда я его стал спрашивать о пшенице, а потом рассказал историю этой пшеницы, начиная с первого урожая в палисаднике.

СМОРОДИНКА

Танюша много слышала о черенках, а что это такое — не знала.

Однажды отец принёс пучок зелёных прутьев и сказал:

— Это смородиновые черенки. Будем, Танюша, смородину сажать.

Стала Таня разглядывать черенки. Палочки как палочки — чуть длиннее карандаша. Удивилась Танюша:

— Как же из этих палочек вырастет смородина, когда у них нет ни корешков, ни веточек?

А отец отвечает:

— Зато на них почки есть. Из нижних почек пойдут корешки. А вот из этой, верхней, вырастет смородиновый куст.

Не верилось Танюше, что маленькая почка может стать большим кустом. И решила проверить. Сама решила смородинку вырастить. В палисаднике. Перед избой, под самыми окнами. А там лопухи с репейником росли. Да такие цепкие, что и не сразу выкопешь их.

Бабушка помогла. Повыдергали они лопухи да репейники, и принялась Танюша землю вскапывать. Нелёгкая это работа. Сперва надо дёрн снять, потом комья разбить. А дёрн у земли толстый да жёсткий. И комья твёрдые.

Много пришлось поработать Тане, пока земля покорила. Мягкой стала да рыхлой.

Разметила Таня шнурком и колышками вскопанную землю. Всё сделала, как отец велел, и посадила рядками смородиновые черенки. Посадила и принялась ждать.

Пришёл долгожданный день. Проклюнулись из почек ростки, а вскоре появились и листочки.

К осени из ростков поднялись небольшие кустики. А ещё через год они зацвели и дали первые ягоды. По маленькой горсточке с каждого куста.

Довольна Таня, что сама смородину вырастила. И люди радуются, глядя на девочку:

— Вот какая хорошая «смородинка» у Калининников растёт. Настойчивая. Работящая. Черноглазая, с белой ленточкой в косе.



ЧИЖИК-ПЫЖИК





122

ПЕРВЫЙ ЛУК

Мне шесть или семь лет. Я сюда приехал только вчера. Ещё звенят в ушах слова моей матери: «Слушайся во всём Котю». Котя — это моя тётка. Она старая дева. Ей уже сорок лет. И я её любимец, её единственный племянник.

Тётушка жила в своём доме, как и большинство рабочих этого прикамского завода. При доме двор, огород. Здесь, как говорит тётушка, началось моё детство. Я смутно помню об этом. Но всё, что было потом, никогда не изгладится в моей памяти.

Так вот...

Мне шесть или семь лет. Я стою на дворе дома моей тётки. Цветут белым пухом тополя. Только пух да пух и ни одного знакомого мальчишки.

В это утро я пережил впервые самое страшное из самого страшного — одиночество. Но оно длилось недолго, может быть, час, а может, и десять минут. Но для меня, нетерпеливого и торопливого, показались мучительными и эти минуты.

Между тем я этого не знал тогда: в щели соседского забора за мною зорко следили четыре «индейских» глаза. Два из них принадлежали Санчику Петухову, а другие два его брату Пете.

Видимо, нетерпение и торопливость были свойственны не только мне. Петя и Санчик знали за несколько дней о моём приезде. Появление нового мальчишки на соседнем дворе не такое частое и заурядное явление. С новичком нужно было познакомиться, затем или принять его третьим индейцем, или объявить бледнолицым врагом. Порядок не новый. Так поступали в наши годы все мальчики, игравшие в индейцев. Либо ты с нами, либо ты против нас.

Но как познакомиться? Крикнуть: «Иди к нам» или «Давай мы перелезем к тебе»... Это же не индейский способ знакомства. Поэтому через щель забора была пущена стрела. Она пролетела передо мной шагах в четырёх и впилась в бревенчатую стену дома. Я подбежал к стреле. Она довольно глубоко вошла в дерево, и я не без усилий вынул её.

— Это наша стрела! — слышалось с забора.

И я увидел двух мальчиков.

— Вы кто? — спросил я.

Они ответили:

— Индейцы! — и в свою очередь спросили: — А ты кто?

— Пока ещё никто, — сказал я, подавая ребятам стрелу.

— А хочешь быть индейцем? — спросил один из них.

— Конечно, хочу, — радостно сказал я, хотя и не знал, что значит быть индейцем, но верил, что это очень хорошо.

— Тогда перелезай через забор, — предложили они.

— Очень высоко, — боязливо сознался тогда я. — Лучше проведите меня через ворота.

И провели на петуховский двор. Я переступил порог новой для меня жизни.

На индейском языке Санчик назывался — Сан, а Петя — Пе-пе. Мне ещё не присвоили нового имени, потому что я не заслужил права называться охотником. Для этого нужно было прежде всего сделать своими руками лук и десять стрел, а затем попасть хотя бы тремя из них в картофелину с кулак, подвешенную на нитке.

Условия не лёгкие. Но не оставаться же бледнолицым и не терять же так счастливо найденных мальчишек за соседним забором.

Я согласился. И мне был вручён нож. Я впервые в жизни держал в своих руках этот простой и, как потом оказалось, могущественный инструмент. Он был настолько острым, что перерезал ветку так легко, будто это была струя воды из крана, а не дерево. Им можно было вырезать из сосновой коры поплавок, отделать удилице, выстрогать дранки для змея, заострить доску, воткнуть в неё лучинку, а затем назвать это сооружение кораблём.

И мне захотелось обзавестись своим ножом. Тётка была в ужасе, но отец моих новых знакомых сказал:

— Ему уже пора ходить с забинтованными пальцами!

Это ещё более устрало тётушку, но мои слёзы взяли верх. Я на другой же день пришёл с забинтованными пальцами. Но зато я знал, что нож не любит торопливых.

Рана поджила скоро, и мы отправились на кладбищенскую горку, где рос «верес» — этим именем называли можжевельник. Сан и Пе-пе, соорудившие не один лук, помогли мне выбрать хороший стебель. Плотная древесина плохо поддавалась ножу, и я не без трудов и не без помощи Сана вырезал из куста можжевельника будущий лук.

Теперь его предстояло обработать. Это далось легко, но не скоро. Но пришла счастливая минута. Лук согнут. Тетива из сурового, мною же сплетённого шнура звенит. Она так туга и так певуча. Теперь дело за стрелами. Их нетрудно сделать, для этого нужно нацепать прямослойную доску, а затем выстрогать круглые палочки. Но круглая палочка ещё не стрела. Стрел не бывает без наконечника, без копья, как его называли Сан и Пе-пе. А для этого нужно было вырезать из жести треугольнички, а затем при помощи молотка, большого гвоздя и железной плитки, заменявшей наковальню, сделать копья.

Это просто в руках Сана и Пе-пе. Это очень трудно в моих руках. Молоток ударяет то мимо, то слишком сильно и плющит жестяной треугольничек. Но копья нужно сделать. Час за часом молоток, подобно сварливому ножу, стано-

вится послушнее. Второй наконечник лучше первого, а третий лучше второго. Но все они очень плохи. Им далеко до копий Пе-пе и тем более Сана. Всё же их можно насадить на стрелы.

Картофелина подвешена на нитке. Отмерены семь индейских шагов, по два нормальных наших шага каждый.

Знак тишины. Изгоняются даже куры со двора.

И я стреляю. Мимо... Мимо... Мимо... Наконеч четвёртая стрела пронизывает картофелину и кружится вместе с ней... Пятая мимо... Зато шестая и седьмая вместе с четвёртой стрелой.

— Хватит, — сказал Сан, — теперь ты индейский охотник по имени Жужа.

Это была большая честь для меня, и я в этот день гордился собой, придя домой со своим луком и стрелами.

Это был очень радостный день моего детства. И я помню, как, вернувшись домой, долго рассматривал свои руки. Это они, мои милые руки с некрасивыми короткими пальцами и широкой ладонью, сделали меня счастливым. Именно они, а не что-то другое, и я даже решил без напоминания тётушки вымыть их с мылом. Они вполне заслужили такое внимание с моей стороны.

То, что мне рассказал на берегу Обманного озера Егор Иванович, могло произойти только здесь — в степных сибирских просторах, где природа сказочно щедра.

— Почему так странно называется это озеро? — спросил я у Егора Ивановича. — Кого-нибудь обманули здесь? Или у него обманное, топкое дно?

И Егор Иванович ответил:

— Сто лет отгадывай — не отгадаешь. А прозвание «Обманное» этому озеру куда как смешно пришло. Слушай...

На этом самом месте годков сорок тому назад, а то и больше, была Макарова заимка. Дедушка Макар тут жил. Он моему отцу какой-то дальней роднёй доводился. Под старость старик Макар стал искать тишины. Облюбовал он эту глушь на берегу безымянного озера и поставил тут пластяночку на два окна. И каждое лето летовал в этих местах. Много ли старику хлеба надо, а рыбы и мяса тут невпроед. И теперь, как видишь, озеро глуховато, а в ту пору и говорить нечего.

Внуков у дедушки Макара не было — только внучки. Вот он и приспособил меня приёмышем. Мой отец рано помер, а у матери нас шестеро на руках осталось. И мать с превеликим удовольствием меня на лето отпускала к Макару.

Сначала мне тоскливо было: я да он, озеро да степь. Случалось, и слезишки лил. А дедушка

Макар любил меня и придумывал разные забавы. То уток учил петлями ловить, то верши плести да ставить. Зверюшек выслеживали. Под курицу для забавы утиные яйца клали. Высидит курица вместе с цыплятами утят, и такое представление начнётся — вдвоём за семерых нахочемся, когда курицыны утята в озере плавают, а их мать по берегу как умалишенная бегаёт, на всю степь кудахчет: «Куда-куда?.. Куда вы, цыплятушки?.. Утонете!» А утятам и горя мало. Наплаваются — и под куриное крыло. Посидят, посидят — и снова в воду. Бедная мать опять кричит, надрывается во всю головушку, а мы с дедушкой до хрипоты хохочем.

Шутка эта старая, известная. Не один дед-шутник так внуков веселил, не одна курица утят высиживала. Только эта никчемушная шутка на умное дело дедушку Макара навела.

— Егорша, — как-то говорит он мне, — а что, если мы с тобой дикую утку домашних утят заставим высиживать?

— Как это, — говорю я, — так? А если она не сядет?

— А почему, — говорит он, — ей не сесть? Умнее, что ли, она курицы? Облюбруем два-три гнезда диких уток да и подменим яйца дикой утки яйцами наших домашних белых уток.

Тут надо сказать, что у дедушки Макара были хорошие утки, ноские. Неслись куда больше, чем для гнезда надобилось. Вот эти избыточные яйца и задумал Макар под диких уток класть.

Дело не мудрёное. Утиное гнездо на этом озере найти ещё легче, чем щуку поймать. Только я сомневаться стал.

— А вдруг, — говорю, — дедушка, дикая утка домашних утят дикими вырастит! Летать их научит и в тёплые места по осени лететь заставит.

А дедушка Макар на это мне, смеясь, говорит:

— Наша курица тоже хотела утят петушками вырастить, а они селезнями выросли. Из кукушкиного яйца в любом гнезде кукушонок проклюнется. Так и тут. Давай пробовать.

Я рад стараться. Накопили корзинку яиц от наших домашних уток. Сели в лодку. Дедушка на корме с веслом управляется, а я на носу с корзинкой пристроился. Как где дикая утка взлетит, туда и правим. Найдём гнездо и живёхонько произведём подмену яиц. Дикие — в лодку, а домашние в гнездо.

Через недельку наши белые утки снова корзиночку яиц нанесли. Мы с дедом опять в лодку. И так раза три. Сердчишко у меня колотится — выскочить готово. Во сне даже белых утят вижу с дикой серой матерью. Одного только не понимаю — как мы потом утят выловим.

— Не горюй, — говорит мне дедушка Макар. — Уж если мы диких уток обманули, домашних-то утят обязательно перехитрим. Куда им деваться, когда озеро застынет? Чем питаться будут, когда снежок выпадет?

— Это верно, дедушка, — говорю я и жду не дождусь, скоро ли дикие утки нам домашних утят высидят.

Как ни долго тянулись дни, а пришло время, когда утята вывелись.

Сотни выводков на озере, и все жёлтые. Не различишь. Только стал я замечать, что у диких уток не все утята пугливые. Другие даже к лодке подплывают, если им кусочки бросать. Мать в камыши, а они хоть бы что.

Подошёл срок — утята оперяться начали. Нелыханное дело на озере: утка серая, а утята белые. И серые и белые между собой в ладу. Ни драки, ни разногласий. Ничего. Всем корму хватает. Я день-деньской с озера не ухожу. Осени жду. Не наглажусь на белых утят.

Подошла осень.

Затабунились утки. Волнение на воде. Разговор. Выводки в стаи объединяются. Пробные взлёты начались. Старые молодых к дальней дороге готовят. А белая молодь, что из подложных яиц вылупилась, сама по себе плавать стала.

Мы с дедушкой Макаром глаза готовы проглядеть. К себе молодь зовём. Прикармливаем — не идут. Своих, домашних уток подбрасываем, чтобы те привели их к нам на заимку, в утиный пригончик. Не получается.

Стали ждать, когда застынет озеро.

Недолго пришлось ждать. Настал счастливый день, ударил первый морозец. Сковало льдом озеро. Не всё: с краёв. А белые утки на середине держатся. Серые-то уж давно за море улетели. Тут дедушка Макар, не будь плох, стал овсеца им подкидывать, пшенички. Утки вышли на лёд, клюют. А потом мы с дедушкой ов-

сяную дорожку стали насыпать. От озера — в свой пригончик. Своих, домашних уток опять для приманки выпустили. Ключуло ведь дело! До единой к нам в пригончик пришли да ещё двух-трёх уродцев из диких привели, которые улететь не могли.

Так оно и началось. Не один год мы с дедушкой уток обманывали. Не для забавы уж, а для дохода. А потом войны пошли... Дедушка Мака умер... Забыли озеро.

Годы, дожди да ветры нашу пластыночку с землёй сровняли...

А недавно, когда я сам дедом стал, меня тоже к тишине потянуло. И главное, как вышло-то это. Инкубатор у нас завели. Маленький инкубатор, сотни на две яиц. Хорошо дело пошло. Яйца закладывают, электрическое тепло из них утят, гусят, даже индеек выпаривает. Тут-то я и вспомнил свои ребяческие годы да дедушку Мака. Вспомнил и выступил на собрании.

— Инкубатор, — говорю, — штука хорошая. Только, — говорю, — инкубаторных-то утят кормить надо. А дикая, — говорю, — утка по нашей местности — даровой инкубатор и даровая кормилица.

Рассказал всё, как было. Меня, конечно, на смех подняли. Да только не все смеялись — нашёлся человек, который ко мне вечером заглянул, а наутро мы с ним на озеро в его машине покатались.

Недели не прошло — заповедником это озеро сделали. Меня в водяные произвели, главным

начальником поставили. Дом, видишь, какой сгрохали. Племенной утятник построили. Пятьдесят несущек поселили. Птичницу прикомандировали.

А что касается подмены яиц в диких утиных гнёздах, этим теперь детвора занимается. Как уткам садиться в гнёзда, то из одного класса десятков помощников пожалует, то из другого пятнадцать весёлых утиных обманщиков приедут. Живёхонько гнёзда разведают, подмену производят — и на том же грузовике домой.

Теперь, я думаю, тебе не надо досказывать, почему это озеро у нас Обманным прозвали. И так ясно.

МАМА И МЫ

Если обо всём своём детстве говорить, недели, пожалуй, мало будет. А так, кое-что — пожалуйста. Вот, например, случай был...

Мы задержались в школе, потому что заканчивали выпуск стенной газеты. Когда мы вышли, уже смеркалось. Было тепло. Падает крупный, пушистый снег. Видимо, поэтому Тоня и Лида дорогой танцевали танец снежинок. Мой младший брат, ожидавший меня, чтобы идти вместе, подсмеивался над ними:

— Скажут, как первоклассницы!

Снег падает всё гуще и гуще. Танцевать стало нельзя. Снегу навалило до половины валенка.

— Не заблудиться бы! — предупредил нас, на

правах самого дальновидного, мой младший братец.

— Да ну тебя, трусишка! — отозвалась Лида. — Через пятнадцать минут будем дома.

Снегопад между тем усиливался. Забеспокоился и я, зная, как жестоки наши степные сибирские метели. Случалось, что люди теряли дорогу, находясь близ своего дома. Я посоветовал прибавить ходу, но это сделать уже было нельзя по глубокому слою снега, покрывшему дорогу.

Стало ещё темнее. Наступила какая-то белая снежная темнота. А потом началось то, чего я опасался. Снежинки вдруг закружились... Закружились в таком танце, что через несколько минут началась настоящая пурга, вскоре перешедшая в большой буран.

Девочки закутали лица платками. Мы с Федей опустили у шапок уши. Узенькая дорожка, которая вела в наше сельцо, то и дело исчезала под ногами. Я шёл первым, стараясь не потерять под ногами дорожный накат. До дому оставалось менее версты. Я верил, что мы выберемся благополучно.

Напрасно.

Дорога исчезла. Будто её из-под ног украл кто-то очень недобрый из сказки моей бабушки. Может быть, Шальная Метелица... может быть, злой старик Буран Буранович.

— Вот, я же говорил! — упрекнул нас Федя.

Лида ещё бодрилась, а Тоня почти плакала. Она уже побывала в пурге со своим отцом. Она ночевала в снежной степи. Но тогда в санях был

запасной тёплый тулуп, и Тоня, укрытая им, благополучно проспала ночь. А теперь?

Теперь мы уже выбивались из сил. Я не знал, что делать дальше. Снег таял на моём лице, и лицо от этого обледеневало. Ветер свистел на все лады. Чудились волки.

И вдруг в вое ветра я услышал спокойный голос матери:

«Кого ты испугался? Пурги? Тебе хочется кричать? Кто тебя услышит при таком ветре! Может быть, ты надеешься, что вас найдут собаки? Зря. Какая собака пойдёт в степь при такой погоде! У тебя осталось только одно: зарыться в снег».

Я так отчётливо слышал голос моей матери, отлично зная, что маминым голосом я разговариваю сам с собой в моём воображении. И я сказал:

— Мы сбились с дороги. Мы можем выбиться из сил и замёрзнуть. Давайте зарываться в снег, как это делают кочевники.

Видимо, я объявил об этом так твёрдо, что никто не возразил мне. Только Тоня плачущим голосом спросила:

— А как?

И я ответил:

— Так же, как куропатки.

Сказав так, я первым начал рыть колодец в глубоком февральском снегу. Я его начал рыть сначала школьной сумкой, но сумка оказалась толста; тогда я вынул из сумки географический атлас в прочном картонном переплёте. Дело пошло быстрее. Меня сменил брат, потом Тоня.

Тоня даже развеселилась:

— Тепло как! Попробуй, Лидочка. Разогреться.

И мы стали поочерёдно рыть колодец в снегу. После того как колодец достиг нашего роста, мы стали прорывать пещерку в его снежном боку. Когда метель заметёт колодец, мы окажемся под снежной крышей вырытой пещерки.

Вырыв пещерку, мы стали размещаться в ней. Ветер вскоре замёл снегом колодец, не задувая в пещерку. Мы оказались под снегом, как в норе. Будто тетерева. Ведь и они, бросаясь с дерева в сугроб и «утонув» в нём, потом проделывают подснежные ходы и чувствуют себя там самым великолепным образом.

Усевшись на школьные сумки, согревая своим дыханием маленькое пространство нашей каморки, мы почувствовали себя довольно уютно. Если бы ко всему этому ещё оказался огарок свечи, мы могли бы видеть друг друга.

У меня был с собой кусок свиного сала, оставшийся от завтрака. И если бы спички, я бы сделал фитиль из носового платка и у нас бы появился светильник. Но спичек не было.

— Ну вот, мы и спаслись, — сказал я.

Тут Тоня неожиданно объявила мне:

— Коля, если захочешь, я подарю тебе моего Топсика.

Топсиком назывался ручной суслик.

Суслик мне был не нужен. Я ненавидел сусликов. Но мне было очень приятно Тонино обещание. Я понимал, чем вызван этот щедрый по-

рыв души. Да и все понимали. Не зря же Лида сказала:

— Ты, Николай, теперь у нас сила! Мужчина!

В её голосе я снова услышал голос мамы. Видимо, в каждой женщине, даже если ей всего только двенадцать лет, есть какая-то материнская хитринка, подбадривающая мужчину, если этому мужчине тоже только двенадцать лет.

Я почувствовал себя в самом деле сильным и стал рассказывать бабушкины сказки. Я их стал рассказывать потому, что боялся уснуть. А когда я усну — уснут и остальные. А это было опасно. Можно замёрзнуть. Одну за другой я рассказывал, наверное, тридцать, а может быть, и больше сказок. Когда же вышел весь запас бабушкиных сказок, я стал придумывать свои. Но, видимо, придуманные мною сказки были скучными. Послышался лёгкий храпоток.

— Кто это?

— Это Тоня, — ответила Лида. — Она уснула. Мне тоже хочется спать. Можно? Я вздремну только одну минуточку.

— Нет, нет! — запретил я. — Это опасно. Это смертельно опасно.

— Почему же? Смотри, как тепло!

Тут я нашёлся и соврал так удачно, что после этого никто не пожелал даже дремать. Я сказал:

— Волки нападают на спящих. Они только того и ждут, чтобы услышать, как храпит человек.

Сказав так, я привёл уйму случаев, выдумываемых мною с такой быстротой, что даже не верится сейчас, как это я мог...

Теперь рассказывали другие. По очереди.

Время шло медленно, и я не знал, полночь сейчас или, может быть, уже брезжит рассвет. Колодец, вырытый нами, давно замела пурга.

Пастухи-кочевники, оказываясь в таком же положении, выставляли из снега высокий шестик. Они специально брали его в степь на случай бурана, чтобы потом их можно было найти, отрыть.

У нас не было шеста, и нам не на что было надеяться. Только на собак. Но и они бы не учуяли нас сквозь толщу снега.

Моё сало давно было разделено и съедено, как и Лидин ломоть хлеба.

Всем казалось, что уже настало утро, и хотелось верить, что пурга кончилась, а я боялся прорываться наверх. Это значило забить снегом пещерку, вымокнуть и, может быть, очутиться снова в белой снежной мгле. Но каждый из нас понимал, какое беспокойство мы причинили всем. Нас, может быть, ищут, кличут в степи... И я представил свою маму, которая кричит сквозь ветер: «Колюнъка... Федюнъка... Отзовитесь!..»

Подумав об этом, я стал прорываться наверх. Снежная крыша над нами оказалась не столь толста. Мы увидели бледнеющую луну и гаснущие звёзды. Занималась какая-то сонливая, словно невыспавшаяся, бледная заря.

— Утро! — крикнул я и стал проделывать ступени в снегу, чтобы выбраться остальным.

С неба сыпались запоздалые снежинки. Я сразу же увидел наш ветряк. Дым из труб поднимался тонкими, будто туго натянутыми струнами. Люди проснулись. А может быть, они и не спали в эту ночь...

Вскоре мы увидели наших ребят. Они обрадованно бежали к нам и кричали:

— Живые! Все четверо! Живые!

Мы бросились к ним навстречу. Я не стал медлить и слушать, что рассказывали об этой ночи, обо мне Тоня и Лида. Я побежал к нашему домику.

Саней на дворе не было — значит, отец ещё не вернулся. Открыв дверь, далеко оставив за собой Федюнъку, я бросился к маме. Бросился и... что было, то было... и заплакал.

— Да о чём ты? — спросила мать, утирая мне слёзы передником.

И я сказал:

— О тебе, мама... Ты, наверное, голову потеряла без нас.

Мать усмехнулась. Освободилась от моих объятий и подошла к кровати Леночки. Это наша младшая сестра. Подошла и поправила одеяльце. И сказала ей: «Спи». Хотя та и без того спала, и одеяльце незачем было поправлять. Потом она подошла к подоспевшему Федюнъке и спросила:

— Валенки не промокли?

— Нет, — ответил он. — Под валенками атлас был. Полушубок вот подмок. Есть я хочу...

— Переобувайтесь да живо за стол, — сказала мать, ничего не спросив о минувшей ночи.

«Да любит ли она нас? — впервые подумал я. — Любит ли? Может, эта ревунья Леночка у неё один свет в глазу?»

Когда мы съели по две тарелки горячих щей, мать сказала:

— Я постлала, ложитесь. В школу не пойдёте. Нужно выспаться.

Я не мог уснуть, а спать хотелось. Я пролежал до полудня в тёмной горнице, с закрытыми ставнями.

Нас позвали обедать. Приехал отец. Он уже знал всё от Лиды и Тони. Он хвалил меня. Обещал мне купить маленькое, но настоящее ружьё. Он удивлялся моей находчивости.

А мать?..

Мать сказала:

— Парню тринадцатый год. И смешно было бы, если бы он растерялся в метель да себя с товарищами не спас.

— Анюта!.. — укоризненно заметил отец матери.

А мама перебила отца и сказала:

— Ешь давай! Каша стынет. Хватит разговоры разговаривать! За уроки им брататься надо. Ночь пробродяжничали, день потеряли...

После обеда Тоня принесла мне Топсика. Я не взял его.

Лидина мать, Марфа Егоровна, явилась с большим гусаком и, низко поклонившись матери, сказала:

— Спасибо тебе, Анна Сергеевна, что такого сына вырастила! Двух девок спас. У Тоньки-то сестры есть, а Лидка-то ведь у меня одна...

Когда Марфа Егоровна кончила свои причитания, мама сказала:

— Как тебе не стыдно, Марфа, моего недотёпу Кольку героем выставлять! — И, повернувшись, наотрез отказалась взять гусака.

Вечером мы остались с бабушкой вдвоём. Мать ушла на станцию, к фельдшеру. Сказала, что угорела — болит голова.

С бабушкой мне всегда было легко и просто.

Я спросил её:

— Бабушка, хоть ты скажи мне правду: за что нас так не любит мать? Неужели мы в самом деле такие нестоящие?

— Дурень ты, больше никто! — ответила бабушка. — Мать всю ночь не спала. Ревела как умалишённая... С собакой по степи вас искала. Колени обморозила... Только ты ей, смотри, об этом ни гугу! Какова она есть, такую и любить надо. Я её люблю...

Вскоре вернулась мать. Она сказала бабушке:

— Фельдшер дал порошки от головы. Говорит, чепуха. Через месяц пройдёт.

Я бросился к матери и обнял её ноги. Сквозь толщу юбок я почувствовал, что её колени забинтованы. Но я даже не подал виду. Я никогда ещё не был так ласков с нею. Я никогда ещё так не любил свою мать. Обливаясь слезами, я целовал её обветренные руки.

А она всего лишь, как бы между прочим, буд-то телёнка, погладила меня по голове и ушла, чтобы лечь. Видимо, стоять ей было трудно.

В холодной холе растила и закаливала нас наша любящая и заботливая мать. Далеко смотрела она. И худого из этого не получилось. Федюнька теперь дважды Герой. И про себя я кое-что мог бы сказать, да матерью строго-настрого завещано как можно меньше говорить о себе.

НАБОЛЬШИЙ

В деревне Карасинской я не был года три. Меня переводили под Славгород. А потом я вновь вернулся в знакомую деревеньку и снова поселился у Тычкиных.

Тычкины меня приняли как родного. И мне было радостно встретиться с этой крепкой, старожильской сибирской семьёй. Разговаривая о том о сём, старуха спросила меня:

— А шапку-то хоть нажил там?

— Нажил, — ответил я, — да прожил. За-ячья была. Износилась.

— Корсачью надо. Тебе этот мех к лицу, — посоветовала невестка Тычкиных Настя. — Споймал бы корсачка, вот тебе и треушок.

— Да как я его поймаю? Это ведь хитрый зверь.

— А ты его выдymi — да сеткой. Мой на-больший тебя научит, — сказала Настя, — как корсаков из нор дымом выгонять.

— Да сколько же лет теперь твоему наболь-шему?

— Порядком уж. Мужик в полную силу. Де-сятый год Стёпе на той неделе пошёл.

— Ну, тогда нечего и говорить, — согласился я с тем же юмором без улыбки, какой свойствен был Тычкиным да, впрочем, многим сибиря-кам.

...И мне вспомнился дождливый осенний день. В луже посреди двора стоял Стёпка. Он был в одной короткой рубашонке и в сапогах.

Стёпочка, размахивая кнутом, сражался с драчливым петухом. Петух набрасывался на не-го, а Стёпа, стоя посреди лужи, был защищён водой. Озлобленный петух забежит в лужу по шпороину — и с криком обратно. А мальчик тем временем успевает стегнуть кнутом петуха. Птица с криком взлетает и снова предпринимает атаку. А Стёпа смеётся, дразнит петуха. Его синие глазёнки горят воинственным задором. Ветер раздувает удивительно белые и тонкие во-лосы. Он без штанов. Ножонки его порозовели на холодном ветру. На голени заметна царапи-на — петух успел изловчиться и поранил про-тивника...

Птица снова с криком переходит в наступле-ние и, поскользнувшись, оказывается в луже. Мокрый и обескураженный, петух даёт тягу.

Стёпочка звонко хохочет. Смеётся и счаст-ливая мать, тайно вместе со мной наблюдавшая из окна сцену боя драчливого петуха с её сы-ном.

Стёпу зовут домой. Моют в корыте. Он капризничает. Скандалит. Жалуется на мыло, попавшее в глаза. Потом пьёт тёплое молоко и укладывается спать.

...И вот теперь, спустя три года, вошёл в горницу крупный розовощёкий парень. В плисовых штанах, заправленных в сапоги. В вышитой косоворотке. Он не узнал меня — забыл. Но сказал:

— Здорово живём!

Я поздоровался с ним и спросил:

— Правда ли, Степан, что ты корсаков можешь выдымливать?

— Могу, да дельных напарников нет. Им бы торопиться только. А зверя с умом выдымливать надо. Ждать.

— Это верно, — согласился я. — Ты меня возьми.

— А чем дымить у тебя есть? Своё дымило я на два капканчика променял.

— Найдём, Стёпа! Найти бы нору...

— Эка невидаль! Я их штук пять заприметил. Хоть одна-то из них будет не пустая.

— Не может иначе и быть, — со всей серьёзностью подтвердил я. — Значит, по рукам?

— По рукам, — сказал Стёпа и попросил у бабушки есть.

Ел он тоже солидно, аккуратно, не роняя крошек, как бабушка учила. Не залюбоваться таким парнем — значит ничего не понимать в детях.

Дымило я нашёл. Оно ничем не отличалось от дымарки, какой обычно окуривают пчёл.

Разница была лишь в наконечнике в виде изогнутой трубки, которая вставлялась в нору.

Мы вышли в степь утром. Я нёс дымило, а Стёпа — сетку с обручем. Даже две.

Перевалив невысокую гриву, мы оказались на пустынной целине.

— Это самое корсачье место, — предупредил меня Стёпа. — Бросай курить, Фёдор. Они, как кержаки, дыму не любят.

Стёпа шёл точно к норе и, когда подвёл меня к ней, тихо сказал:

— Это первая. Ищи выходы. Выход у них не один.

До этого я знал, что корсаки, как и лисы, вырывая нору, делают несколько выходов на случай опасности. Вскоре я их нашёл два, кроме главного, который Стёпа называл «большими воротами».

На выходы были положены сетки с обручами. Сетки Стёпа распёр и приподнял стеблями полыни, чтобы корсак, выскочив, не встретил препятствия. Обручи сеток Стёпа прикрепил дужками из толстой проволоки.

— А теперь давай забивать этот ход, который ты не приметил, — указал он на третий выход норы, вовсе не щеголяя своим охотничьим превосходством.

Этот ход мы забили сухими стеблями, землёй, затем Стёпа велел «для крепости заступить его лопатой». Наступив на главный вход норы, на «большие ворота», мой набольший разрешил мне курить и велел раздувать дымило.

Я положил в дымило трут, поджёг его, навалил углей и стал раздувать. Когда угли разгорелись, Стёпа принялся класть в дымило куски кизяка, тряпье, которое, по его выражению, «дымит куда как ядовито». Затем всё это он посыпал «горючей серой», потом сказал:

— Давай дыми в «ворота», а я с батиком стану на выходах.

Я и не заметил, что к поясу Стёпы была привязана палка. Это был ствол молодой берёзки, выкопанной с корнем. Обработанным корневищем батика обычно ударяли по голове корсака, попавшегося в сетку.

— Живьём-то бы лучше, — сообщил мне Стёпа, — но ежели он начнёт прогрызать сетку, тогда придётся стукнуть. Давай, парень, не разевай теперь рот! Выдымливай!

И я принялся дымить, вставив изогнутый конец трубки дыма в главный ход норы. Стёпа поправил меня — присыпал землёй трубку, чтобы дым не пропадал даром, а «полняком шёл в нору». Правильное замечание.

Хотя я и относился к Стёпе с добродушной насмешливостью, всё же сейчас я почувствовал его первым охотником, а себя — вторым. Ведь он уже добыл на своём веку шесть корсаков, а я — ни одного.

Спустя некоторое время дым показался из ближнего выхода.

— Давай, паря, дыми, дыми! — приказывал Стёпа. — На полный мех шевели, чтобы ему ноздри разъело.

И я дымил «на полный мех», качая мехи правой рукой и левой придерживая дымило.

Так прошло немало времени. Корсак не появлялся.

— Степан Кузьмич, — обратился я к своему набольшему, — никак, на пустую нору напали?

Только я произнёс эти слова, как Стёпа крикнул:

— Эх, сундуки! Проглядели... Вон он где! Сыпь теперь ему соли на хвост — остановится.

Оказывается, мы проглядели четвёртый выход, и серая степная лисичка — корсак — воспользовалась именно этим выходом.

— Значит, пропало наше дело! — с грустью сказал я.

— А ты, паря, не горюй, — посоветовал мне Стёпа. — Заслоняй ход. Забивай его. Один выскочил, а другой, может быть, там.

Охотничий пыл меня бросал слегка в дрожь, когда я заделывал четвёртый выход.

Стёпа, заметив это, сделал замечание:

— С такими торопыгами сам торопиться начинаешь... Ну да ничего. Это корсачонок выбежал: ноздри у него не выдержали. А матёрые в норе.

И он не ошибся. Не прошло и двух-трёх минут дымления, как в сетке оказалось сразу два корсака.

Стёпа молниеносно скрутил их там и крикнул мне:

— Давай их живьём в мешок!

Я помог ему скрученных и запутавшихся в сетке корсаков положить в мешок и туго свернуть его, так, чтобы звери лишились возможности двигаться. Пока мы этим занимались, из норы, освободившейся от сетки, выбежали ещё три корсака: матёрые и корсачонок. Стёпа ударил себя кулаком по лбу.

— Так тебе и надо, старый дурак! — сказал он себе, видимо повторяя слова деда. — Не заступил нору... И всё ты, Фёдор! — напустился он на меня. — Вам, городским, только двустволками в чаек пулять, а не то чтобы зверя брать...

Корсаков, не заходя в деревню, мы доставили на станцию, где сдали их живьём.

Сдавая, Стёпа сказал:

— Мне ситцем, а ему шапкой рассчитывайтесь.

За живых корсаков уплатили вдвое. Зверьков посадили в клетку вместе с тремя другими, сказав, что теперь их можно отправлять в Омск, какому-то учреждению со странным названием «Живзверьзагот».

Я получил хороший корсачий треушок. Мне ещё причиталась «сдача»: ситцем, нитками, чаем, керосином — чем я пожелаю. От «сдачи» я отказался и попросил приплюсовать её к доле набольшего зверолова, но тот сказал на это:

— Уговор был у нас — исполу. Исполу и получай.

Тогда, чтобы не обижать моего дружка-товарища, я выбрал себе цветной шарф, и мне ещё дали катушку ниток. Стёпа взял только ситец.

Когда ему намерили положенное, он попросил на бумажке написать, «во сколь ценили корсаков и сколько и почём намерили ситцу».

Продавец исполнил это и, попрощавшись со Стёпой за руку, сказал:

— Если что, Стёпа, будет опять — отоварим по твоему усмотрению.

— Бывайте здоровы! — помахал рукой Стёпа, взваливая мешок с ситцем за плечи.

Когда мы пришли в Карасинскую, Стёпа деловито положил мешок перед матерью и сказал:

— Ситчишко, маманя, тебе на платье и свекровке на юбку.

— Спасибо тебе, родимец, — целовала его старуха, — за то, что ты свекровку-колотовку не забываешь!

Когда сели ужинать, Степан попросил «испить с устатку» жбан браги. Мать поставила брагу. Он отхлебнул глоток и сделал замечание:

— Беда, какая ядрёная! Для меня пожиже надо варить да сахару класть.

— О чём разговор! — согласилась бабушка. — Сказано — сделано.

Об охоте Стёпа не начинал разговора первым. Это могло выглядеть несолидно. И лишь когда вернувшийся с заимки отец спросил его: «Как зверовали, мужики?» — Стёпа скупно рассказал об охоте, не роняя моего достоинства, а даже похвалил меня:

— Из Фёдора будет толк. Может...

Взрослые переглянулись, не обронив, однако, ни единой усмешки.

Перед сном мать мыла Стёпу в корыте на кухне. Стёпа капризничал, скандалил. Жаловался на мыло, которое ему ест глаза. Потом ему велели выпить кружку парного молока и уложили спать.

ТОЛКОВЫЙ МАЛЬЧИК

Из всех дедушкиных былей-небылей Миша больше всего любил рассказ про хмельную вишню. Рассказ про то, как жадная мельничиха, чтобы не выбрасывать вишню, на которой настаивала настойку, решила скормить ягоды уткам. И как утки съели эти хмельные ягоды и повалились вверх лапками.

Очень смеялся Миша, когда жадная мельничиха хмельных уток приняла за дохлых и ощипала их до перышка, чтобы добро не пропадало.

Ещё громче хохотал Миша над концом рассказа, когда голые, ощипанные утки в себя пришли. Ожили. На ноги поднялись, и мельничиха на всю улицу выла: уток жалела.

И дед хохотал, рассказывая внуку эту смешную байку.

А внук вдруг задумался и сказал:

— А что, дедушка, если лесную птицу хмельными ягодами накормить... Бери тогда больших тетеревов без ружья.

Дед вначале посмеялся над внуковой выдумкой, а потом задумался. И было над чем.

В тайге зимой тетерева держатся стайками. Голодные птицы падки на всякую пищу. И если насыпать тетеревам хмельных можжевельных ягод, брусники, черники и всего того, чем они кормятся, может быть, и в самом деле без ружья можно будет птицу добывать.

Поразмыслил дед над внуковой подсказкой и принялся настаивать хмельные ягоды. Хоть и не верил дед в эту хитрость, а отчего не попробовать, внука не потешить.

Настоял дед множество ягод. Чуть не целое лукошко их наморозил. Отправился с внуком в тайгу на тетеревиное место. Поставил кормушечку в виде столика, насыпал на стол хмельное угощение и был таков.

— Вечером, внук, придём. Посмотрим, что будет.

Пришёл Миша с дедом под вечерок. Крадутся к полянке. Видят: по кормушке большущий тетерев ходит. Пошатывается.

— Не спугнуть бы, — предупреждает дед.

Какое там! Тетерев себя не помнит — никого не видит. Бормочет, как пьяный дурак. Бери и клади его в мешок.

Так и сделали.

— А корм где? — спрашивает дед. — Неужто всё лукошко ягод один съел?

Сказал так и видит: неподалёку от кормушки другой пьяненький тетерев валяется. А потом и третий...

Стали ходить вокруг хмельной привады и столько хмельных тетеревов набрали, что и мешок тесен оказался.

Чуть не в пляс пустился дед. И не столько добыче рад, сколько тому, что внук его, Миша, сообразительным, толковым мальчиком растёт. А это всего дороже.

Дорого было и то, что не для гибели внук заполучил столько тетеревов, а для пользы оскудевших дикой царь-птицей лесов. На другой день приехали из птичьей переселенской конторы и спрашивают:

— Ну как, Мишенька, протрезвели твои крылатые забулдыги?

— В полной исправности, — отвечает вместо Миши дед. — Только я им для опохмелки ещё винной брусники подсыпал, сонными-то им легче будет в клетках дальнюю дорогу перенести. И не почуют, как за тысячи вёрст окажутся и дальний лес за свой родной примут. Примут и птенцов высидят. А птенцы-то, — шутит дед, — подрастут и постоянную прописку получают: тульскую, брянскую, московскую, питерскую... Одним словом, ту, куда умчат их на «Ту»...

Счастливый Миша получил за бескровную охоту что положено и хороший сон увидел. Тетерев к нему прилетел и пробормотал, на спинке стула сидючи:

— Спасибо тебе, Михаил Семёнович, за то, что ты меня без моего испуга взял, страху не нагнал в меня и в богатый кормом лес переселил...

За это жалую тебе почётный значок на школьную курточку...

Удивительного в том нет, что тетерев во сне Мишу значком за охрану природы наградил. Во сне всякое случается. Но то, что проснувшийся Миша на своей школьной курточке приколотый тетеревиной лапой значок за охрану природы увидел, это уж ни в какие ворота не лезет, если не считать, что у внука дед был, который умел всякие и разные сны показывать и своего Мишеньку похожим на себя растить... Добрым, умным, толковым мальчиком...

РАЗНЫЕ ЦВЕТЫ

Ромаше Ваганову до всего было дело. Он всё принимал близко к сердцу. Всюду старался приложить свои руки.

На его глазах вырос посёлок Никитово. Он помнит, как в ковыльной степи закладывали первый дом. А теперь красуются три улицы да ещё намечаются две. Никитово будет маленьким совхозным городком. Так его можно называть и теперь. В посёлке есть и школа и почта, два магазина, детский сад, но нет цветов. Почти нет. Нельзя же считать цветами долговязые мальвы да крошечные маргаритки, которые растут в двух-трёх палисадниках. Цветы — это розы, пионы, тюльпаны, георгины, нарциссы, флоксы и другие, которые так нарядно «цветут» на страницах книг о цветах и цветоводстве. Та-

ких книг, надо сказать, в магазине посёлка было достаточно, а цветочных семян — ни пакетика. Наверно, магазину не до семян, потому что самые главные товары едва успевают завозить. Заведующий магазином прямо сказал:

— Не разорваться же мне...

Прав он, конечно. У него забот без цветочных семян достаточно, а всё-таки он своего милого племянника Стасика не забыл. Подарил ему семена. Разные. Стасик сам говорил об этом в школе. Стасик хоть и не плохой мальчишка, а любит похвастаться.

Конечно, Ромаша мог бы у Стасика Поливанова попросить семян, да как-то язык не повернулся. Не любит Стасик с другими делиться. Он не то чтобы жадненький, а какой-то чересчур бережливый. Мяч футбольный и тот жалеет, хотя одному никак нельзя даже в самый простой футбол играть. Хоть двоих, да надо: один мяч в ворота загоняет, а другой ворота защищает. Поэтому ребята в классе старались у Стасика ничего не просить. Махнул Ромаша рукой на Стасика и пошёл к дедушке. Дедушку тоже Романом звали. Сидят два Романа в натопленной кухне и совещаются о цветах. Совещались они, совещались, придумали разные ходы-выходы, а потом дед и говорит:

— Ромка, свет-то ведь не клином сошёл. И неужели всё дело в Стаськины семена упёрлось? Мир-то ведь велик. Разве мало у нас народа живёт, которым некуда деть цветочные семена!

— Это верно, дедушка, — сказал Ромаша, — но ведь как узнаешь, у кого лишние семена есть.

— Да ведь ты грамотный человек, — говорит дед, — кликни клич, что, мол, так и так, в хорошем посёлке Никитово всё есть, а с цветами конфуз получается.

— А как я клич кликну, — спрашивает внук, — по радио?

— Можно и по радио, но через газету вернее. Все прочитают. И хоть один человек, да откликнется.

Долго сочинял Ромаша письмо. Дед в двое очков читал написанное. Исправлял. Советовал. Подсказывал. И наконец получилась короткая хорошая заметка. Ничего в ней ни у кого не просил Ромаша, а рассказывал то, что есть. Про новую школу, про электрическое освещение, про широкие улицы, про хорошие дома... Ничего не выдумал. Всему точное слово вместе с дедом нашёл, а потом перешёл на цветы. Не жаловался, а просто сказал: «Так уж случилось, что не до цветов пока было нам в молодом целинном посёлке Никитово. С другими делами еле справлялись». А потом в самом конце приписал:

«Хорошо бы, если бы кто-нибудь прислал нам хоть немного цветочных семян. Ни одному бы семечку пропасть не дали».

Подписал своё имя и фамилию Ромаша, указал адрес посёлка, перечитал написанное, проверил до запятой и послал заказным письмом в «Пионерскую правду».

А вдруг да в самом деле напечатают! А если

не напечатают, то все равно напишут ответ и скажут, куда ему лучше всего обратиться. Вре-
мя ещё терпит. За окном ещё метелицы метут, а
снег и не думает таять.

Почти каждый день дед с внуком о письме
вспоминают, дни считают, ответа ждут.

А потом, как это и бывает, забыли о письме.
У Ромаши школьные дела. А у Романа Василь-
евича тем более прибавилось работы с прибли-
жением весны.

А письмо Ромаши между тем было прочитано
в редакции, похвалено и напечатано. Ромаша и
не знал, получив номер «Пионерской правды»,
что в нём красуется в рамочке с цветочками его
заметка. Он, как всегда, пришёл в школу, сунул
в парту свою сумку и решил сбегать в уголок жи-
вой природы, проверить, как себя чувствуют
ежи. В коридоре его остановил Стасик.

— Пришлют, думаешь? — спросил он.

— Ты о чём?

— О газете.

В руках Стасика была газета «Пионерская
правда» с заметкой. Ромаша хотел взять газету,
но верный себе Стасик сказал:

— Я сам ещё не всю прочитал...

Ромаша не успел сказать Стасику то, что
нужно было сказать, как в его руках оказалось
сразу три газеты.

Какое счастье читать в газете написанные то-
бою слова! Не беда, что заметку немножечко со-
кратили. Зато жирными буквами приписали от
редакции очень хорошее обращение. Редакция

надеялась, что школьники посёлка Никитово не
останутся в этом году без цветочных семян. И на-
дежды редакции оправдались. Не прошло и дня,
как пришли сразу три телеграммы о присылке се-
мян. Затем пошли письма. Никогда ещё в Ники-
товское почтовое отделение не приходило столько
писем, бандеролей и посылок: ящики с луковица-
ми, корневищами, черенками, отводками.

И у каждого, и у всех появились цветы. Они
запестрели в палисадниках перед окнами, в
школьном саду и на площади посёлка. Они за-
цвели возле почты и у магазина. Они появились
и в глиняных горшках на подоконниках домов.
И все говорили о цветах.

Молчал только Стасик. Цветы не радовали
его. Они не то посмеивались над ним, не то упре-
кали его, и Стасик старался обходить их. Но это-
го сделать было нельзя. Этого сделать было
нельзя вовсе не потому, что Стасик всюду встре-
чался с цветами, а потому, что никому не удава-
лось уйти от своей памяти, от своей совести. Не
ушёл от них и Стасик.

Ребята уже забыли, что Стасик пожалел для
них цветочные семена, а он помнит и никогда не
забудет этого.

ЧУЖАЯ КАЛИТКА

Алёша Хомутов рос мальчиком старатель-
ным, заботливым и работающим. Его очень люби-
ли в семье, но больше всех Алёшу любил дедуш-

ка, любил и, как мог, помогал ему расти хорошим человеком. Не баловал дед внука, но и не отказывал в том, в чём можно не отказать.

Попросит Алёша научить его ловушки на хорьков ставить — пожалуйста. Трудно ли деду показать, как эти ловушки ставятся! Дрова пилить вздумает Алёша — милости просим! Дед за одну ручку пилы держится, внук — за другую. Помучится парень, да научится.

Так и во всём... Красить ли крылечко задумает малец, огурцы ли на окошке в ящике выращивать — дедушка ни в чём не отказывал. Одного только от внука требовал:

— Коли берёшься за дело — доводи его до конца. А если видишь, что дело тебе не по рукам, — подожди, когда вырастешь.

Вот так и жил Алёша. Всех в своей большой семье радовал и сам радовался, настоящим человеком себя чувствовал, и другие его таким же называли.

Хорошо на свете жить, когда тебя люди хвалят, когда всё тебе удаётся. Даже в пасмурный день на душе светло и весело. Но как-то и с удачливым Алёшей случилось такое, что пришлось призадуматься...

А всё началось с того, что пошёл он с дедом в лес тетеревов добывать. А дорога в лес шла через садовый питомник, где выращивались молодые деревца. Питомник был хорошо огорожен. Поэтому что и стадо может забрести да повытоптать саженьцы. И лосей теперь столько развелось, что они даже в село, как домой, приходят. А уж про

зайцев и говорить нечего — обгложут кору молодых яблонек или груш — и конец.

Пришёл Алёша с дедом к питомнику и видит, что калитка открыта. Хлопает калитка на ветру. Щеколда у калитки оторвалась. Заметил это Алёша и говорит дедушке, как взрослый:

— Хозяева тоже мне... Пустое дело на три шурупа щеколду привернуть, а не хотят... Потому что чужая щеколда и ничья эта калитка...

— Что говорить, Алёшенька, — поддержал дедушка разговор, — и петли бы у калитки не худо сальцем смазать, а то, того и гляди, переест их ржа и калитка на землю свалится...

— И свалится, — подтвердил Алёша, — она и так еле-еле держится. Плохо, дедушка, быть чужой калиткой...

— Да уж куда хуже быть чужой калиткой, — опять согласился с внуком дед, — то ли дело наша калиточка. И синей красочкой она тобой покрашена, и петельки чистым нутряным сальцем смазаны, и щеколда у неё «трень-брень», как музыка... Своё — оно и есть своё.

Тут дед посмотрел на внука, улыбнулся чему-то и дальше зашагал. Прошли они сколько-то — может, километр, может, два — и решили на скамейке посидеть на лесной просеке.

— А чья, дедушка, эта скамейка? — вдруг спросил Алёша.

— Ничья, — ответил дед, — чужая. Какой-то человек взял да вкопал два столбика, да прибил к ним доску. Вот и получилась скамья. Ко-

му надо — отдыхай. Никто этого человека не знает, а все спасибо ему говорят... Только скоро эта скамейка тоже, никак, кончится. Столбики у неё подопрели. Ну, так ведь чужая скамья, и никому до неё нет дела. Не то что наша у ворот, ухоженная да покрашенная...

Тут дед снова посмотрел на Алёшу, потрепал его за розовую щёчку и опять улыбнулся чему-то.

В этот день они добыли трёх тетеревов. Из них двух Алёша выследил. Дома шуму-гаму было выше потолка.

— Вот так охотник растёт у нас! — нахваливает Алёшу мать. — Подстрелить тетерева всякий может, а выследить его редкий умеет.

Весёлый был ужин в этот воскресный вечер, но Алёша почему-то молчал и о чём-то думал.

— Устал, наверно, милый сын? — спросил Алёшу отец.

— А может, с дедом не поладил? — спросила бабушка.

— Да нет, нет, — отмахнулся Алёша, — не устал и поладил с дедушкой. Очень даже поладил.

Прошла неделя, а может быть, и две. Опять старого да малого послали в лес. Зайца напшиговать решили.

Отправились дед с внуком по первому снегу на охоту. Опять пошли через садовый питомник. Глядит дед — и глазам не верит. У чужой калитки не только щеколда на хорошие шурупы привёрнута, не только её петли белым салом

смазаны, но и краска на калитке — как небо в мае месяце.

— Алёша, ты гляди, — указывает дед, — никак, у чужой калитки родня нашлась.

— Наверно, — отвечает Алёша и дальше идёт.

Шли они опять по старой дороге и на просеку вышли. Добрались до скамейки, где в прошлый раз отдыхали, а скамейки не узнать. Столбики новые вкопаны, доска той же синей краской покрашена, что и калитка, да ещё спинка у скамьи появилась.

— Вот тебе и на, — удивляется дед, — у ничьей скамейки хозяин нашёлся. Омолодил скамеечку, а спасибо сказать некому. Знай бы я этого человека, в пояс бы ему поклонился и руки бы ему пожал.

Тут дед снова заглянул в Алёшины глаза и спросил:

— А ты не знаешь, как звать этого мастера, Алексей?

— Нет, — ответил Алёша, — я не знаю его, дедушка. Знаю только, что весной наши ребята хотят школьную изгородь подновлять. Совсем покосилась. Она тоже чужая, а — наша.

— Это хорошо, — сказал дед.

— А что хорошо? — спросил Алёша.

— Хорошо, что ты мастера не знаешь, который скамью починил и чужую калитку за свою посчитал... А что касаясь школьной изгороди, — сказал дед, разводя руками, — я слов подобрать не могу... Видно, приходит,

Алёша, такое время, когда всё оказывается своё и наше...

Дед опять заглянул внуку в глаза. За лесом в это время поднялось позднее зимнее солнце. Оно осветило дым далёкого завода. Алёша залюбовался золотистым, окрашенным солнцем дымом. Дед заметил это и снова заговорил:

— А завод-то, Алёша, который дымит, тоже чужим кажется, если глядеть на него не подумавши... А он ведь наш, как и вся наша земля и всё, что на ней есть.

УПРЯМЫЕ ДРОВА

Андрюша Усольцев в детстве много хворал, а к двенадцати годам хвори оставили его, и он стал догонять своих сверстников. Догонять — в росте, в беге, в румянце, в выносливости.

— Всем хорош внук растёт, да характера отцовского не показывает, — сокрушалась Андрюшина бабушка. — Не одними, видно, белыми кудрями в мать пошёл, но и мягким сердцем, уступчивостью.

Для внучки это всё клад, а для внука бабушке хотелось бы погуще тесто, покруче норов. Не зря же прозвали её любимца «маменькин цветочек».

И, оставшись вдвоём с Андрюшей, Варвара Егоровна как бы между прочим принялась рассказывать:

— Отец-то у тебя, Андрей, в двенадцать лет боронил. За что хватался — не отпускался. Ни с

пашни, ни с поля боя не бегал. В деда Андриана уродился. Характер — как берёзовый сук. Хотя ты его колуном, хоть ты его клином, а он трещит, не колется. Серьёзные дрова... А в малые годы тоже — чем только не болел. Семьдесят семь хвороб. И золотуха, и краснуха, и ветреница. А потом выровнялся...

Старуха посмотрела на притихшего задумавшегося внука, ободрила его:

— Ну да ты ещё себя покажешь. И белые волосы чернеют. И узкая ладонь может пошире стать... Нынче тише мужают: уроков много задают...

Слушая бабушку, Андрюша чувствовал обиду за свою мать. Он хотя и не был доволен своими узкими ладонями и тонкими пальцами, но не сожалел об этом. Это были мамины руки. А в матери Андрюша любил всё, даже её некрасивую девичью фамилию — Недопёкина.

Мало ли каких обидных фамилий надавали при царях простым людям. Зато имя у матери было самое красивое на всём свете — Евгения. И отчество тоже поискать — Ильинична. А своими тонкими пальцами мать успевала подоить трёх коров, пока другие доили двух. Не такая уж она «недопёкина», как виделось бабушке.

«Нет, бабушка, — думал Андрей, — ты зря маму меньше отца любишь».

Три дня назад, уезжая в районную больницу, мать долго нацеловывала Андрюшу и наказывала быть ласковее с бабушкой. Андрюша и не был с ней груб. Только он тосковал без матери, пото-

му что они никогда не разлучались. А тут сразу две разлуки. Вторая — с отцом. Отцу уже который год мешали осколки. А теперь он избавился от них. Выздоровливал. За ним-то и поехала Андрияшина мать. Но из больницы выписывают не по желанию больного, а когда можно. Вот они и задержались, а наколотые дрова кончились. Пять поленьев на две печки осталось.

Варвара Егоровна была в таких годах, когда колоть дрова было ей затруднительно, да и не к лицу. Не женское дело. И она сказала:

— Андрияша, сбегал бы ты к Недопёкиным, позвал бы дядю Тихона. Пусть наколет нам дров, чтобы топить не оглядываться. На улице вон что мороз выделяет. А отец вернётся — хорошо топить надо.

— Сейчас, бабушка. — И, накинув шубейку, Андрияша убежал.

На улице вечерело. Старуха задремала на лежанке. А когда проснулась, за окном было уже темно. «Не иначе час проспала», — подумала Варвара Егоровна и вспомнила о дровах.

Ни Андрея, ни дров, ни Тихона.

— Куда мог деться парень?

Услышав за окном глухой стук, откинула шторку. Посмотрела на двор.

На столбе ярко горела электрическая лампочка. В прошлом году пристроили, чтоб не спотыкаться. При таком освещении Варвара Егоровна могла разглядеть не только дровокола, но и сучья на дровах. А дрова, надо сказать, в этом году оказались кручёные, косослойные. Сук на

суку, да ещё с вывертом. Это были те самые зловредные дрова, которые легче распилить продольной пилой, нежели расколоть.

Андрияша, сняв полушубок, силился вытащить топор, засаженный в тяжёлый берёзовый кругляш. От мальчика валил пар. И бабушка хотела постучать в окно и позвать внука. Но что-то её остановило. И она стала смотреть на борьбу Андрияши с берёзовым чурбаном.

Как только он ни старался — топор будто вмёрз в дерево. Оставив упрямый кругляш, Андрей пошёл к поленице и выбрал второй — полегче.

«Соображает», — подумала бабушка.

Внук принялся изо всех сил ударять принесённым кругляшом по обуху засаженного топора. Напрасно. Кругляш только отбивал руки, а топор как был, так и остался.

— Жалко, — сама себе сказала Варвара Егоровна, — не одолеть, пожалуй, ему этого чурбака. Сегодня чурку берёзовую не одолеет, завтра от другого отступится...

Но внук делал всё новые и новые попытки вытащить топор и, когда потерял всякую надежду, решил поднять проклятое полено через себя и ударить обухом о другое полено.

— Надорвётся ещё, — испугалась Варвара Егоровна и снова хотела стукнуть в окно. Но сучковатое полено разлетелось пополам. Да так хорошо разлетелось, что старуха крикнула: — Ага, проклятущее, расколосось!..

Андрияша, не желая, привораживал бабушку к оконному стеклу. Вытерев лоб, плюнув так

же, как это делал отец, в руки, мальчик занёс топор над поленом, поставленным стоя. Удар. Топор скользнул в сторону. Полено, покачнувшись, упало.

Андрюша снова поставил полено и снова ударил топором. Полено дало трещину. Бабушке показалось, что она не столько догадывается об этой трещине, сколько различает её.

Полено поднялось над головой... Удар... Удача! Дело пошло на лад. Теперь уже было легче колоть половинки на четвертинки, четвертинки — на осьминки. Теперь можно было отдохнуть. Пробежаться. Сделать два-три вольных движения с вдохом и выдохом, как на зарядке.

Снова проходит час. С различным успехом Андрюша сражается с дровами. Одни разлетаются так звонко, что слышно через двойные рамы. Другие, узловатые, кривослойные поленья, супротивничают, но ни одно из упрямых поленьев Андрюша не вернул в поленницу.

Горшок с молочной лапшой давно вынут из русской печи, давно поставлена на стол тарелка, и перед ней не без умысла положена отцовская ложка.

Наконец открывается дверь. Стужа белым паром дохнула в избу. На пороге краснощёкий дровокол с синей шишкой на лбу. Бабушка не хочет замечать синяка. Она видит только румяные щёки и блеск синих глаз.

Андрюша положил подле печки дрова совершенно так, как это всегда делал его отец. Не бро-

ском, а полено за поленом, одно к одному. Положив так дрова, он сказал бабушке:

— Топи, мать, не оглядывайся. Пять-шесть нош на дворе осталось. До субботы хватит...

Обмёл веничком валенки, повесил полушубок и спросил:

— Что у нас в печи, бабушка?

Когда Андрюша покончил с ужином, бабушка добыла из сундука старинный серебряный полтинник и принялась легонько растирать синюю шишку, приговаривая:

— Серьёзные дрова нынче нам попали... Хоть ты их колуном, хоть клином. Трещат, а не колются. Как только с ними Тихон управляется, не пойму...

Андрюша на это ответил:

— Недопёкины, они тоже с характером, бабушка, хотя у них фамилия и не такая известная, как наша с тобой.

Старуха улыбнулась и сделала вид, что не расслышала сказанного внуком. Андрей ушёл в горницу доучивать уроки.

Поздно вечером приехали отец и мать Андрюши. Радости не было края.

Мать первой заметила синяк:

— Откуда это у тебя, Андрюшенька?

— Не спрашивай лучше, — вмешалась бабушка и негромко добавила: — «Маменькины-то цветочки» хорошую нынче завязь дали. Спасибо тебе за внука, Евгения.

СТРАШНАЯ ЧЕРЕПАХА

Вот что мне рассказала медицинская сестра в Ялте. Пересказываю по памяти.

* * *

Года три тому назад я проводила лето в Казахстане у брата. Он агроном совхоза. Совхозный посёлок тогда ещё только начинал строиться. Брату дали отдельный домик. Он получил его в числе первых, потому что у него заболела младшая дочурка Оленька и ей нужен был полный покой. У Оленьки была какая-то непонятная болезнь. Она вдруг начинала плакать, даже визжать, прятать лицо в подушку и требовать, чтобы кто-нибудь сидел возле неё. Старик доктор Гринн, обслуживавший несколько новых совхозов, славился как детский врач. Он-то и взялся лечить Оленьку.

Гринн — москвич. Приехал он сюда вместе с сыном, молодым врачом. Старик не захотел одинокой старости. Он был вдов. Знавшие Гринна рассказывали о способах его лечения много интересного. Интересным мне показался и способ лечения Оленьки. Гринн точно установил, что причиной истерических припадков маленькой Оленьки было нервное потрясение. И это потрясение произошло во сне. Оленька скрывала этот сон. Но доктор её так расположил к себе, что она доверилась и рассказала о сне, дрожа, волнуясь и заикаясь, а затем впала в глубокий обморок.

Оказалось, что Оленька видела во сне огромную черепаху. А Оленька в этом сне была Дюймовочкой и сидела, как пчёлка, в чашечке цветка, и черепаха съела её вместе с цветком. И теперь время от времени, когда ослабевшую Оленьку клонило ко сну, появлялась огромная черепаха, и начинался печальный приступ.

Доктор, выяснив причину заболевания, выяснил и причину сна. Милая Оленькина бабушка имела обыкновение, усыпляя внучку, рассказывать страшные сказки. Когда Оленьке не хотелось спать, бабушка, принуждая её ко сну, говорила: «Если ты сейчас же не закроешь глаза и не уснёшь, то придёт страшная-престрашная большая черепаха, и она тебя съест».

И однажды, как я уже сказала, страшная-престрашная большая черепаха пришла и съела Оленьку, и девочка, завизжав, разбудила спящих.

Доктор Гринн жестоко упрекал Олину бабушку. И бабушка понимала, как она виновата. Горько плача, она умоляла доктора вылечить внучку. Бабушка даже стояла перед доктором на коленях.

И мне было ничуть не жаль эту старуху, которая так бездумно и, по сути дела, жестоко довела до такого состояния прелестное существо с изумрудно-зелёными глазками, золотыми локонами и тонкими чертами лица.

Однажды, провожая доктора Гринна, я спросила:

— Может быть, нужны какие-нибудь особые

лекарства? Я съезжу за ними куда угодно. Я до-
буду их.

И доктор мне на это сказал:

— Хорошо. Достаньте живую черепаху. По-
симпатичнее и не очень большую. Только не
спрашивайте меня, зачем это нужно, и не сооб-
щайте об этом никому.

Я пообещала достать черепаху. И достала их
несколько, выбрав самую маленькую.

— Очень приятная черепашка, — сказал
мне Гринн. — Теперь её нужно забрызгать кап-
лями какой-то быстросохнущей и долго держа-
щейся краски. Может быть, той, что красят ав-
томобили.

— А зачем? — спросила я тогда.

— «Зачем» — пусть знает пока доктор... И
неплохо, если капли будут разноцветными...
предположим, синими, красными, жёлтыми...

С черепахой я отправилась в гараж и сосла-
лась на Гринна, где у него была хорошая слава.
Черепаху закапали красками так, что рябило в
глазах. Участие в раскраске черепахи принима-
ли чуть ли не все находившиеся в гараже. И
каждого из них живо интересовала затея доктор-
ра. Наконец краска высохла, и черепаха была
доставлена Гринну.

— Изумительно! — восхищался он. — Без-
дна вкуса. Это будет чудесный клин, которым
мы вышибем болезнь.

В тот же день доктор приехал навестить
Оленьку. Он приехал в самом весёлом располо-
жении духа. В его руках был красный флакон с

пробкой, изображавшей голову змеи. Он ска-
зал:

— Я нашёл лекарство, Оля!

— Это? — спросила она, указывая на фла-
кон.

Гринн ответил:

— И да и нет. Это разноцветные капли обрат-
ного роста. Если капнуть из этого флакона одну
каплю на лошадь, она станет не больше овцы. А
если две, она будет меньше кролика. А если три,
лошадь станет немногим больше кузнечика.

— Это волшебные капли? — спросила Оля.

— Почти, но настоящие. Сегодня утром я по-
пробовал капнуть ими на ужа, и вот во что он
превратился.

Тут доктор вынул второй флакон. Он был на-
полнен водой, и в воде плавала маленькая пия-
вочка.

— Каким он стал! Мама! Папа! Бабушка!
Смотрите, каким малюсеньким стал уж.

Я, кажется, начинала догадываться, к чему
клонился этот разговор. Доктору было необхо-
димо уверить Оленьку в чудесных свойствах ка-
пель. И он уверил её.

— Если бы этих капель мне добрый дядя вер-
блюд дал больше, то я бы сейчас капнул на этот
шкаф — и он бы стал игрушечным шкафом. Но
для этого необходима целая столовая ложка, а
мне капли нужны для большой черепахи.

— Да-а? — спросила Оленька, придвигаясь к
доктору. — Значит, вы тоже считаете, что такая
черепаха есть и она живёт в горьком озере?

— Именно там я её и видел вчера.

— И она хотела вас съесть?

— Хотела, да не сумела.

— А почему?

— Потому что я ем куриный бульон и телячьи котлеты, а черепаха не переносит этих запахов. Она даже не смеет подойти к человеку, который питается куриным бульоном и телячьими котлетами.

— Бабушка! — сказала Оленька. — Я захотела куриного бульона и телячьих котлет.

— Но больше всего она боится рыбных котлет. Потому что рыбы, особенно щука, её злейшие враги...

Оленька с жадностью ела бульон и котлеты. Доктор не обращал на неё никакого внимания, уговаривал меня сегодня ночью отправиться на охоту за страшной черепахой. Он говорил вполголоса, но не так тихо, чтобы этого не слышала Оленька.

— Когда мы подойдём к озеру, я заберусь на берёзу. А вы вместе с этой дудочкой сядете под берёзу и начнёте играть. Черепахи ужасно любопытны, и она, эта единственная на всём свете большая черепаха, выйдет из воды. И как только она окажется под берёзой, я вылью на неё все эти разноцветные капли... И как только она станет маленькой, вы её посадите в сумку.

Оля, прислушиваясь к разговору, вдруг спросила:

— А если она вас...

Доктор на это громко расхохотался и сказал:

— Ну что ты, мой друг! Мы съедим по полдюжине котлет и по две фаршированные щуки.

— Тогда да-а... — согласилась Оленька и спросила: — И куда вы её денете потом?

— Куда угодно... Можно в детский сад... Можно выпустить на волю... Маленькая черепаха никому не страшна...

Оленька не соглашалась с доктором:

— Нет! Её нужно посадить в клетку... Пусть знает... Пусть она узнает, жадина...

— Это самое правильное решение, — сказал Гринн, прощаясь с нами. — Так помните: в полночь за вами придёт мой добрый верблюд, и он вас доставит на горькое озеро, где я буду вас ждать...

Остаток дня Оленька провела спокойно. Перед сном она снова попросила куриного бульона. И она не только выпила его полную чашку, но и намазала им лицо, руки и шею.

Оля спала очень хорошо. Ровно дышала. Не вздрагивала во сне.

А утром, едва открыв глаза, она спросила:

— Приходил добрый верблюд?

— Да, да, — ответила бабушка. — И не один, а с верблюжонком. Тоже такой же ласковый. На верблюде уехал смелый доктор, а на верблюжонке — твоя тётя Катя с дудочкой.

Бабушка, видимо, уже поняла, какие сказки нужно рассказывать маленькой впечатлительной внучке.

— А когда они приедут обратно?

— Вот-вот... Пора бы уж...

А мы в это время с доктором сидели в кухне и пили чай.

А когда чай был допит, доктор сказал:

— Теперь последний клин... Не завритесь только...

— Да уж постараюсь, — сказала я и, зевая, вошла в комнату, где лежала Оленька.

— Как хочется спать... Ты представляешь, Оля, я всю ночь проиграла под берёзой, и только наутро она вышла из воды...

— Боялась запаха котлет? — оживлённо, как знаток охоты на страшных черепах, воскликнула Оля. — Нужно было меньше их есть.

— Ты права, Оля! — согласилась я. — Но к утру она уже достаточно проголодалась и вышла из воды.

— Страшная?

— Ничего особенного. Нормальная черепаха, только чуть больше шкафа.

— Нет, она больше. Больше! — твердо заявила Оля. — Она с дом. Я знаю. Она с дом.

— Может быть, и с дом. У меня слипались глаза, и мне, может быть, всё казалось меньше, чем на самом деле.

— А потом? — спросила Оля. — Она подползла под берёзу?

— Да. Я отскочила. А доктор стал лить на неё разноцветные капли. И она так быстро уменьшалась, что мы еле-еле нашли её.

— Где же она? Где?

— На кухне! Где же ей быть? Она пьёт чай с печеньем.

— Чай? С печеньем? — удивилась Оля.

— А что же ей остаётся делать при теперешнем росте...

— Принеси её, — попросила Оля.

И я внесла клетку с черепахой.

— Она! Это она! — сказала Оля. — Я сразу тебя узнала, жадная людоедка! Посиди теперь в этой клетке!

Рассматривая на панцире черепахи капли краски, Оля спросила:

— Это что у неё на спине?

— Это высохшие разноцветные капли, — ответила я.

— Да, это они, — подтвердила Оленька. — Бабушка, посмотри, какие бывают разноцветные капли...

Через неделю Оля бегала, кормила черепаху. К моему отъезду от Олиной болезни не осталось и следа. Всё же выпустить черепаху на волю Оленька не решалась: «А вдруг она опять вырастет?»

Черепаху я предложила увезти в Москву и сдать в зоологический сад. По дороге на станцию я её отпустила.

ПАЛЬМА

На берегу Чёрного моря, неподалёку от Ялты, стоит весёлое здание столовой пионерского лагеря.

Когда наступает время завтрака, обеда или ужина и горн приглашает к столу шумное насе-

ление, появляется Пальма. Это очень привлекательная крупная собака. Статная, чёрная, с рыжими подпалинами, она обращает внимание всякого. Пальма — общая любимица ребят. Её взгляд умилен и ласков. Она приветливо помахивает хвостом и с охотой разрешает гладить себя детворе.

Как такой милой собаке не сохранишь косточку, хрящик или недоеденную котлету!

Пальма, неторопливо и благодарно облизываясь, съедает всё лучшее из брошенного ей, а затем отправляется дремать в прибрежные кусты дикой маслины. Иногда Пальма купается в море, а потом сушится, растянувшись на золотистом песке, как настоящая курортница.

Собака очень свободно чувствовала себя среди привечавших её детей и всегда, опустив хвост, уходила прочь, как только на берегу появлялся старик рыбак. Старик жил поблизости от лагеря, и за ним всегда приходил баркас.

Как-то в час купания, когда Пальма грелась на солнце, появился рыбак. Почуввав его приближение, собака открыла глаза и, поднявшись, покинула берег. Ребята решили узнать, в чём дело, почему Пальма так не любит или боится доброго старика, и спросили его об этом.

— Стыдится она меня, — ответил рыбак. — Видно, в ней ещё осталась совесть. Хоть и собачья, но всё-таки совесть.

Ребята обступили старика и спросили, почему Пальме должно быть стыдно.

Старик посмотрел из-под руки в море и, увидев, что баркас ещё далеко, принялся рассказывать:

— В нашем посёлке, вон за той горой, жил был, да и сейчас живёт, уважаемый рыбак и хороший охотник Пётр Тихонович Лазарев. Как-то осенью, в ветер и дождь, шёл Лазарев берегом моря. Слышит — кто-то подскуливает. Остановился. Огляделся. Видит, в траве под пальмой щенок. Нагнулся, разглядел щенка. Понравился. Сунул его за пазуху, принёс домой и назвал Пальмой...

Ребята, окружившие старика, притихли. Всем хотелось знать, что будет дальше. И старик, раскурив потухшую трубочку, не заставил себя ждать.

— Выкормил Лазарев Пальму, выучил сторожевому делу и к охоте приставил. Понятливая собака оказалась. Даже записки рыбакам относил. Мало ли... И в этом бывает надобность. Всему посёлку полюбились собака. И всякий рыбак знал её по имени. А потом... потом что-то случилось с собакой. День дома — два дня где-то бегают. Что такое? Решил Лазарев проследить собаку. И проследил. Сидит она подле вашей столовой, облизывается, косточки ласковым взглядом выпрашивает, сладенькие объедки хвостом вымахивает.

«Ты это что, Пальма? — спрашивает её Пётр Тихонович. — Аль дома впроголодь живёшь? Как тебе не стыдно!»

Собака туда, сюда. Заскулила виновато. К хозяину приползла — дескать, прости. И за ним домой.

День, два, три пожила дома, а потом нет и нет её.

Лазарев снова к столовой. Пальма хотела улизнуть, да не тут-то было. Лазарев её за опшейник да на верёвочку. А как же иначе? Коли добрых слов не понимаешь, значит, получай взыскание. Привязал её и говорит: «Смотри, гулёна! Одумайся!» А она эти слова мимо ушей. Мало того, привязь перегрызла — и ходу на даровые хлеба, к лёгкой жизни.

Наутро Лазарев пришёл в лагерь, увидел неблагодарную изменницу — и к ней. А она зубы скалит, рычит. А на кого, спрашивается, рычит? На того, кто сдохнуть ей в ветровую, осеннюю погоду не дал, кто соской её выкормил, к охотничьему ремеслу приучил, к сторожевому делу приставил! Он её за опшейник, а она его за руку — хват! И до кости.

Опешил Лазарев. И не столько от боли, сколько от удивления и обиды. Промыл морской водой рану и сказал: «Живи, Пальма, как знаешь. Не будет тебе счастья, бездомная гуляка!»

Трубка снова потухла. Старик снова разжёл её. Потом посмотрел в сторону подходившего баркаса и сказал:

— Вот и весь сказ... А дальше видно будет, как это кончится.

На другой день рассказ старика о Пальме стал известен во всех палатках лагеря.

Пришло время завтрака. Горн пригласил к столу, и, как всегда, появилась раздобревшая попрошайка. Она привычно уселась подле входа

в столовую, ожидая даровых лакомств. Заранее облизываясь. Пальма по запаху знала, что сегодня ей перепадёт достаточно бараньих косточек.

И вот завтрак кончился. В дверях появились её знакомцы, но их руки были пусты. Ни один из них не вынес ей ни косточки, ни хряща. Ничего. Ребята, проходя мимо, даже не взглянули на неё. Они, не сговариваясь, но будто сговорившись, платили собаке-бездельнице презрением. И только одна девочка хотела было бросить Пальме косточку, но ей сказали:

— Настя, зачем ты идёшь против всех?

И Настя, зажав косточку в кулаке, прошла к морю, а затем бросила её рыбам, крабам, морским ежам — кому угодно, лишь бы она не досталась собаке, изменившей своим обязанностям.

ЧУДЕСА НА БОЛОТЦЕ

Старик из уральских старателей-золотоискателей минувших и давних лет рассказал эту историю про Тухлявое болотце так.

* * *

Не родился ещё такой краснобай, который про наш Урал мог бы все были-небыли пересказать. Потому что чуть не каждый день новые чудеса. Край такой. Пойдёшь по грибы — найдёшь золото. И следопытство у нас не просто так, а в

крови. Наследственно. С малых лет. Другой пока ещё ни «а», ни «бэ», ни «кукареку», а уж присматривается. Ищет. Тетеревиное перо найдёт — и то без внимания не оставляет. А уж про всякие другие находки и говорить нечего. Если разобраться, так и самый захудалый цветок зря не цветёт, и сорока попусту не прострекочет. И настоящие искатели во всё это вникают.

Таким вот и рос Васятка Копейкин. При бабушке Авдотье жил в старом доме, что возле Тухлявого болотца. Бабка у Васятки была сильно ногами слаба, а умом до того светла, что половина округи к ней за советами ходила. И лечила она к тому же. По старым распорядкам такую бы к ведьмам надо было приписать или уж, самое малое, в знахарках числить. А её в народной медицине прославляют. И от кашля у неё верная трава, и от головокружения грибной настой... И всякая разная всячина, вплоть до змеино-го яда, до пчелиного укуса.

Лечила добрых людей бабушка Авдотья. Себя только вылечить не могла. Круглый год сид-нем сидела. В огород на коляске ездила. Коляс-кой её Москва наградила. За травы. За корни. А травы-корни ей внук искал. Она рассказыва-ла — что, как и где, а он собирал целебные бо-гатства да ещё новое открывал. Не нарадуется на него бабушка, да и соседи хвалили парня. Не все, конечно.

В посёлке жил другой искатель-открыва-тель. Гаврик Козырев. Большого замаха парня-га. Во сне знатные клады земли видел. Не жалел

ног на розыски. Собачонка его, бывало, язык высунет от усталости, а он её дальше тянет. И где только не побывал Гаврик Козырев, а ничего такого не открыл, не нашёл. А хотелось. И так-то хотелось, что сам себя готов наизнанку вы-вернуть, лишь бы клад. И не просто там извест-няк, скажем, или краситель какой, а — нефть, изумрудные россыпи и, на худой конец, камен-ный уголь...

Зачем на мелочь себя разменивать, медве-жью берлогу находить или, того смешнее, ле-чебные корни выкапывать, как Васятка Копей-кин. Одна фамилия что стоит. Живая метка. Ко-пейкин, он и есть Копейкин, а не Пятаков. Не Гривенников. То ли дело Гаврила Козырев!

Ходит козырем Гаврик Козырев, отцу-матери золотые горы сулит. А Васятка Копейкин своим грошовым делом занят. Во всё вникает, всё узна-ёт, на ус мотает, с уса на ум-разум перематывает. Раздумывает. Прикидывает. Соображает.

Как-то старик лесник совсем неподходящую побывальщину про Тухлявое болотце Васятке рассказал. Рассказал, будто в древней-предрев-ней давности сюда золоторогий хромой олень бе-гал. Ногу лечил. Волшебнo рассказывал лесник. Нараспев.

А потом как-то старушонка одна тоже не-быль прошамкала. Опять про то же болотце. Будто не один олень, а и прочая недужная лес-ная живность исцелялась.

Смешно. И верить не верится. И выбросить из головы жалко. А тут ещё пастух подвернул-

ся. Одно на одно. Рассказал он, как у него в стаде корова обезножела и как она в Тухлявое болотце рывом рвалась, от стада убегала и, вроде того хромого оленя, в его тухлявой жиже-грязи нежилась.

— Неужели правда? — удивляется Васятка.

А пастух ему:

— Да вон же она, комолая. Раньше еле ноги таскала, а теперь хоть паши на ней.

Услышал такое Васятка и к Гаврику Козыреву побежал. Рассказал ему про чудеса на болотце и спросил:

— А вдруг это сущая правда?

Громко расхохотался Гаврюшка Козырев, сказал:

— Эх вы, Копейкины-Полушкины... Грошевики. Из своей болотной грязи вылезти не можете, пустобрёхам разным верите... — И пошёл-пошёл всякие обидные слова говорить.

А Васятка не слушает, о своём думает.

Думал он, думал и придумал так, что чуть не задохнулся от радости. К бабушке побежал и рассказал ей всё, начиная с золотого оленя, и стал её упрашивать:

— Давай, бабонька, я болотной жижи-грязи в большую кадушку натаскаю, а ты ноги свои в неё ставь. И вдруг да...

— Попытка — не пытка, — говорит бабушка. — Давай...

День лечит в болотной грязи свои ноги бабушка Авдотья. Другой лечит. Ничем-ничего. Но про себя думает, что грязь не мазь. Терпеть

надо. Олень не один день на болото ходил. И комолая корова тоже не одну неделю туда бегала.

Прошло сколько-то не так уж мало дней, тепло бабушка почуяла в своих ногах, а через месяц — силу. Сама из кадушки ноги выпростала и по горнице пошла.

Вскрикнул Васятка. На колени пал перед бабушкой. Обнял её. Болотную жижу слезами оmyвает. И бабушка тоже сквозь своё счастье ревмя ревёт. Не только ходячим ногам радуется, зрячим умом своего внука любит. Себя в нём видит. А потом...

А потом всё как по писаному пошло. Учёные на Тухлявое болотце понаехали. Не сказку о златорогом олене проверять, не на комолую корову дивиться, — когда на глазах у всех сидячая Васяткина бабушка на своих ногах за грибами ходит.

Расчистили болотце, застолбили, оградой обнесли. Дома стали подыматься. И выросла богатая народная здравница. Славное название ей дали, а в народе её по-старому зовут — Тухлявое болотце. И кто ни приезжает сюда, чтобы свои недуги в болотце оставить, хорошую молву о Васятке Копейкине увозит.

ДЕДУШКИН ХАРАКТЕР

На берегу большого сибирского озера Чаны есть старинное село Юдино. Там я частенько жывал в доме старика рыбака Андрея Петрови-

ча. Старик овдовел и в большой семье был одинок до тех пор, пока на свет не появился внук. Тоже Андрей и тоже Петрович.

Все стариковские чувства, вся его любовь стали принадлежать теперь мальчику, который как бы начинал вторую жизнь Андрея Петровича. Во внуке дед узнавал свои черты, свой характер. Он так и называл его — «дедушкин характер».

Воспитывал внука сам Андрей Петрович. Помню, он говорил ему:

«Не можешь — не берись. А если уж взялся — сделай. Умри, но сделай!»

Внуку тогда было шесть лет.

Стояла морозная зима. Как-то я с маленьким Андреем отправился на субботний базар. Народищу — черным-черно. Понавезли на базар и мяса, и пшеницы, и дров, и всего, чем богаты эти края.

Мальчику бросилась в глаза большущая замороженная щука. Она была воткнута хвостом в снег. Не знаю, сколько весила эта щука, только её длина была в добрых полтора роста Андрюши.

— Как только ловят таких щук? — осторожно спросил меня Андрей.

И я рассказал, что для ловли больших щук берут крепкий шнур, делают поводок из мягкой кручёной проволоки. Сказал также, что для насадки крупного живца и крючок должен быть побольше, крепче, чтобы сильная рыба не сломала, не погнула его.

Об этом разговоре я забыл и вспомнил толь-

ко после того, как произошло нечто удивившее меня.

Мы сидели и сумерничали с Андреем Петровичем в горнице. Старик то и дело поглядывал в окно. Поджидал внука.

Маленький Андрей, как и многие другие его одногодки, часто рыбачил на озере. Мальчики продавливали во льду лунки и опускали в них свою нехитрую рыболовную снасть. Без удачи ребята домой не возвращались. Озеро Чаны очень богато рыбой. Для удильщиков здесь сущее раздолье.

— Не приключилось ли что с ним? — забеспокоился старик. — Не побежать ли мне на озеро?

Я вызвался пойти туда вместе с Андреем Петровичем. Оделись, вышли на лёд. Озеро в ста шагах. Мороз под двадцать — двадцать пять градусов. Тишина да снег. Никого.

Вдруг я заметил чёрную точку.

— Не он ли?

— Не иначе, что он, — сказал старик, и мы направились к чёрной точке, которая вскоре оказалась внуком Андрея Петровича.

Мы увидели мальчика в обледеневших слезах. Руки его были до крови изрезаны рыболовным шнуром. Он явно поморозил нос и щёки.

Старик подбежал к нему и начал оттирать снегом лицо мальчика. Я взял из его рук шнур. Для меня стало сразу всё понятно: мальчик поймал щуку, которую не мог вытащить.

— Побежим, внучонок, домой, — торопил его дед.

— А щука-то? Как же щука? — взмолился мальчик.

Тем временем я вытащил щуку. Утомлённая рыба не сопротивлялась. Это была одна из тех щук, которых привозят на базар не столько для барыша, сколько для погляда. Их мясо невкусно и жёстко.

Щука не долго билась на морозе. Дед с гордостью посмотрел на громадную рыбу, потом на внука и сказал:

— Не по плечу дерево... Ну, да ведь ты не знал, что разбойница тяжелее тебя попадёт... Давно ли попалась-то она?

И мальчик ответил:

— В обед.

Андрей Петрович улыбнулся в бороду:

— Значит, ты с ней часа четыре валандался.

— Долго! — ответил, повеселев, Андрюша. — А привязать было не к чему.

Старик, оттерев лицо и руки мальчика, повязал его, как платком, своим шарфом, и мы отправились к дому. Уснувшую щуку я тянул за собой по снегу на шнуре.

Дома Андрюшу раздели, разули, натёрли снадобьями, перебинтовали его изрезанные руки. Он вскоре уснул. Спал тревожно. У него был лёгкий жар. Он бредил во сне:

— Не уйдёшь, зубастая, не уйдёшь!.. У меня дедушкин характер.

Андрей Петрович, сидя на дальней лавке горницы, незаметно вытирал слёзы.

К полуночи мальчик успокоился. Жар спа-

дал. Наступил ровный, спокойный детский сон.

Старик в эту ночь не сомкнул глаз. А утром, когда Андрюша проснулся, старик сказал ему:

— А всё-таки ты, Андрей Петрович, худо де-дов наказ помнишь! Не по своей силе рыбину задумал поймать. Крюк-то гляди какой привязал — как якорь... Значит, именно ты метил срубить дерево не по плечу. Худо это, худо...

Мальчик, потупившись, молчал.

А дед продолжал внушать:

— Ну, да первая оплошка в счёт не идёт. Она как бы за науку считается. Впредь только таких щук не лови, которых другим за тебя надо вытаскивать. Стыдно это. Народ просмеивает тех, что не по спине мешок на себя взваливают, что не по кулаку замахируются... А то, что ты не отступился от неё, — это правильно.

Тут два Андрея Петровича обменялись улыбками, потом обнялись.

Щука лежала в сугробе, припорошённая снегом. Когда же пришла суббота, Андрей Петрович вынес её на базар и воткнул хвостом в снег. Он просил за неё слишком дорого, потому что ему вовсе не хотелось продавать эту чудо-рыбину. Ему нужно было рассказать людям, каков характер у его внука, Андрея Петровича Шипкина, шести лет от роду, который знает уже одиннадцать букв и может считать до двадцати без осечки.

Теперь-то уж Серёжа большой человек. Сергеем Ивановичем его зовут.

А я его знал совсем мальчишкой. Лет четырнадцать ему было, когда мы с ним познакомились в лесной сторожке, где мне пришлось заночевать у старика Ивана Макаровича.

Вечер стоял тёплый, светлый. Недаром июнь на Урале считается белым месяцем. Сидим мы на бережке, разговариваем. Для попугу комаров костёр развели. Тишина. Речонка еле-еле журчит. Будто тоже дремлет, как и лес, как и травы. И вдруг слышим: буль, буль, буль... Не то кто-то идёт, не то плывёт по речке...

— Уж не выдра ли? — насторожился Иван Макарович. — Не похоже. А если корова, так откуда ей здесь быть... Да и зачем ей речкой идти понадобилось?..

Бульканье ближе. Вскоре появился мальчуган. Довольно высокого роста. Белокурый. С синими весёлыми глазами.

— Здравствуйте! — сказал он.

— Здравствуйте, — ответили мы.

Разговорились. Пригласили его к костру. Спросили, кто и откуда, как звать. Куда он по речке путь держит.

Мальчик назвал себя Серёжей и рассказал любопытную историю.

История состояла в том, что Сергея ещё в прошлом году заинтересовал необыкновенный состав воды речки Людянки.

— Ненормальная какая-то вода, — сказал он. — Не то жёсткая, не то мылкая... Странная вода.

— Ну и что из этого? — спросил я.

Он повернулся ко мне и ответил:

— Пока ничего. Но меня и моего друга, Володю-химика, это заинтересовало. Он очень хороший химик. Мы с ним в одном классе учимся. А потом стали исследовать воду Людянки. Нам помог преподаватель химии. И мы обнаружили в составе воды мельчайшие частицы слюды.

— Ну и что же? — ещё раз спросил я.

— На этом основании, — неторопливо и солидно продолжал Серёжа, — я и сделал предположение, что речка Людянка или один из её притоков проходят через залежи или хотя бы через слои слюдяного месторождения и вымывают из слоя мельчайшие частицы.

Мы незаметно переглянулись с Иваном Макаровичем, слушая рассуждения и доводы Сергея.

— К тому же, — продолжал он, — в одной из старых книг нам удалось обнаружить, что эта речка называлась не Людянкой, а Слюдянкой. Буква «С», может быть, потерялась со временем, или какой-нибудь землепроходец или даже писарь неправильно записал её название. И речка, названная от слова «слюда», стала называться более знакомым именем от слова «люди».

— Смотри ты, как оно дело-то поворачивается! — любуясь парнем, сказал Иван Макарович.

вич. — И я это же самое слышал. От бабки... — Затем, обратившись к Серёже, он спросил: — И что же ты теперь хочешь?

— Ничего особенного, — ответил Серёжа. — Найти слюду. Она очень необходима. Неподалёку от нас артель высекает изоляционные шайбы, прокладки. Им привозят слюду издалека. И если мы найдём свою слюду, разве это плохо?

Мы опять переглянулись. Сергей, не замечая этого, продолжал:

— Ведь когда-то, в петровские и в допетровские времена, вывозили слюду с Урала. Не могли же её всю вывезти! Не правда ли?

— Вы правы, молодой человек. — Мне захотелось поверить этому хотя бы для того, чтобы поддержать Серёжу в его догадках.

— И давно ты идёшь по реке? — спросил Иван Макарович.

— Четвёртый день, — мягко ответил Серёжа и, как бы оправдываясь, сказал: — Приходится останавливаться. Делать анализы чуть ли не у каждого ручейка, впадающего в Людянку-Слюдянку, чтобы не потерять путь к месторождению.

— Как же это ты один отважился? — задал сочувственный отеческий вопрос Иван Макарович. И Серёжа сказал:

— Мы вышли вдвоём. С моим товарищем. С Володей. С химиком. Он, хороший химик, оказался плохим путешественником. Он побоялся идти по реке в глубь леса. К тому же встретилась змея...

— Так-так-так, — снова отозвался Иван Макарович. — А ты, значит, не боишься...

— Нет, я тоже боюсь, — сознался Серёжа. — И ещё как!.. Но ходить по лесам, речкам, горам — моя будущая профессия. К ней надо привыкать уже теперь...

Снова послышалось «так-так», и Серёже было предложено отужинать с нами. Он не отказался. И, слегка покраснев, сознался, что его продуктовые запасы, рассчитанные на десять дней, иссякают.

Мальчуган, появившийся здесь десять — пятнадцать минут тому назад, вдруг стал милым сыном и любимым внуком для двух чужих и неизвестных ему людей.

Его уложили спать в сторожку. Дали ему подушку и покрыли марлевым пологом от комаров. Мы же прокоротали ночь у костра, надеясь отоспаться днём.

Когда Серёжа уснул, Иван Макарович объявил мне:

— Далеко пойдёт парень. Такой не только слюду найдёт — всю землю наизнанку вывернет, всё золото выпотрошит! И там, где о нём не слыхивали.

И я верил в это. И мне так хотелось, чтобы Серёжа нашёл слюду! Пусть тоненький пласт. Пусть крохотное месторождение, не имеющее большого значения. Это подымет его в своих собственных глазах. Это будет его настоящим началом трудной профессии.

Серёжа проснулся поздно. Уха, сваренная

Иваном Макаровичем, уже остыла. Подогрели. Старик приготовил ему пополнение продуктовых запасов. Я подарил Серёже свой «вечный» электрический фонарик.

Он сказал:

— Ой, что вы! — А увидев, что фонарик дарится ему от всего сердца, сказал: — Я давно мечтал о нём...

Затем, проверив, как работает фонарик, он ещё раз поблагодарил меня и положил его в нагрудный карман...

Серёжа не торопясь надел свои резиновые сапоги, взвалил потяжелевший вещевой мешок, затем вооружился своим посохом с железным наконечником, напоминающим копьё, и стал прощаться.

Мы обменялись адресами. Вскоре послышалось удаляющееся «буль-буль». Серёжа уходил вверх по реке...

— Найдёт, думаешь? — спросил Иван Макарович и, не дожидаясь ответа, сказал: — Обязательно найдёт. Такие всегда находят.

ЛЕСНОЙ ЛЕШАЧОК

Из всех так называемых «святочных рассказов» мне особенно памятен тот, что я слышал от старого мастера фигурного литья Мирона Михайловича Поварова.

Рассказывал он его мне примерно так...

* * *

— Не знаю, как в старые годы у вас в заводском обиходе, а в наших рабочих семьях не было заведено украшать ёлки. Не объясню почему. То ли потому, что до крайности тесно жили, вернее же всего — каждая копейка была на счету. А у господ ёлки случались преобязательно.

И такие, доложу я тебе, аховые ёлочки наряжались, что не нагладишься на них через окна с улицы. Совсем, бывало, зачоченеешь на тридцатиградусном, а оторваться не можешь. Кажись, недели мало, чтобы дотютельно разглядеть всё, что горит, сверкает, блестит и отсвечивает на весёлых еловых веточках.

Рабочих ребят, само собой, не допускали на такие ёлочные веселья. В коренных уральских заводах твёрдо знали, кому и что положено. Я тоже своё место знал, свой порог. Однако же...

Однако же жизнь всякое вытворяла, особенно в ночь под Новый год. И со мной такое случилось, что и поверить немислимо. Меня, понимаешь, допустили на такую ёлку, лучше которой во всём нашем горном округе не было и не могло быть. Главная эта была ёлка. Ёлка в доме его превысоко и выше того — господина горного начальника. Над всеми он царём и богом был.

Моя матушка, Любовь Корнеевна, у горной начальничихи находом подённо услужничала. И по всей видимости, услуги моей матери для

молодой барыни были столь многоценны, что она согласилась впустить меня на ёлочный маскарад для барчат.

Не чудо ли?

Только в чём я мог появиться на такое торжество? В материных подшитых валенках? В латаных байковых портках? В линялой сатиновой косоворотке?

В чём?

А начальничиха из быстрых умом была. Живононько придумала нарядить меня лесным лешачком и посадить под ёлку.

Сказано — сделано. Долго ли господским портникам сшить лешачиную одёжку с хвостом, смастерить обутки с копытцами. А маску-шапку с рожками ещё того проще сделать.

Примерили всё это на мне, научили лесным ужимкам, лешачьим прыжкам и пляскам. Я рад-радёшенек. Дома пробую, как лучше других потешать. Я, надо сказать, всегда любил веселить людей. Тягостно ведь жили тогда...

И вот, изволишь ли видеть, настал жданный вечер. Зажглась из красавиц красавица всецветными лампочками. В эти годы уже появилось электричество. И кому-кому, а горному начальнику его первому провели. Ослепнуть впору от радужного сияния и мигания. Такой свет! И столько всего на ёлке повешано, что не только меня, девятилетнего мальчонку, возвращённого в темноте, но сановитых господ инженеров этакая украшительная незнаемость околдовывала. И вдруг, понимаешь...

И вдруг, понимаешь, грянула неземная музыка во все смычки, в неведомо сколько труб и флейт. Отродясь я такой не слыхивал. На ёлке каждый шаричек, каждая бусинка, звёздочка, заделистая безделушечка — всё до последней блёсточки зазвучало. И я, кажись, от рожек до хвоста зазвучал, под ёлкой сидючи...

И вот, представь себе, распахнулась большая двустворчатая орлёная дверь — и опять чудо! Через неё парами, тройками хлынули царевичи, королевичи, золотые принцы, серебряные витязи, голубые гусары, алые уланы и не поймёшь кто ещё... А с ними лилейные принцессочки, кисейные барышнечки, разнопёстрые бабочки, легкокрылые стрекозочки, искристые снежиночки, огневые жар-птичечки... Не упомяну, кого и кем нарядили важные матери.

Я себя не чую. Млею и таю, в поднебесье витаю...

Хоровод вокруг ёлки завели. Песню начали складно. Большие и маленькие пели. Какие-то тихие струны им славно подзванивали. А потом снова музыка. Протяжная такая. Танцы начались. Не простые танцы. Выгибные, хлипкие, чопорные. Видать, хорошо этому мастерству господа обучали.

А я у самого комля под ёлкой таюсь. Глаз с госпожи-барыни не свожу. Знака жду, когда до меня черёд дойдёт.

Дошёл черёд. Барыня музыкантам кивнула и меня из-под ёлки глазами позвала.

Во всю медь принялись трубы плясовую гре-

меть. Я молнией из-под ёлки высверкнул и посреди зала принялся копытцами такую дробь отбивать, такие коленца выдавать, так высоко подскакивать, что и всамделишному матёрому лешему не осилить бы, пожалуй, мою прыть.

Все на меня — во все глаза. А я пуще того... Господская мелочь рты поразинула, опешивши. И большие господа едва ладоши не отбили в лад, моему плясу хлопаючи. Госпожа-барыня предовольнёншенька, что такую потеху придумала. И как только кончилась музыка, оборвался мой искромётный пляс, все ко мне. Все с похвалами, с улыбками, с «браво-бис» окружили меня. Но тут, понимаешь...

Тут осечка случилась. Слетела с моей головы маска-шапка с рожками... Слетела — и большую перемену произвела. Все улыбки, хлопки, все «браво-бис» как ветром сдуло.

Не тем я оказался. Не из тех, кому дозволено в этом доме плясать.

Первым узнал меня главный царевич в солнечной парче. Им начальников сын был наряжен. Узнал он меня и на всю залу закричал:

— Это же Мирошка, Любки-подёнщицы сын! — И ко мне лицом к лицу: — Как ты, поганец, посмел пробраться сюда?

И сразу же игрушечную саблю наголо и скомандовал разделаться со мной, как с лесным нечистиком.

Королята, принцы, гусары рады-радёншеньки свою храбрость показать. Кто за хвост меня, кто за шиворот. Сбили с ног. Барыня-начальни-

чиха не успела остановить разъярённых вояк и сказать, что я ею допущен был и наряжен лесным лешачком.

Меня терзали не одни благородные рыцари и уланы, но и лилейные воительницы вступили в азарт жестокой игры. Спасибо дедечке Еремею Фомичу — управительскому слуге... Светлая ему память... Вызволил он меня, унёс в людскую, в лакейскую. А дальше...

А дальше, прости меня за непрошеную стариковскую слезу, не найдётся у меня ни слов, ни сил, ни голоса, да и надобности нет досказывать это всё. Сам понимаешь, как я встретил тогда Новый год.

Про эту горькую быль до сегодняшнего дня я никому ничего не рассказывал. Стыдился, понимаешь, вызывать к себе жалость. А потом, спустя годы, затмилось всё это. Новые, светлые равноправные ёлки зажглись. Другие времена наступили. Пришли счастливые детские праздники для всех. И уж вовсе не к месту было ворошить это бесправное глумление, ушедшее в вечное забытьё.

А недавно... Совсем недавно в зарубежных газетных столбцах я прочитал заметочку, в которой описывалось сильно похожее на то, что было со мной. И это так больно ужалило меня, что память воскресила господский маскарад. И я как-то сразу понял, что недозволительно, что не всё мы имеем право забывать. Кое-что надо помнить...

Осенью Маврик упросил бабушку купить ему Чижика. И бабушка купила.

— Вот тебе твой Чижик-Пыжик, — сказала она и поставила на стол большую деревянную клетку. — Заботься о нём. Не забывай кормить и поить. А придёт весна — выпустишь.

Обрадовался Маврик: теперь Чижик-Пыжику не придётся мёрзнуть на ветру и летать до усталости с места на место, чтобы раздобыть корм.

Каждую неделю Маврик чистил клетку. Он исправно менял воду в поилке и вдоволь насыпал в кормушку зёрен.

Чижик прожил в тепле и в холе всю долгую зиму. А когда пришла весна, наступило время выпускать лесного жителя. И повёз Маврик клетку с Чижиком-Пыжиком через весь город на автобусе. А потом до леса пешком. Облюбовал в лесу пенёк, поставил на него клетку и открыл дверцу. А сам отошёл в сторону:

— Лети, Чижик-Пыжик, лети на волю!

Чижик прыгнул на порожек дверцы, отряхнулся и... обратно в клетку.

— Ну что ж ты не летишь, глупый?

И тут Чижик словно понял, что от него хотят, взмахнул крыльшками и выпорхнул из клетки. Взлетел на таловый кустик, оттуда на маленькую берёзку. Огляделся кругом и принялся клювом чистить пёрышки. А потом услышал чижиный зов и порх-порх — с ветки на ветку, с дерева на дерево — добрался до берёзовой чащи.

Вскоре Чижик-Пыжик проголодался. Принялся он искать знакомую кормушку. До самых потёмков проискал, да где же её найдёшь в лесу.

Наступила ночь, и хоть была она не очень холодная, Чижик всё равно продрог. Он весь нахохлился, его взъерошенные перья походили на шубу. Но ничего не помогало. Голодный, дрожащий от холода, он с трудом дождался утра.

А утром увидел, как птицы добывают еду, и вспомнил забытое. Он тоже отправился искать себе корм, но крылья плохо слушались его.

Что-то случилось с его сильными, лёгкими крыльями. Раньше он летал и далеко и высоко. А теперь едва-едва мог перелетать с дерева на дерево. Отвык за зиму.

Плохо стало Чижик-Пыжику, страшно. Ни корма добыть, ни от хищника спастись. А тут ещё собралась чижиная стая улетать к родным гнездовьям. Отправился с ней и Чижик-Пыжик, но скоро устал, оторвался от стаи и в изнеможении упал в траву. Этого только и ждала хитрая лиса...

Тем временем наступило лето. Маврик думал, что Чижик-Пыжик давно уж обзавёлся гнездом и птенцами, но всё-таки надеялся, что его любимец вернётся к нему зимовать. И ждал, когда же тот постучится в окно своим маленьким клювом.

Но прошла осень и пришла зима. А Чижик-Пыжик не прилетал. Видно, не нашёл дома, где когда-то жил у мальчика и где ждала его вкусная пища.

Так думал Маврик. Ему и в голову не приходило, что Чижики-Пыжики давно уже нет.

Откуда было знать Маврику, что лесные птицы — чижи, синицы, щеглы, — пожив в клетке даже немного, гибнут потом, очутившись на воле.

ДЕДУШКИНЫ ОЧКИ

У деда внук был. Не ахти какой самоцвет — парень и парень. Только старик очень внука любил. И как не любить, когда он — дедушкин портрет, бабушкина улыбка, сыновья кровь, невесткина бровь и её же румянец.

Отец, мать на работе, а внук при бабушке.

Старик сам на всю семью валенки подшивал и сапожничал по домашности. Внук около деда вертится — хочет узнать, что к чему. Глазами бабушке помогает. И руками подсобить не отказывается.

Провоцит, скажем, бабушка драгву, а щетинку в её конец не может воскать.

— Дай, бабушка, я. Ты плохо видишь.

— Да воскёшь ли, внук? Дело хоть простое, а трудное.

Час, другой, третий бьётся внук, а научится. И так всегда.

— Ах ты, бабушкины очки! — скажет старик. — При тебе и без глаз остаться не боязно. Увижу.

Подопрели как-то у старой избы венцы. Менять надо.

— Давай, внук, сами венцы сменим.

— Давай, — отвечает внук. — Только я, бабушка, никогда этого не делывал.

— Не беда, — отвечает дед. — Были бы глаза, а руки при хороших глазах что хочешь делают. Тащи пилу. Точить будем. Развод зубьям хороший дадим.

Притащил внук пилу и побаивается, чтобы дед руки не повредил.

— Я сам, бабушка. Только ты мне показывай, как зубья разводять, как напильник при точке держать.

Показал дед, как развод зубьям давать, как напильник держать. Поторопился внук — поранился маленько. А бабушка палец перевязывает да и говорит:

— Пила-топор торопливых не милуют. А мы их терпением обманем да сноровкой перехитрим.

Обманул внук пилу терпением, топор сноровкой перехитрил. Выточил так, что они в дерево, как нож в масло, идут.

— Пойдём теперь, внук, в лес дерева на венцы валить. Только побереги меня, Вася, в лесу от смерти.

— От какой смерти, бабушка?

— Деревя знаешь какие вредные? От себя валялись, а на тебя упадут. Боюсь, как бы меня какое дерево не прихлопнуло. Я ведь ещё хуже видеть стал.

— Ничего, бабушка. Зато я в оба глаза буду глядеть.

Пришли в лес. Дедушка показывать начал, как запил зарубать, куда наклон у дерева, как по ветру дерево валить. Хорошо с делом справляется внук — деда оберегает. Сторожко, с умом дерева валит, ноги бережёт.

Пришло время венцы подводить. Дед опять на глаза жалуется:

— Васенька, ты теперь уж вовсе моими очками стал. Гляди, а я рассказывать буду.

Рассказал дед, как бревно замерять, как паз в бревне выбирать, как угол «в лапу» рубить.

Старается внук. Что дедушка говорит, то и делает. А старик на ощупь руками проверяет, где и что не так — указывает.

Подвёл внук венцы, новым мохом пазы проложил, проконопатил. Васины отец-мать диву дались:

— Как ты это всё можешь, сын?

А Вася им:

— Да это не я, а дедушка.

Прошло сколько-то там времени, дед пуще прежнего на глаза жаловаться стал:

— Не могу я, Василий, без работы жить. Руки без дела слепнут, душа старится, сердце оставливается.

А внук припал к дедушке и давай его обнадеживать:

— Не горюй, дедушка. Я за двоих вижу. Моих глаз нам на обоих хватит. Давай работать. Ты только говори, а я сам увижу.

Работают дед и внук. В два глаза глядят, в четыре руки мастерят. Печи перекладывают,

трубы выводят, рамы стеклят, полы стелют, крыши щепой кроют. Нарасхват мастера.

Как-то они навесы к рамам привёртывали, и внук отвёртку потерял. Искал, искал — не может найти.

А дед ему:

— Да вон она, Васенька, в стружке лежит.

— Это как же ты, дедушка, увидел её?

— Видно, внук, глаза от работы прозревать начали.

— Может быть, и бывает так, только я не слышал, чтобы к старости глаза лучше видеть начинали.

Опять прошла неделя, другая. Тонкую работу дед с внуком взяли. Старинный узор в барском доме для колхозной чайной нанялись подправлять.

— Ты, — говорит внук, — сиди, дедушка, это не по твоим глазам, а я прожилки у листочков наводить буду.

Стал внук прожилки кисточкой выписывать, а дед и говорит:

— Васька, да ты это что? Прожилки листам надо во всю их живую силу давать, а ты их тоньше волоса выводишь.

Слез Василий с подмостей и спрашивает:

— Как это ты, дед, с полу прожилки на листах можешь видеть, когда я их плохо разглядываю?

А дедушка не потерялся да и говорит:

— Молод ещё, значит, мастер. Не можешь пока без дедушкиных очков работать.

Тогда внук и спрашивает:

— Так кто же для кого очки? Ты для меня или я для тебя?

— А это уж тебе, внучек, лучше знать. Большой вырос.

Понял тогда Василий про дедову слепоту.

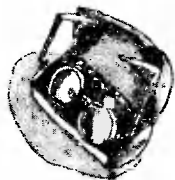
Обнял старика:

— Хитрый ты у меня, дедушка. Беда какой хитрый!

А старик на это, не таясь, отвечает:

— Если деду хитрому не быть, так откуда внуку умному да работающему вырасти?

Много лет прошло. Громко Василий работать начал. Во всю силу его трудовая слава зацвела. Василием Петровичем величать стали, редким мастером называли. Когда же состарился Василий Петрович, сам стал молодым мастерам хитрые «дедушкины очки» надевать. Чтобы глубже своё дело видели да на работу шире смотрели.



ТОНКАЯ СТРУНА





ПАМЯТНАЯ ОХОТА

У нас с братом ружья появились рано. Ему было шестнадцать, а мне четырнадцать лет. Обращению с ружьями обучал нас дядя; он и подарил их нам. Дядя буквально вдавливал нам в голову все меры предосторожности на охоте. Приводил примеры несчастных случаев. Даже таких, которые могли произойти раз в сто лет. И мы свято соблюдали все его охотничьи наставления.

На станции Кулунда жил второй наш дядя — дядя Фёдор. Он очень расхваливал свои озёра и прославлял тамошнюю дичь. И мы с Васей отправились в Кулунду.

Всё сказанное дядей подтвердилось. Птицы было так много, что немислимо было вернуться с охоты без уток. Мы главным образом и охотились за ними. Гуси не подпускали нас. Как мы ни ухищрялись, какие только меры ни принимали, а удачи не было. И подползали к ним против ветра, и устраивали ночные засады — бесполезно!

Чуткие птицы взлетали задолго до того, как мы подходили к ним на ружейный выстрел. А утки уже порядком надоели. Их подавали и к завтраку, и на обед, и на ужин.

Тётя Катя, дядина жена, сказала однажды:

— Надо же когда-то съесть хоть одного гуся!

И мы решили добыть во что бы то ни стало гуся.

С вечера мы ушли далеко в степь и заночевали в стогу соломы. Проснувшись на восходе.

Солнечное утро прекрасно всегда и везде. Хорошо оно и в степи на берегу озера. Утренняя заря так окрасила воду, что она напомнила нам Урал. Там мы в раннем детстве всегда любовались, как в овраг из шлаковозных ковшей выливался огненно-красный доменный шлак, образуя оранжево-красное озерцо. Но то было маленькое, а это огромное алое озеро.

Любуясь с пригорка цветом озера, мы увидели двух розовых птиц. Мы их узнали: это были лебеди. Так окрасила их белоснежные перья заря.

Лебедей в этих краях не бьют — не принято. Одни считают убийство лебедя грехом, другие, может быть, и не видят в этом греха, зато находят охоту на лебедей такой же нелепостью, как стрельбу по чайкам, журавлям. Ни к чему! Разве только для чучела. К тому же в народе были распространены рассказы о том, что если погибает один лебедь, гибнет и второй. Так будто бы дружны и неразлучны лебединые пары. В этом была какая-то правда.

Мы с братом в прошлом году были на озере

Чаны. Это огромное озеро. Есть места, где с одного берега не видно другого. На нём собираются сотни стай отлетающей птицы: уток различных пород, гусей, лебедей. Даже с плохеньким биноклем можно часами любоваться птицей перед отлётом... У гусей и уток не различишь пар — они плавают стаями. А вот лебеди — исключая разве молодых — и в стае плавают попарно. Может быть, в этом наблюдении было больше нашего желания видеть их парами, чем истины, — я не знаю, но так они запомнились мне. Розовая лебяжья пара плыла медленно, грациозно.

Тут брат сказал:

— А при Иване Грозном лебедей подавали к столу. Даже картина есть, где несут лебедя на блюде. В пере. Значит, это не считалось запретным. Почему же теперь вдруг нельзя стало охотиться на лебедей?

И я поддержал брата. Мы зарядили ружья и направились к озеру.

Лебеди на нас не обращали никакого внимания. Старожилы рассказывают, будто лебеди подпускают человека, сидящего верхом на лошади, так близко, что человек может ударить лебедя кнутом. В этом, конечно, есть преувеличение. Но то, что лебеди, за которыми здесь не охотятся, очень смелы, — правда.

И вот мы подошли довольно близко к прекрасным птицам. Солнце уже поднялось, и они побелели. Но их закрыли камыши.

— Пройдём через камыш, — предложил брат. — А потом ты — в правого, а я — в левого.

Пошли бродом по камышу. Шли осторожно, не булькая, как учил дядя. Наконец камыш поредел. Лебедей мы увидели совсем близко и стали целиться. Я — в правого, а Вася — в левого. Командовал он. Командовал, как в детстве, когда мы играли в войну:

— Раз, два, три... Пали!

Прозвучали два выстрела. Один лебедь взлетел. Братов. Мы успели перезарядить наши берданки и дали ещё по выстрелу в улетающего. Но тот преспокойно улетал.

— Это лебедь, — сказал брат. — У него перо крепче. Дробь на него нужна крупнее. Пойдём за лебёдкой.

И мы пошли за добычей по розовому следу на воде, окрашенному уже не солнцем, а кровью. Вода оказалась по пояс. А мы шли. Вскоре след привёл нас в камыши.

Привёл и затерялся. Лебедь исчезла.

Так мы пробродили минут сорок. Продрогли. Вышли на берег.

— Смотри, — указал мне вверх брат, — он не улетаёт! Он кружит над озером.

И я увидел парящего высоко в небе лебедя.

— Не покидает её, — сказал брат. — Значит, это правда.

Он не сказал, что имел в виду, говоря «значит, это правда». И мне вдруг стало стыдно. Ведь это я стрелял в неё. Ведь это я принёс ему беду.

А лебедь всё парил и парил, делая круги над озером, плавно взмахивая крыльями.

Мне хотелось уйти, и уйти как можно скорее. И я сказал брату:

— Уйдём, Вася, отсюда и посушимся.

Брат согласился и пронзительно крикнул:

— Ай, он падает!

И я увидел лебедя, падающего белым камнем. У меня подогнулись ноги. Я сел на землю. Лебедь упал на середину озера с шумным всплеском.

— Может быть, он от разрыва сердца? — тихо спросил Василий. — Я слышал, что такое бывает.

— Не знаю, не знаю... — отозвался я.

Мне вдруг очень захотелось пить, и я стал пить прямо из озера горько-солёную воду.

Начался лёгкий ветерок; он стал прибивать птицу к берегу, свободному от камыша. Теперь лебедя было легко взять. Но ни я, ни брат даже не подумали об этом.

Возвращались мы молча, с пустыми руками. Дома ничего не сказали о нашей охоте. И только через несколько дней спросили доктора, приезжавшего на станцию, мог ли лебедь умереть от разрыва сердца, не пережив смерти своей подруги.

Доктор на это сказал:

— Не приписывайте, друзья мои, птице человеческих чувств. Лебедь, наверное, был тоже ранен, и, пока силы не оставили его, он летал, а потом разбился о воду.

Может быть, это и так. Вернее всего, что это именно так... Только с тех пор я никогда не охотился на лебедей и ни при каких обстоятельствах не буду охотиться на них. Мне и до сих

пор, спустя много лет, как-то совестно смотреть на них, если я встречаюсь с ними на пруду зоопарка или даже на картинке.

ТОНКАЯ СТРУНА

Время было трудное, военное... В деревне, где жил Сергунька, питались хотя и скудно, а всё же хлеб, картофель и сало были. Не каждый день, но варили кусочек мяса или косточку. А вот чай, сахар доставали с трудом.

Худо приходилось Сергунькиной бабушке. Одна забава у старухи осталась — чайку попить, а война и этого её лишила.

— Был бы жив мой Петрован, — говорит как-то она про Сергунькиного деда, — он бы живо петель наставил, зайцев наловил. В охотничьей лавке за них сколько хочешь чаю дают. Хоть фунт.

Слушает Сергунька эти бабушкины слова да на ус мотает. Ему хоть и девять лет, а один мужик в доме остался. Отец на войне. Приходится соображать.

Раздобыл Сергунька проволоки, стал из неё петли на заячьи тропки ставить. Не вышло дело: не попадают косые. А у Петьки Чебакова что ни день, то заяц. И по два на дню ловились.

Решил тогда Сергунька расспросить Петьку, из какой проволоки он петли делает, как их ставит, где места выбирает. А Петька с хитрецей парень был. Зажимистый.

— Слово тайное знаю, вот и ловлю.

Не поверил этому Сергунька, а всё-таки попросил его:

— Скажи мне это тайное слово, Петя!

А тот опять увильнул:

— Как я тебе его скажу, когда оно наше родовое — чебаковское, дедовское? И потом, если это слово в одной деревне будут знать двое, тогда ни у которого зайцы попадаться не будут.

«Ну ладно, — решил тогда про себя Сергунька. — Скоро четверть кончается. У меня по арифметике тоже «тайное слово» найдётся».

Недолго ждать пришлось. Замаячил конец четверти. А у Петьки в тетрадке одни гуси-лебеди о двух крыльях летают: двойки. И в четверти «гуся» обещают. Как такой табель Петька отцу на фронт переписет? Чем рапортовать будет? Не зайцами же!..

Петька к Сергуньке кинулся:

— Скажи, Сергуня, как это ты по арифметике только пятёрки получаешь?

Сергунька, не будь плох, отвечает:

— Слово тайное знаю, вот и получаю.

Не стал Петька дальше расспрашивать и повёл товарища в берёзовый перелесок. Показал ему, из чего он петли делает и как их ставить нужно. Понял Сергунька, что у него было плохо, и тут же смекнул, из чего он может сделать петли ещё лучше. А потом так натаскал Петьку по арифметике, что для него и четвёрка не в новость стала.

А у Сергуньки охота хорошо пошла — и по три зайца за ночь ловил. А дома об этом ни сло-

ва. Зачем до поры до времени говорить! Могут и хвастунишкой назвать.

Снесёт свою добычу Сергунька в охотничью лавку — там её в книжку запишут. Копит охотник зайцев на фунт чаю да на пять пачек пилёного сахара. Сразу чтобы. Что там по осьмушке чай таскать, — пускай бабушка полной горстью его заваривает и сахар не растягивает по куску на два дня.

Всё гладко шло, да только Сергунькина мать сказала, что у гитары струны пропали. Все семь. А ей без гитары — как бабушке без чаю. Когда матери бывало совсем не вмоготу, когда письмо с фронта долго не приходит, запрётся она в маленькой горенке и начнёт струны перебирать да тосковать тихим голосом по Сергунькиному отцу. Попоёт, поплачет — и легче ей станет. Отойдёт.

Косится мать на Сергуньку, а спрашивать не спрашивает. Но всё-таки однажды сказала:

— Не могли же струны сами по себе с гитары сняться и уйти!

А бабушка на это своё слово вставила:

— Конечно, не могли. Не иначе, что домовой их унёс. Кому же больше? Ну, да беда не велика. Побалуется озорник и опять их на гитару натянет.

И вот пришло утро. Бабушка поднялась раньше всех:

— Батюшки! На гитару струны вернулись!

Потом смотрит — на столе восемь осьмушек грузинского чаю красуются в виде буквы «С».

И тут же пять пачек пилёного сахара разложены.

Радости было на весь дом! Каких только ласковых слов не сказала Сергуньке бабушка! И мать тоже. Особенно когда она на гитаре струны увидела. А потом смотрит — одной струны нет. Самой тонкой.

— Как же это так? — говорит. — Почему же наш озорник «домовой» не все струны отдал?

Теперь Сергуньке таиться было больше не для чего, и он прямо сказал:

— Мама, тонкую струну заяц оторвал вместе с кустиком, к которому она была привязана. Видно, большой заяц был. Русак.

— Жалко, — говорит мать, — такую струну: она самая главная.

Тут бабушка поднялась с лавки и опять своё слово вставила.

— Плохо ты видеть, Анна, стала! Твоя самая главная, самая тонкая струна за столом сидит, чай с пилёным сахаром пьёт, — сказала старуха и кивнула на раскрасневшегося от чая и бабушкиной похвалы Сергуньку.

...Через два дня на гитаре появилась недостающая струна. И никто не мог понять, откуда могла она взяться. Даже дотошный Сергунька и тот доискаться не мог, кто это сделал.

А сделал это Петька Чебаков. Тайно. Захотелось, видно, парню стать не хуже товарища и тоже звенеть «тонкой струной».

Мой дядюшка Пётр Артемьевич служил старшим конюхом на опытном поле в Кулундинской степи. Дядюшка был очень любознательный человек. Его затеи привлекали внимание окружающих. Приручал ли дядя лису для охоты, одомашнивал ли диких гусей, придумывал ли новые способы ловли куропаток — всегда было интересно.

Однажды он добыл в логове волчат и одного из них решил воспитывать вместе со щенком немецкой овчарки. Того и другого кормила мать щенка, крупная собака Альта.

Когда волчонок подрос, дядя, боясь, что он убежит, поместил его вместе со щенком в вольер, за проволочную сетку. Волк получил имя Волчок, а собака была названа Стрелкой.

Когда Волчок и Стрелка подросли, когда пришло им время позаботиться о потомстве, дядя соорудил вместо конуры подобие логова. Вскоре у Стрелки появились дети. Дядя уже не входил в вольер — волк показывал зубы и не подпускал к логову.

— Как же теперь, Пётр Артемьевич, их называть? — спросил сторож опытного поля Аким Романович. — Волчатами или щенками?

— А это будет видно, — ответил дядя.

Мало-помалу дети Стрелки подросли и стали выходить из логова. Их было пятеро.

Дядя, внимательно рассматривая их, сказал мне:

— Вот эти двое — волчата, а эти два — щенята... А этот — ни то ни сё.

Я не поверил дяде. Как могли родиться у одной матери и щенки и волчата!

— Подрастут — увидишь, что одни в мать, а другие в отца. Так не только у волков, а у многих бывает.

Живущие на опытном поле тоже считали, что дядя мудрит. Когда же волчата-щенята стали подрастать, все ясно увидели, что двое всё больше и больше похожи на отца, двое — на мать, а пятый — на того и на другого. Ни то ни сё. Так и прозвали его: «Нитонисей». Волчата походили на отца не только по окраске шерсти, но и по характеру. Они были жаднее. В их глазах стояла какая-то затаённая злоба, ненависть к людям, хотя люди ничего, кроме добра, для них не сделали.

Дядя да и все остальные знали, что пословица «Сколько волка ни корми, а он всё равно в лес глядит» — не только крылатые слова, но и правда. И дяде очень хотелось проверить, насколько крепка эта семья. Сумеет ли удержать Стрелка детей Волчка, выросшего среди людей и вскормленного собакой? И всем это хотелось знать.

Однажды дядя объявил:

— Завтра узнаем...

Наутро Волчка и Стрелку вместе с волчатами-щенятами перегнали в клетку. Клетку поставили на телегу и поехали в степь. С нами отправились — кто в бричках, кто верхом — человек пятнадцать любопытных.

Когда мы приехали в степь, клетку поставили на землю, и все отошли метров на сто. Дядя потянул шнур, чтобы открыть им дверцу клетки.

Первым вышел Волчок и позвал за собой остальных. Оказавшись в степи, волчата и щенята стали резвиться, кататься, играть. Волчок посмотрел на нас, сидящих поодаль, прищурился, потом повернул морду к берёзовому сколку леса. Потянул носом, будто не веря, будто проверяя, лес ли это. Потом, воровски озираясь, направился к березняку. Остановился. Оглянулся и, увидев, что за ним не пошла его семья, вернулся. Вернувшись, он куснул Стрелку, словно приказывая ей следовать за ним.

— Неужели, — забеспокоился главный агроном опытного поля, — Стрелка изменит человеку?

И я думал о том же.

Стрелка, до этого игравшая со своими детьми, поднялась и нерешительно последовала за Волчком. За нею побежали её дети.

— Крикни ты ей, Пётр Артемьевич! Позови! — попросил дядю главный агроном.

И дядя свистнул, а потом крикнул:

— Стрелка, ко мне!

Собака остановилась. Села. Остановились и её дети. Остановился и Волчок. Потом он подошёл к Стрелке и, угрожая, оскалил зубы. Понималось рычание. Если собачий язык можно переводить на человеческий, то Волчок сказал нечто вроде: «Смотри у меня, собачье отродье! Я тебе покажу, что такое волчьи зубы!»

Эта ли угроза или что-то другое — может быть, чувство материнства — заставило Стрелку, виновато опустив голову, следовать за Волчком.

Но дядя снова свистнул и снова крикнул:

— Стрелка, куда ты? Стрелка!

И Стрелка решительно повернула обратно. К нам. К людям. Мы её подбадривали, кто как умел.

Вместе с нею вернулись и два щенка. Это были именно щенки. Главный агроном наблюдал за ними в бинокль, а я их отлично различал и без него.

Трое волчат следовали за отцом к лесу; один же из них, бежавший последним, поминутно оглядывался на мать. Это был Нитонисей.

— Жалеет, видно, Нитонисейка мамашу, — сказал сторож Аким Романович. — Как-никак выкормила она его. На ноги поставила. Свою овчарью кровь отдала.

И в это время Нитонисей сел и заскулил, подняв голову. Стрелка оглянулась и мягко тявкнула, будто сказала лаем: «Если хочешь, если любишь, оставайся со мной, мой волчоночек!»

И Нитонисей, услышав этот добрый материнский лай, опрометью бросился догонять Стрелку и братьев-щенков. Увидев это, отец зарычал, в два-три прыжка нагнал Нитонисея, куснул его на ходу и кинулся к Стрелке. Он больно укусил её за бок. Стрелка ответила тем же. Началась смертельная грызня волка и собаки. Их уже ничего не соединяло теперь. Ни дети, ни время, проведённое вместе. Ничто.

Я не знаю, чем бы кончился этот поединок, если бы дядя не выстрелил в воздух. Он никогда не выезжал без ружья в степь. За первым выстрелом последовал второй. Волк пустился наутёк, а за ним двое его волчат и Нитонисей. Выстрелы будто окончательно размежевали семью собак и волков.

Стрелка приползла к нам. Ласкаясь, легла у ног дяди. А неблагодарные разбойники давно скрылись из виду.

Мы благополучно вернулись. Стрелка и её щенята бежали рядом с нашей телегой. Но на этом не кончилась история.

Утром к матери прибежал Нитонисей. И дядя сказал тогда:

— Он убежит. Он волк.

И он убежал на третий день. И я видел, как он убегал. Отбежит и начнёт скулить: «Мама, мама... Мамочка, побежим вместе! В степи так привольно...» В этих или в каких-то других словах следует выразить его зов, я не знаю, только моё воображение подсказывало мне тогда именно эти слова.

Стрелка не последовала за ним из конуры. Нитонисей убежал. Но и на этом не кончилась волчья история...

Зимой на опытном поле появились волки. Они пришли сюда «по знакомству». Им, наверное, казалось, что Стрелка и её дети не будут лаять в эту ночь и дадут поживиться им в голодную зиму кровью и мясом овец.

Этого не случилось. Овчарки подняли лай.

Дядя выскочил в исподнем, с ружьём. Он ранил одного из волков, остальные убежали невредимыми. Ночь была морозная и тёмная, дядя не стал преследовать раненого. И лишь утром он направился по волчьему следу.

В двух километрах от опытного поля дядя увидел умирающего Волчка. Его нетрудно было узнать по ошейнику. Волчок, как рассказал мне дядя, оскалил на него зубы. А потом, видимо узнав, опустил голову и прищурил глаза.

— Волк-то он, конечно, волк, — говорил дядя, — но, видно, не зря прошло для него время, которое он прожил у нас за сеткой. Он узнал меня. И мне почудилось, будто он, перед тем как кончиться, по-собачьи вильнул хвостом. А может быть, это всё только почудилось мне от моего давнего желания — особачить волка.

НЕОБЫЧНАЯ ПЯТНИЦА

Однажды в обыкновенный день, не в субботу и не в воскресенье, а в простую пятницу вдруг в доме с самого утра стали начищать-намывать, половики трясти, до блеска натирать самовар. И даже скатерть другую постлали. Белую, которую для больших праздников берегли.

Вернувшись из школы, Гриша удивился ещё больше. В сенцах он учуял чудесные запахи. Стало быть, не просто обед готовился, щи там или суп да котлеты, а пироги.

— Что за праздник сегодня, бабушка?

— Да никакого праздника и нет как будто. Обыкновенный день. Пятница как пятница...

«Какой же обыкновенный день, — подумал Гриша, — когда на столе праздничная посуда. Нет, не похожа эта пятница на другие. Не зря же бабушка надела блестящее платье, а дед вырядился в чесучовую вышитую рубаху».

— Потерпи, — шепнул он Грише, — увидишь.

Если так, Гриша не стал допытываться. Любопытничать, выспрашивать, приставать — не мужское дело. Так не раз говорил ему старший брат: часом раньше, часом позже, всё равно узнается.

А пирогов было даже два. Один рыбный, другой узорчатый, сладкий. Такие пироги в простые дни не пекут. Наверно, бабушка с дедушкой опять какую-нибудь годовщину справляют. Им теперь что. Получили оба по хорошей пенсии, вот и выдумывают, как лучше время провести.

Хоть и гнал Гриша от себя любопытство, а оно не оставляло его. Не дядя ли в гости приезжает? А вдруг отца наградили? А может, какая другая причина? Так ли, не так — надо ждать.

Первой вернулась с работы мать. Вернулась и принялась наряжаться. Потом пришёл отец. Пришёл, но не стал, как всегда, торопить бабушку с обедом.

— А где же Володя? — спросил Гриша отца. — Почему вы не вместе вернулись с завода?

— Он позднее придёт, просил подождать.

— Как нехорошо заставлять других ждать, —

пробурчал Гриша. — Меня учит не опаздывать, а сам...

— Такой уж у него сегодня день.

— А что это за такой за день? — спросил не столько Гриша, сколько Гришино любопытство.

— Узнаешь.

Минуты шли медленно. Бабушка то и дело откидывала занавеску и смотрела в окно. Мать прислушивалась к каждому стуку. Володю ждали так, будто всё теперь зависело от него. Даже самую яркую лампочку ввернули. А он не шёл. Даже кот, проголодавшись, стал подмякивать. Кота всегда кормили за обедом под столом.

А Гриша, чтобы побороть нетерпение, стал думать о кроликах, которых ему хотелось завести, и о том, как будет ухаживать за ними. Когда надоело думать о кроликах, занялся резиновыми сапогами. Они ему были, пожалуй, нужнее, чем кролики, потому что в обыкновенных ботинках нельзя ходить с отцом на охоту. А в резиновых сапогах шагай хоть через всё болото. Вообще резиновые сапоги Гриша считал самой лучшей обувью, но только один Володя соглашался с ним. Остальные же находили резиновые сапоги «блажью». Какая же это блажь, когда для человека в резиновых сапогах не существует осени. Это сапоги-вездеходы.

Да, Гриша любил и отца, и мать, и дедушку, и бабушку, но никто из них не понимал его так, как Володя. Потому что Володя ещё недавно был точно таким же, как Гриша, и не успел разлюбить всё то, что кажется «блажью» взрослым.

Резиновые сапоги — это великая вещь, особенно если их носить с бабушкиными шерстяными носками. И ухаживать за ними просто: обмыл в луже или на речке — и они как новенькие.

Пока Гриша размышлял о своём житье-бытье, щёлкнула щеколда ворот и послышались быстрые Володиные шаги. Все бросились навстречу. Володя принёс с собой целую гору свёртков, положил на скамью и начал раздеваться. Все выстроились перед ним, как перед ёлочным Дедом Морозом.

— Не томи, — сказала бабушка. — Развёртывай.

— Сейчас, бабушка, сейчас, — заторопился Володя. — Это тебе, мама, — сказал он, подходя к матери, и подал ей коробку.

В коробке был высокий гребень. Мать громко ахнула и сказала:

— Какая прелесть!

Она подбежала к зеркалу, заколола гребнем причёску, а потом обняла Володю:

— Ну, как ты мог знать, что я именно такой хотела...

Потом Володя подошёл к отцу:

— А тебе отвёртки разных размеров для разных целей. Напильники плоские и трёхгранные, круглые, разные...

— ...кусачки и клещи — хорошие вещи, — смеясь, подхватил отец, рассматривая инструменты.

Бабушке Володя подарил клетчатые домаш-

ние туфли с высокими боками, почти как ботинки. И бабушка тотчас надела их.

Дед получил трубку для курения и пачку табаку. И он тоже благодарил Володю, называя его Владимиром Ивановичем:

— Ну, скажи, какой ты у нас зоркий, Владимир Иванович, всем подарочки в самую точку подглядел. Брата не забыл ли?

— Нет, нет, дедушка, — ответил, краснея, Володя и принялся развёртывать самый большой свёрток.

Гриша всячески старался казаться спокойным, а сердце его билось всё сильнее и сильнее. В свёртке что-то скрипело и пахло резиной.

Да, это были настоящие резиновые сапоги! Блестящие и высокие! Протягивая их Грише, Володя тихо сказал:

— Осторожнее. Они с начинкой!

Гриша заглянул внутрь сапога и закричал на весь дом:

— Володечка! Володечка!..

Пока Гриша вынимал из одного сапога белого крольчонка, из другого выскочил серый, и в доме началась суматоха. Бабушка схватила кота, боясь, как бы тот не обидел испуганное, забившееся под стол животное. Дед кинулся в сарай подыскивать квартиру для новых жильцов. А мама принесла капустных листьев с грядки, и осмелевшие Дымок и Снежок ели прямо из Гришиных рук.

До чего же весёлый ужин получился в эту пятницу...

Резиновые сапоги стояли подле Гришиной кровати. Кролики спали в новой клетке, спрятавшись в сено.

Гриша видел во сне радостный день своей первой полочки...

РАЗБОЙНИК

На зимние каникулы отец с матерью уехали в Омск. Я и моя младшая сестра остались дома с бабушкой. Мне тогда было двенадцать лет. Мы жили на краю села, в новом саманном домике, построенном колхозом моему отцу и матери. Оба они преподавали в школе, где учились и мы с сестрой.

Наш дом был самым крайним в селе. Из окон дома, стоявшего на возвышении, открывался прекрасный вид в степь. Может быть, поэтому отец и выбрал именно это место. Двор дома не успели огородить — помешала ранняя зима. Построек на дворе тоже пока ещё не было, если не считать закутка, где жили два ягнёнка. Мой баранчик и Танина ярочка. Их купил нам отец.

Зауток для них был наскоро сделан из жердей, заваленных землёй. Для тепла. Дверки сделал отец из прочных сосновых досок. Замок мы с Таней приладили сами. Настоящий, большой висячий замок. Как будто кто-то мог похитить моего баранчика и Танину ярочку! Но ведь мало ли что могло случиться... И случилось. Случилось, правда, так, что никто не мог и представить себе подобной истории.

У нас в те дни ночевал мой школьный товарищ Коля Мякишев. Поздно вечером, на третий или на четвёртый день каникул, когда бабушка спала на глинобитной лежанке, мы втроем — я, Коля и Танечка — сидели на скамеечке, поставленной на стол. Нижние стёкла окон были заморожены, а верхние — нет, и через них можно было смотреть на степь, освещённую луной. Эта красота серебряно-голубого снега, волшебного лунного освещения и морозной прозрачности воздуха уводила нас в сказочный мир, в мир мечтаний.

Снежная степная низина распростёрлась такая бескрайняя, что нам чудилось, будто мы сидим у штурвала воздушного корабля, который вот-вот двинется и полетит между звёздами и снежной равниной над миром.

Хорошо! Всюду мороз. Тридцать, а может быть, и сорок градусов. А мы сидим в своём воздушном корабле. В одних чулках. И нам не холодно. Если бы бабушка не похрапывала, то ничто бы не нарушало нашего воображения.

И вот, любуясь далями, мы заметили тёмную движущуюся точку. Первой заметила её Танечка и шепнула Коле:

— Волк!

Всякой другой девочке Коля сказал бы обидное, а Танечке он всего лишь мягко разъяснил:

— Волки не бегают зимой в одиночку. Да ещё по дороге. Это отставшая собака возвращается в село.

Мне тоже хотелось думать, что это волк, и я поддержал сестру, сказав, что такой походки у

собак не бывает. Хотя я и не знал, какая походка у волка.

Животное между тем приближалось. То останавливаясь и присаживаясь на несколько секунд, будто отдыхая, то снова переходя на крупную рысь, неизвестное четвероногое не сворачивало с дровяной дороги, ведущей в дальний березняк.

— Ну, теперь видите, что это овчарка? — сказал Коля. — Это Дозор Щёкиных.

Но когда этот самый Дозор снова остановился и, подняв голову, завыл, что называется, на луну, Танечка прижалась ко мне и, делая вид, будто дрожит, сказала:

— Васечка, мне страшно! Это серый.

— Это волк, — подтвердил Коля.

Да, это был волк. Через двойные рамы окна не было слышно воя, зато было видно, как волк открывал свою пасть. Мне даже показалось, будто я вижу его зубы. Повыв так, волк направился дальше. Зимняя дорога в березняк проходила мимо нашего дома, и мы увидели волка совсем близко. Я посмотрел на стену, чтобы убедиться, тут ли папино ружьё. Как будто оно как-то могло пригодиться! Я никогда ещё в жизни не стрелял из ружья. Но мне показалось, что в случае крайней необходимости я могу выстрелить в волка через форточку. И эта возможность вскоре представилась, но я в эту минуту забыл не только о ружье, но и о своём собственном существовании.

Волк подошёл к окну. Подошёл и припод-

нялся. Стоя на задних лапах, передними он едва не касался окна.

Теперь никто из нас не делал вида, будто мы дрожим. Стучали даже зубы. Но бабушку мы не разбудили. Коля предложил взять из ящичка стола ножи. Это были столовые ножи. Мы их взяли.

А волк тем временем, словно проверив, что в доме всё спокойно, направился к нашему ягнятнику. Мы перешли к другому окну.

Бедные ягнята!

Коля нашёл в кухне топор. Это придало ему ещё более воинственный вид. А я взял лом. Это было тоже достаточно нелепо, но, видимо, необходимо в те минуты.

Волк трижды обошёл ягнятник, затем влез на его крышу и стал разрывать лапами снег, затем мёрзлую землю. Таня, схватив меня за руку, сказала мне, как взрослая взрослому человеку:

— Василий, ты должен выстрелить в него и спасти ягнят.

— Это невозможно, — сказал я, — потому что в кухонном окне крепко-накрепко замазана форточка.

Волк, убедившись, что замёрзшей земли ему не разрыть, подошёл к двери ягнятника. Он долго принюхивался, затем стал ломиться в дверь.

Но напрасно. Будто обессилев и отчаявшись, он сел. Тут его привлёк другой запах. Он направился к бочке.

Это была узкая и длинная бочка. Отцу дали её на салотопенном заводе. Она была пропитана жиром. И отец хотел вкопать эту бочку в землю

около канавки для того, чтобы собирать сточные и талые воды для поливки будущего нашего сада и огорода. В бочке можно было держать запас воды в семьдесят — восемьдесят вёдер. Это не маленький запас. Просаленная бочка, по мнению отца, могла долго простоять в земле, как сруб наливного колодца. Запах лежащей на боку бочки привлёк волка, и он влез в неё. И нам показалось, что мы слышим, как он сгрызает жирные бока бочки.

Так прошло минут двадцать. Покинув бочку, волк сел возле неё, облизываясь. Облизываясь точь-в-точь как Дозор Щёкиных. И я подумал: а не Дозор ли это?

Нет. Сомнения мои рассеялись тотчас, как только чего-то испугавшийся волк сделал огромный прыжок и пустился наутёк.

Мы снова перешли в большую комнату, забрались на стол и наблюдали, как он удирает по той же дороге.

Часы пробили три, а нам было не до сна. Мы забрались на печку и шёпотом, чтобы не разбудить бабушку, делились впечатлениями и обсуждали планы поимки волка. Чего только мы не выдумали тогда!

Коля, например, предлагал зарядить ружьё картечью, укрепить его на треноге, затем нацелить на бочку. И как только волк появится снова и начнёт выгрызать сало, дёрнуть за шнурок, привязанный к спусковому крючку ружья.

Я предлагал поставить капканы. Но где их взять?

Танечка предложила приделать к бочке крышку. Приделать её так, чтобы она захлопнулась тотчас, как только волк войдёт в бочку. Это на первый взгляд нам показалось нелепостью, а наутро мы увидели в Танином предложении разумное зерно.

Коля сказал:

— Если крышку сделать с защёлкой, волк не откроет её.

— Но как сделать, чтобы она захлопнулась? — спросил я.

И Таня сказала:

— Так же, как дверку мышеловки.

Это опять показалось нелепым, но мы сделали именно так, как советовала Танечка.

Соорудив крышку, мы навесили её на петли. Защёлкой послужила нам воротная щеколда с пружиной. На крышку мы положили три кирпича, чтобы она быстрее захлопнулась. Внутри бочки мы протянули бечеву, на конец которой было решено подвесить мясо, как это делают в мышеловке. Как только зверь потянет за мясо, он сорвёт крючок рычага, удерживающего крышку бочки в поднятом состоянии.

Когда сооружение было закончено, мы с Колей поочерёдно изображали волков, залезая на четвереньках в бочку. Крышка исправно захлопывалась, и щеколда запирала её.

Всё это делалось тайно. Бабушке было сказано, что мы строим зимнюю избушку для игры.

Наступила вторая ночь. Мы заняли сторожевой пост. Волк не появлялся. Мы уснули после того, как часы пробили четыре утра.

Наступила третья ночь. Мы верили, что он рано или поздно явится. И он явился. Мы его узнали издали. На этот раз он, не останавливаясь, мчался к бочке. Мы стремглав перебежали к кухонному окну. Коля споткнулся в темноте. Это насторожило волка, но вскоре он успокоился и подошёл к отверстию бочки.

Что было с нашими сердцами! В них работало по молотобойцу. Танечка даже как-то подскуливала по-щенячьи от нетерпения.

Волк сунул голову в бочку. Понюхал и вернулся. Сел. Облизнулся. Снова подошёл к бочке. Затем посмотрел на крышку, нависшую над входом в бочку, и снова отошёл.

— Пахнет железом, — сказал Коля. — Боятся.

— Да ну тебя! — огрызнулся я. — Как он может различать запахи? Не придумывай!

Посидев, волк направился к двери ягнятника. Он ещё раз сделал попытку нажать на дверь и оставил её. Затем посмотрел на наше окно. Нам показалось, что он злобно сверкнул глазами и сказал: «Не проведёте! Я бывалый волк!»

Будто сказав именно так, он побрёл в сторону. Может быть, в село. Хотя на это он едва ли мог отважиться.

Уснули мы огорчённые. Мне ночью снилось, будто волк написал нам письмо на берёсте, в котором сообщалось: «Вот если бы не пахло железной щеколдой и железными петлями, я бы, так и быть, попал под вашу бочку».

Ужасно глупое письмо! Такое может только

присниться. Но наутро мы помазали растопленным бараньим салом и щеколду и петли. Мне это казалось тоже глупым, но Коля настаивал, и Таня говорила:

— Он же тебя сам просит об этом в письме на берёсте!

Наш секрет каким-то образом стал известен ребятам, и над нами стали смеяться.

— Волка вздумали бочкой поймать!

— Наврали с три короба и сами себе верят!

— Прославиться хотят!

Это было очень обидно. Мы решили ещё подежурить ночь у окна. Так и сделали. Но в полночь пошёл снег, и всё заволокло. Не только волка не увидишь — даже бочки не различишь.

Утром снег прошёл. Я проснулся и подбежал к кухонному окну. Бочка как была с настороженной крышкой, так и осталась. Я снова лёг.

Проснулись мы часов в девять. Бабушка дала нам поесть, и мы решили отправиться на лыжах, чтобы не встречаться с ребятами, которые снова начнут подсмеиваться над нами. Когда мы вышли из дому, то увидели, что крышка бочки захлопнута. И первое, что пришло в голову: «Это проделки ребят!»

— Они нарочно захлопнули её, чтобы посмеяться над нами.

— Ну и пусть! — сказала Танечка. — А мы снова насторожим нашу волколовку! Когда-нибудь да попадётся. Будет для него ещё голодное время...

Согласившись с ней, мы решили насторожить крышку под вечер и стали прилаживать лыжи. Когда мы были готовы тронуться в путь, услышали возню.

— Это в бочке, — сказала Таня. — Это в бочке!

Я не поверил, но лёгкий озноб радости пробежал по моим жилам.

— Там кто-то есть! Там определённо кто-то есть! — сказал Коля. — И я думаю, что ребята посадили туда какую-нибудь собаку, чтобы поднять нас на смех.

И мне показалось именно так. Потому что я видел бочку с настороженной крышкой, когда уже начинало светать. В эту пору не мог прийти волк.

— Сейчас мы её выпустим, — предложил я.

Но Таня вдруг остановила:

— А вдруг да...

«А вдруг да там он? — подумал я и сам поверил, что там именно волк. — Но почему он притаился?»

Я направился к бочке и тут же отскочил от неё. Я услышал волчий вой. Волк заметался внутри бочки так, что она заходила ходуном.

Мы боялись приблизиться к нашей волколовке. Мы опасались, что щеколда каким-нибудь образом перестанет держать крышку и он или кинется на нас, или просто убежит. Тогда уж никто не поверит, что мы поймали волка.

— Вот что, — крикнул мне Коля, — неси из кухни лом! Мы припрём крышку, а затем крепко-накрепко начнём заколачивать её гвоздями.

Заколачивать крышку бочки, в которой рычит волк, было страшновато. Но Таня... Я ещё больше полюбил в этот день мою сестрёнку!

Она подавала гвозди и успокаивала:

— Ты посмотри, какие обручи на бочке! Он забился сейчас в глубь бочки. Вбивай не торопясь... Он нас боится больше, чем мы его.

Губки Танечки были бледными. Они дрожали, как и голос, как и руки, подававшие гвозди, но она вселяла уверенность. Не заколотив ещё всех гвоздей, мы слышали насмешливые голоса:

— Волка поймали?

— Заколачиваете, чтобы не убежал?

И Таня ответила ребятам:

— Да! И очень большого!

Ответила она так серьёзно, что все поверили. Некоторые из ребят приблизились к бочке, а другие дали дёру.

Вскоре пришли взрослые, в том числе охотники. Они наперебой друг другу пересказывали, как мы изловили бочкой волка.

В этот же день бочка с волком была погружена на сани. Волка поселили в глубоком сусеке хлебного амбара. Сусек затянули провололочной сеткой. Он жил там неделю или больше. Потом надоело его кормить, и он вскоре переселился в школу. Чучелом. Ему подобрали стеклянные глаза. Мы их выбирали сами. Они были точь-в-точь такими же, как в ту ночь, когда он, уходя от бочки, злобно сверкнул ими, покидая наш двор.

После этого мы ещё много раз настораживали нашу бочку, но, видимо, остальные волки были умнее или менее голодны. Ни один больше не заходил в бочку.

А чучело волка и по сей день стоит в школе. Меха только немного попортила моль, но его теперь посыпают нафталином.

ТЁМКА

По вечерам мы нередко проводили время в корабельном салоне, и бывалый моряк Сергей Сергеевич рассказывал нам презабавные истории. Вот что он рассказал однажды:

— Наш крейсер находился в учебном плавании. Был тихий летний день. Море — как зеркало. Хорошая видимость, только солнце слепило глаза вперёдсмотрящим.

Вперёдсмотрящими в этот час вахты были старший матрос Коробов и матрос Ванечкин. Зоркие моряки! Корабль ли какой появится на горизонте или шлюпка, обязательно первыми доложат по корабельному телефону на ходовой мостик. Даже если, допустим, ящик какой-нибудь плывёт — не упустят. И правильно. Мало ли в море случаев бывает — и безобидный ящик может плавающую мину прикрыть.

И вот, изволите ли видеть, вдруг старший матрос Коробов по полной форме докладывает:

— Товарищ командир, прямо по носу в семи

кабельтовых стиральное корыто, а в корыте кошка!

— Есть, — отвечает командир, — прямо по носу стиральное корыто, а в корыте кошка!

На ходовом мостике раздался дружный хохот. Приникли к биноклям. Точно: прямо по носу стиральное корыто, а в корыте кошка.

Корабль замедлил ход, затем остановился. Спустили шлюпку. Кстати, это входило в программу нашего учебного плавания. Отрабатывали исполнение команды: «Человек за бортом».

Вскоре и корыто и кошка по всем правилам спасания на водах были подняты вместе с матросами и шлюпкой на палубу. Рыжий кот обрадовался кораблю, как берегу.

Начались догадки:

— Откуда? Как? Почему кот очутился в корыте?

Строились самые различные предположения. Может быть, мальчишки созорничали и пустили несчастного кота в плавание? Вернее всего, что это именно так и было. Но какие мальчишки? Стали исследовать, в какой стране делаются такие корыта. Мнения раскололись, «национальная принадлежность» корыта так и не была определена. А спасённого пловца определили в боцманскую команду и назвали Тёмкой — в память погибшего корабельного кота Тёмки.

Нового Тёмку для порядка поселили в клетку. На карантин. Мало ли... Может быть, больной, нарочно кем-то заражённый кот. На корабле во всём необходимы предосторожности.

Через неделю корабельные медики нашли Тёмку совершенно здоровым, и он перешёл на постоянное место жительства в боцманскую каюту.

Животное оказалось ласковым, общительным; от него пахло домом, берегом. Всякая кошка напоминает семью, детство.

Полюбили Тёмку. Приучили Тёмку бегать по команде за обедом и ужином в камбуз. Зазвучит горн на обед, скажет корабельное радио: «Команде обедать!» — смотришь, Тёмка хвост трубой — и в камбуз, к своей миске.

Прижился кот на корабле, но вскоре заметили, что кот хиреет, избегает ступать по корабельной палубе. И снова заговорили, что второй Тёмка, как и первый, как, впрочем, и все кошки, — не жилец на корабле. Электрики объясняли это тем, что на нежные подошвы-подушечки кошачьих лап действуют электрические токи палубы. Находясь длительное время под действием этих токов, кошки гибнут.

— Железная палуба для кошек, — объяснил боцман, — как бы электрический стул замедленного действия.

Так это или нет — с боцманом не спорили, только Тёмку хотелось сбегать всем, начиная от командира. Не для того же спасли, чтобы погубить!

И вот, изволите ли видеть, однажды корабельный сапожник, старшина первой статьи Ожигов, доложил командиру:

— Разрешите, товарищ командир, сшить Тёмочке предохранительные сапоги!

Это сначала рассмешило командира, а потом он сказал:

— Будет ли только кот в сапогах ходить? Он ведь не сказочный, а настоящий.

Корабельный сапожник на это ответил:

— Товарищ командир, если сапожки ему сшить лёгонькие, с шёлковой шнуровочкой, с завязочками, куда тогда коту деваться? Будет в сапогах ходить. А чтобы сапоги не скользили, подошвы из губчатой резины приспособим. Они и от электричества его лапки предохранят.

Весть о сапогах для кота облетела все кубрики. Всем тоже показалась очень смешной затея Ожигова. Но в смехе моряков сквозило сочувствие. Всем им хотелось видеть кота в сапогах и верить, что сапоги спасут ему жизнь.

В сапожную мастерскую то и дело забегали матросы, старшины и офицеры крейсера.

Терпеливо корабельный сапожник, старшина первой статьи Ожигов, снимал мерку, искал форму сапога, искал способы, чтобы Тёмка не сбросил сапоги, не стащил их зубами. Все давали советы, вносили предложения, исправления...

И вот настал день примерки красных сафьяновых сапожков на шёлковой шнуровке. Кот упирался. Мяукал. Вырывался. И его уговаривали:

— Тёмочка, голубчик, тебе жизнь спасают!.. Привыкнешь, дураша!

Наконец кота обули. Пустили по палубе. Тёмка ни за что не хотел становиться на ноги. Валялся. Стаскивал сапоги. Да куда там!..

Вечером кота разували, утром обували. С каждым днём кот сопротивлялся всё меньше и меньше. Увереннее ходил по палубе, изредка трясся то одной, то другой лапой, словно желая сбросить сапог.

Вскоре стали замечать, что у Тёмки появился аппетит. Нашлись в медицинской службе радители, которые взвешивали кота. Докладывали командиру о прибавке веса.

Кот теперь довольно быстро бегал даже по трапам. Ему только не хватало одного — когтей. Когти были спрятаны в сапоги. Ожигов, раздумывая над этим, внёс усовершенствование: он проделал в сапогах отверстия для выпуска кошачьих коготков. Кот после этого почувствовал себя куда увереннее.

За жизнь Тёмки уже никто не беспокоился. К нему так привыкли, что даже перестали замечать. Но как-то Тёмка напомнил о себе и привлёк всеобщее внимание.

Однажды Тёмку забыли обути. Было не до кота — готовились к большому походу. Голодный, забытый кот терпеливо сидел в кубрике до обеда. Но когда послышалось в репродукторе: «Команде обедать!» — раздался дикий кошачий рёв. Кот требовал сапоги. Он ни за что не хотел отправиться в камбуз «босым» по длинной железной палубе. И как только Тёмку обули, он стремглав бросился к коку, где его давно ожидал остывший обед.

Время шло. Тёмка стал большим, разжиревшим, толстомордым котом. Он стал медлитель-

нее в движениях, важно следовал по палубе в своих сафьяновых сапогах, будто кичась своей красивой обувью.

ШЕСТОЙ МАЛАХАЙ

Мне было тогда лет семнадцать. Я служил в заготовительной конторе разъездным. Это была должность «человека верхом». Куда пошлют, туда и едешь. Что поручат, то и выполняешь.

Как-то ранней весной меня послали на Копылуху, где выпасались табуны нашей конторы. Я поскакал туда с большой радостью. Там у меня был друг Кусаин, и я всегда останавливался у него в юрте.

Перед казахскими юртами нередко можно было встретить лисёнка, привязанного к колу. Делалось это так: вбивали в землю кол, на кол надевали скользящее кольцо с ушком, к ушку привязывали цепь, а на цепь сажали лисёнка в ошейнике. Лисёнок бегал вокруг кола. Скользящее кольцо не позволяло ему запутываться. С лисёнком играли дети, кормили его, ухаживали за ним. К зиме лисёнок становился лисой, а затем — малахаем, особой казахской шапкой, напоминающей треух.

Приехав к Кусаину, я увидел большую красивую лису, привязанную к колу. Она, развалившись, кормила пятерых лисят. Лисята не были привязаны.

— Добыл всю семью, кроме отца, — сказал Кусаин.

— Как же они не убегают? — спросил я у него.

— Куда им бежать? — ответил тот. — Зачем бежать им от матери? Как они будут жить? Кто их будет кормить? Маленькие. Плохо бегают. Охотиться не могут. А тут им хорошо. И мне хорошо: вырастут — шесть малахаев будет.

Пока я жил у Кусаина, всё свободное время отдавал лисе и её детям. Кусаин вырыл неподалёку от кола нору и застлал её шерстью. Лису кормили сырым мясом и потрохами. Лисят подкармливали кобыльим молоком. Лиса временами забывала о неволе. Она радовалась вместе с резвящимися лисятами, тщательно вылизывала их, играла с ними и покорно растягивалась у норы, когда приходило время кормить своих крошек.

Лиса — трудно приручаемый зверь. Шумы и голоса людей пугали её, дым и огонь костра страшили её. Соседство собаки — опасное соседство. Но у неё дети, она мать. Чувство материнства заставило лису примириться со всем. Оно сильнее страха. Оно заставило её забыть о цепи и опшейнике — о неволе.

Иногда лису выводили на прогулку. Это делал сын Кусаина. Он надвязывал цепь и бежал с лисой по степи. Лисята бежали следом. Лиса, туго натягивая цепь, стремилась в глубь степи — подальше от жилья, от чужих запахов, в родные просторы. И каждая такая прогулка ей,

наверное, казалась началом освобождения. Но напрасно: цепь возвращала её. Мы поворачивали назад. И лиса теперь не стремилась бежать первой. Она плелась за нами, понутив голову. Плелась к ненавистному колу, в ненастоящую, выкопанную человеком нору. А лисята ничего не понимали. Они бежали, перегоняя один другого, завязывая дорогой безобидную грызню...

Завершив дела, я уехал к себе. После этого я не был у Кусаина несколько месяцев. А поздней осенью меня снова послали на Копылуху. Погода стояла отвратительная. Тучи ползли над степью так низко, что, казалось, их можно было хлестнуть плёткой, если чуточку приподняться на стременах.

И вот я приехал. И, конечно, сразу же к Кусаину. И тотчас же спросил о лисе.

— Посмотри, — сказал он. — Посмотри...

Не расседывая лошади, я побежал к лисьему колу, за юрту. Там я увидел неподвижно сидящую лису. Её исхудавшая острая морда стала вытянутой и тонкой. Лиса напряжённо смотрела в степь. Её скулы нервно вздрагивали. Она не обратила на меня никакого внимания. Изредка устало и медленно мигая, лиса не переставая вглядывалась в даль, будто желая кого-то увидеть сквозь мглистую пелену.

У норы лежали куски мяса. Она не прикоснулась к ним.

— Они той ночью бросили её... — грустно сказал Кусаин. — Зачем им теперь мать? Она выкормила своих детей. Она им дала всё. Ост-

рые белые зубы. Тёплую рыжую шубу. Быстрые ноги. Крепкие кости. Горячую кровь. Зачем им теперь старая лиса?

Наверное, в детстве мне довелось много слышать слезливых сказок, и они научили меня жалеть даже сломанное дерево... Мне безумно было жаль лису. Лису, так заботливо и так нежно воспитавшую в страхе и неволе, рядом с шумным и дымным жильём человека, пятерых лисят. И они теперь оставили свою заботливую мать наедине с ненавистным колом. Они покинули её тёмной осенней ночью, когда все спали, и ни выстрелы, ни собаки их не могли догнать. Это была хитрость. Хитрость, которую, как и свою жизнь, они тоже получили от матери.

Для зверей всё это вполне законно. Но человек и зверя хочет видеть лучшим, чем он есть на самом деле. Так уж устроены благородные человеческие глаза.

— Она звала их, — сообщил мне Кусаин. — Очень жалобно звала. Она вчера лаяла на всю степь. Как по мёртвым... Жалко. Очень жалко. Большой убыток. Пять малахаев убежали...

А потом Кусаин посмотрел на меня и умолк. Что-то вдруг изменило мысли моего степного друга. Может быть, моё молчание. Ведь мы с ним обменивались не только подарками, но и добрыми чувствами. Постояв минутку потупившись, он направился к лисе.

— Если пропали пять малахаев, пусть пропадёт шестой. У меня каждый раз будет болеть голова, когда я надену шкуру такой несчастной

лисы. У всякого свой головной боль, — сказал он, хорошо говоривший по-русски, нарочито коверкая слова, будто высмеивая этим свой явно не охотничий поступок.

Сказав так, он снял с лисы ошейник и крикнул на неё. Лиса не убегала. Тогда он пронзительно свистнул. Лиса сжалась и кинулась в нору подле кола.

— Уже не верит в свободу, — сказал он. — Не верит, что мы с тобой немножечко смешные люди.

Утром нора оказалась пустой, и Кусаин, входя в юрту, сказал:

— Вставай. Чай пить будем. Шестой малахай убежал искать свои пять малахаев. Она их найдёт, обязательно найдёт. Найдёт и скажет: «Эх вы... эти самые...» А может быть, промолчит? Простит? Она ведь мать.

БАЛКУНЧИК

В Крыму, между посёлками Планерское и Щebetовка, перегородили плотиной сырую балку, и получился отличный ставок.

Прослышав, что в этом водоёме водится рыбёшка, мы отправились попытать счастья. Беседуя о том о сём, и конечно, о крупной рыбе, мы дошли до ставка.

Тишина. Ни души.

Вдруг в кустах мелькнула чья-то полосатая тельняшка.

— Здравствуйте, товарищ капитан! — окликнул мой спутник паренька лет двенадцати.

— Здравствуйте, — ответил тот.

Познакомились. Отрекомендовались друг другу. Он назвался временным помощником пастуха.

— В каникулы дяде помогаю скот пасти да вот рыбачу.

— И удачно? — спросил мой товарищ.

— Ещё бы! Тут рыбу не переловишь.

— А какая здесь рыба? — спросил я.

— Балкунчики, — ответил он.

— Балкунчики? — переспросил я.

— Да. Жирные-прежирные балкуны. Даже на чистой воде жарить можно.

Мы переглянулись. Ни один из нас не только не видал рыбы с таким названием, но и не слышал о ней. А сознаваться не хотелось — рыбачья гордость не позволяла. Тогда мы пошли в обход.

Мой товарищ спросил:

— Крупные балкуны попадаютсся?

— Не очень. Зато помногу. Сейчас увидите. Я вершу вытаскивать буду.

Тут наш новый знакомый запустил руку по самую шею в воду и добыл конец бечевы, к которой, как оказалось, была привязана верша.

— Теперь смотрите! — крикнул он и рывком вытащил вершу, сооружённую из проволоки и мелкой металлической сетки.

В верше кишмя кишела рыба. Мы увидели самых обыкновенных карасей.

— Это и есть балкунчики? — спросил мой товарищ.

— Ну конечно! — с гордостью ответил удачливый рыбак, выбирая из верши рыбу.

Крупных карасей мальчик клал в холщовую торбочку, а мелочь — в ведро с водой.

— Это же караси! — сказали мы в один голос. — Это же самые обыкновенные караси.

— Не-ет... — возразил, улыбаясь, мальчик. — В других ставках караси — это караси. А это — балкунчики.

— Да почему же, — спросил мой товарищ, — они так называются?

И мальчик ответил:

— По дедушке Балкуну. Он умер тем летом. А в пятьдесят третьем году дедушка Балкун в ведре пятнадцать икряных карасей принёс. Золотых. И пустил сюда, в ставок. От тех карасей и стали нарождаться балкунчики. Тысячами пошли. Успевай только закидывать... На удочку с того берега балкуны хорошо клюют. Вечером. Без тридцати штук не уйдёте.

Разговаривая с нами, мальчик погрузил вершу, деловито спрятав конец бечевы на дно и стал объяснять свой уход.

— Как бы не заснули они, — указал он на ведро с мелочью. — Их мне через две горы нужно пронести... А красные черви у вас есть? — спросил он, уходя.

— Есть, — ответил я и спросил: — А зачем тебе нужно эту мелочь за две горы нести?

— Как — зачем? Наши ребята взялись пятьсот балкунов переселить в новый пруд. Триста с чем-то уже переселили, да здесь их штук сорок.

Значит, только сто шестьдесят останется... Ну, я пошёл, а то уже один балкунчик перевернулся. Ничего, отойдёт. Они живучие...

Мальчик, махнув нам рукой, скрылся.

Вскоре я увидел его легко взбирающимся на горушку. Он нёс ведро поочерёдно то правой, то левой рукой.

Видимо, ведро, наполненное чуть не до краёв водой, было для него нелёгким грузом. Но он спешил. Ему хотелось как можно скорее поселить в новый пруд балкунью мелочь.

Поздно вечером мой товарищ возвращался с большим уловом балкунов.

И я, не прикоснувшись к удилице, тоже уносил своего так счастливо пойманного балкунчика, ставшего теперь этим рассказом.

Рассказом о старике, прославившем своё имя пятнадцатью карасями, бескорыстно пущенными в безымянный прудок для внуков и раздумья. Рассказом о маленьком заботливом наследнике, каких уже много у нас, очень много, и не только в Крыму...

ШАРИК И ТОРИК

Коля и Витя были хорошими ребятами. Они прилежно учились, весело отдыхали. Мальчики очень любили охоту.

Охотиться с ружьями им было ещё рановато, да и не под силу. Но ведь на охоту можно ходить и без ружья: силки, петли, ловушки, капканчи-

ки... Мало ли всяких охотничьих хитростей знают уральские мальчики!

Такие тугие луки натягивают да такие точные стрелы мастерят, что даже можно охотиться на белок. Ну, а если у охотника есть собака, тогда и голыми руками можно добыть зверька или птицу.

Уж кто-кто, а Коля и Витя знают, как хорошо охотиться с собакой. Поэтому-то они и решили обзавестись щенками.

Коле отец достал очень красивого щенка — стройного, подвижного. И не просто щенка, а с родословной, в которой назывались по именам все его предки: дедушки, бабушки. И у всех у них были золотые и серебряные медали, полученные на собачьих выставках. В этой же родословной было напечатано крупными буквами имя щенка: «ТОРИ».

Дорого заплатил Колин отец за породистого щенка. Стоил он этого. Да и Коля заслуживал такого подарка. Учился он хотя и не на круглые пятёрки, но троек тоже не получал. Да и потом, собака не для баловства покупалась, а для дела — для охоты.

И у Вити появился щенок. Без родословной. Конечно, у него была какая-то родословная, но её никто не знал, поэтому даже не могли назвать породы щенка. Щенок получил простое, незатейливое собачье имя: Шарик.

Вите немножечко было обидно, что Шарик — никто. Незвестный щенок. Зато он ничего не стоит, его просто отдали даром, потому

что у Вити была большая семья и его отцу труднее было купить дорогую собаку. Но отец, чтобы ободрить Витю, сказал:

— И даровые щенки хорошими собаками могут вырасти, если этого захотят их хозяева.

Витя, конечно, очень хотел, чтобы Шарик вырос хорошей собакой. И Шарик рос. Рос и с каждым месяцем становился смешнее. Неуклюжее.

И все над ним посмеивались, давали ему обидные прозвища. Называли его Пучеглазиком, Пучешариком, Пустолайчиком и даже просто-напросто тупой собачонкой.

А Тори рос красавцем, общим любимцем. Приятно было Коле пройтись по рабочему посёлку с такой собакой. Все называли щенка ласково: Торик. Школьники угощали Торику печеньем, сахаром и сулили ему славу знаменитого охотника.

Дома Торик жил в холе. Он спал на ватной подстилочке. Сёстры Коли мыли щенка в тёплой воде, мылили хорошим мылом, вытирали специально купленным для него махровым, пушистым полотенцем, затем расчёсывали. От этого мягкая шерсть собаки становилась ещё шелковистее и ещё более блестящей.

Такого ухода, разумеется, и вполонину не видел Шарик, спавший в холодных сенцах и полувачавший довольно простую пищу.

Любил ли его Витя?

Пожалуй, не очень. Витя жалел его. Жалел за всё: и за малый рост, и за жёсткую, кудлатую

шерсть непонятной окраски, и за короткие уши, которые нельзя было назвать ни стоячими, ни висячими. Жалел и за выпученные глаза, жалел и за хвост. Хвост был у Шарика крючком. А разве с такими хвостами бывают охотничьи собаки? Но ведь не прогонять же за это Шарика на улицу! Это нехорошо. Нужно было мириться и давать собаке необходимое собачье воспитание, заниматься с нею, приучать её к охотничьему делу. И Витя отдавал ей немало времени.

Коля и Витя теперь виделись редко. Нельзя сказать, что их поссорили собаки, но всё же водить на прогулку пучеглазого, косолапного Шарика рядом с таким осанистым Ториком стало неудобно. Шарик, идя с Ториком, выглядел ещё смешнее и страшнее. Даже у хороших, доброжелательных людей, видевших Шарика и Торику вместе, появлялась улыбка, и это причиняло большие страдания Вите. И, чего скрывать, он даже как-то раз всплакнул, обнимая Шарика:

— Ну зачем ты, Шарик, зачем ты становишься всё хуже и хуже? Даже новый кожаный ошейник не украшает тебя!

А Шарик в ответ на это поскуливал, лизал Витину руку, смотрел умильно и преданно в глаза своему хозяину и будто старался скрасить какой-то собачьей улыбкой свою удивительно некрасивую морду и от этого становился ещё некрасивее...

— Ничего, Витька, ничего! — ободрял отец сына. — Терпи! Поближе держись к своему

школьному товарищу. Подле его Торика и твой Пучеглазик на охоте поднатаскается. Привыкнет.

— Это верно, — утешал себя Витя. — Торик научит охотиться моего Шарика.

Друзья стали встречаться чаще.

И вот пришло время первой охоты с молодыми собаками.

Ребята вышли до света. Подойдя к лесу, они пустили собак.

Торик, освободившийся от поводка, показал такую резвость, что можно было забыть об охоте, любуясь его грациозными прыжками, кувырканиями, восторженным лаем. А Шарик, отпущенный на свободу, побежал как-то боком, опустив низко морду, будто он был близорук и рассматривал землю, тычась в неё носом.

Вскоре Торик вспугнул какую-то большую птицу. Может быть, это был тетерев. Птица с шумом взвилась и скрылась в лесу. Торик шаркнулся в сторону и залаял на дерево.

— Вот видишь, — сказал Коля, — уже нашёл дичь! Пойдём дальше.

Дальше была встреча с зайцем. Заяц бежал на Торика, а Торик и не заметил его.

— Что же ты, Торик? — крикнул Коля. — Ату его!

Тут Торик поджал хвост и в испуге кинулся прочь.

Коля смутился, а Витя ободрил его:

— Это ничего. Он ещё молоденький. Первый раз в лесу.

— Да, конечно, конечно, — согласился Коля и, оглянувшись на треск в кустах, увидел Шарика.

В зубах Шарика был заяц. Живой. Когда зайца отобрали у Шарика и положили в мешок, стали искать Торика. Вскоре его нашли, дрожащего, под елью.

Это была первая охота.

Вторая охота оказалась ещё интереснее. Шарик отыскал нору с лисятами. Торик отказался подойти к норе. Коля волочил его за ошейник, а он, упираясь лапами, всячески старался вырваться. И, вырвавшись, убежал. Убежал домой, на мягкую подстилочку, где он стал выкуливать у сестёр Коли еду. И те угостили своего любимца коржиками. А Лида, младшая Колина сестра, поделилась с милым Ториком своей конфеткой.

Лисята были подарены юннатам. Шарик стал известен не только в школе — о нём поговаривали и взрослые охотники. Хвалил Шарика даже токарь-карусельщик Иван Сергеевич Кожевников. Это был знаменитый охотник. Он первый назвал Шарика красавцем.

И в самом деле, с Шариком произошло что-то невероятное. Его морда, оставаясь той же, вдруг стала выглядеть красивее. Про выпученные глаза Шарика один старик охотник сказал:

— Глазастый пёс! Всё ему видеть хочется, даже глаза из него выскочить норовят.

Новые успехи Шарика приносили ему новую

славу. После первых заморозков Шарик выследил и добыл выдру. Коля махнул рукой на своего Торику и отдал его сёстрам.

Вскоре Торику потребовали на собачью выставку. Туда свозили породистых собак со всей области. Торик там получил золотую медаль — за рост, за вес, за ширину груди, за цвет шерсти, за длину ушей и лап, за удивительную красоту сложения, равного которому не знали даже опытные, образованные собаководы.

А Шарик за это время добыл ещё одну выдру и разведаль две лисьи норы. С ним теперь и охотились два неразлучных друга — Коля и Витя. Коля был убеждён, что Шарик принадлежит к какой-то неизвестной собаководам, но очень знаменитой породе собак. А Витя не думал так, потому что он знал, каких трудов ему стоило обучить охоте простую собаку с простой уральской кличкой Шарик.

Торику купили на выставке за большие деньги, а затем увезли в питомник, в Москву. Вскоре, наверно, появятся прекрасные щенки. И, наверно, они станут отличными охотниками, если их будут обучать так же прилежно, как это делал Витя. А может быть, из этих щенков вырастут такие же красивые баловни, бездельники, каким остался в памяти ребят уральского рабочего посёлка изнеженный красавец Тори...

То, что я расскажу, кому-то из вас может показаться сказкой. А это правда. Самая настоящая правда, и она так прекрасна и так, я бы сказал, волшебна, что и мне самому кажется сказкой. Но это ничего не изменяет... Вы уж сами решите, что это... Да и не всё ли равно что... Разве роза перестанет пахнуть, если её назовут просто цветком...

В одной средней школе, которая называлась народной гимназией, потому что она находилась не в очень буржуазной стране, хотя и не в такой, которую можно было назвать вполне демократической, училась девочка по имени Лиззи. Её многие считали самой доброй. Самой внимательной. И это подтверждалось всем, всеми поступками девочки. Она была очень приветлива и щедра. Всегда угощала всех, чем только могла. Очень часто она дарила приятные вещички... Пустяки, но всё же приятные.

Разве не заманчиво получить незатейливый карандашик, редкий значок, даже просто яркую ленточку... А иногда она делала и более дорогие подарки. Например, одной девочке Лиззи подарила почти новые туфли. Подарила, потому что они стали ей малы. Другой она подарила тоже почти новое платье. Оно тоже оказалось мало Лиззи.

Так она поступала очень часто. Некоторые от неё получали билеты в театр, в цирк... А иногда она помогала деньгами... Потому что

в этой стране ещё были очень нуждающиеся дети.

Среди них особенно нуждалась Мери. Она была сиротой и воспитывалась у тётки, которая так трудно зарабатывала на самое необходимое.

Мери тоже называли доброй. Но только называли, ничем не подтверждая это. Да и трудно было подтвердить её доброту. Мери не могла даже поделиться завтраком, потому что он бывал так скуден, что ей едва хватало его. Дарить она могла только свои приветливые улыбки. Могла принять участие в беде. Помочь чьей-то больной матери. Могла только то, что могла... А могла она не так много и не так заметно.

Как-то за что-то, кажется за участие в празднике или торжестве, гимназией были получены пять приглашений в Артек.

Приглашения были розданы пяти классам, которые должны были сами назвать того, кто поедет в Артек.

В классе, о котором я рассказываю, решили присудить пригласительный билет самой доброй девочке. Так решили, и всё. И когда решили, то стало ясно, что в Москву поедет Лиззи. Но для того чтобы она поехала, необходимо было голосование класса. И не простое, а тайное.

В классе нашлись пять или шесть школьников, которые настаивали: в Артек должна поехать только Мери.

Споры отложили до общего собрания класса, до дня тайного голосования. В этот день вспых-

нули жаркие схватки, и когда страсти разгорелись, кто-то предложил прочитать свою поэму очень скромному юному сочинителю по прозвищу Мурлыка. Так прозвали его потому, что он как-то слишком нараспев, будто мурлыкая, читал свои стихи.

И вот он выступил. Выступил, на этот раз вовсе не мурлыкая. Он как-то особенно чеканно читал свою маленькую поэму.

Поэма называлась «Щедрая принцесса». Уже само её название заставило насторожиться класс. Когда же поэма зазвучала, все замерли. Замерли, потому что в ней рассказывалось очень неожиданное и очень правдивое о щедротах некой принцессы. И хотя её щедроты были весьма завидными и приятными, всё же они, да и она сама, производили какое-то мало украшающее принцессу впечатление. И в её добрых делах, в каждом благодеянии чувствовалось, что принцесса поступает так не потому, что она добра, а потому, что ей хотелось выглядеть доброй. А потом оказалось, что ей не просто хотелось, а необходимо было выглядеть доброй. К тому же она была очень богата, и ей ничего не стоило кому-то подарить колечко, кому-то нарядные башмачки, а кому-то и золотую монету.

Юный поэт ни полусловом не обмолвился о Лиззи.

Мурлыка, читая, даже не взглянул на Лиззи. Напротив, он ей очень низко поклонился, когда она благодарила его за прекрасную поэму.

Председатель классного собрания предложил голосовать. Были розданы по числу школьников класса тридцать девять листочков для голосования. И тут же голосование началось. Когда листочки были опущены в урну, их предложили прочитать вслух Мери.

Мери подошла к столу и громко прочитала первый листочек. На нём крупно было написано имя: «Лиззи». На втором листке Мери замешкалась и отложила его. Зато третий — громко и радостно был прочитан: «Лиззи!» Четвёртый, за ним пятый и шестой листочки Мери отложила.

— Мери, ты не оправдываешь нашего доверия, — сказал председательствующий и принялся читать и, читая, показывать листки.

С каждым новым листком нарастало ликование. Оно перешло в крики восторга. Началось вскакивание с мест.

Когда же дочитывался последний, тридцать девятый, листок, на котором, как и на тридцати семи, было написано имя Мери, началось невообразимое.

Побледневшую Мери бросились обнимать, целовать. Обнимала её и поздравляла Лиззи, она громко сказала:

— Но всё же нашлись из тридцати девяти двое, которые не оценили тебя, самая добрая из всех нас... Я представляю, — не умолкала Лиззи, — какой была бы ты, если б у тебя были другие возможности... Как стыдно должно быть тем двум, кто не написал на своём листке твоё имя...

Вот тут-то юный стихотворец по прозвищу Мурлыка, предпочитавший правду всему остальному, сказал:

— Нет, Лиззи, стыдно должно быть не двум, а одному. Первому... извини, — первой не нужно стыдиться за то, что она написала твоё имя... Так могла поступить только Мери. Вторая же... Да, я думаю, не второй, а вторая написала на своём листке имя Лиззи, потому что она, как и моя принцесса, больше всего заботилась о себе...

Услышав это, Мери тут же постаралась смягчить сказанное Мурлыкой.

— Мне очень стыдно, — начала она, покрасневшись, — что вы так ошибаетесь во мне. И вовсе я никакая не добрая. Я бедная. А бедные вынуждены быть услужливыми и казаться добрыми...

— Это неправда... Ты наговариваешь на себя...

— Нет, — сказала Мери, кладя вручённое приглашение в Артек на стол. — Я не поеду. Я не должна ехать... И если даже должна, то у моей тётки маленький сынок. Его некому нянчить... И очень больна соседка... Без меня она не выживет...

Класс снова зашумел. И все снова бросились обнимать Мери:

— Ты поедешь! Ты поедешь! И маленький мальчик, и очень больная соседка не останутся без присмотра... Класс обещает тебе это, наша самая добрая Мери.

И Мери поехала. И класс сдержал своё обещание. Маленькому сыну тётки Мери жилось, как никогда, хорошо, как и выздоровевшей соседке, в дни, когда Мери была в Артеке.

Пусть всё это произошло не в очень демократической стране, такой она становилась всё более и более. Становилась потому, что в народе всегда побеждают и будут побеждать такие, как Мери, как юный стихотворец и похожие, хотя бы чем-то похожие на них.

И это правда! Самая счастливая неопровержимая волшебная правда!

О ВОЛШЕБНОМ ОШЕЙНИКЕ И СЕМИ ДРАКОНАХ

В одном большом доме жил чёрный мальчик и жил белый мальчик. Они очень любили друг друга.

Белый мальчик любил чёрного мальчика за верность и дружбу, за ум и храбрость. Он любил его и за оливковый цвет лоснящейся кожи, за белизну зубов и кудрявые волосы. Ему было всё мило и дорого в чёрном мальчике.

Чёрный мальчик любил белого мальчика за прямоту и доброе сердце, за смелость суждений и отвагу. Он любил золото его волос и синеву глаз. Глядя в них, чёрный мальчик видел себя полноправным мальчиком среди всех сверстников этого города, где равенство между людьми разного цвета кожи не признавалось. Поэтому

белый отец запретил своему сыну видаться с чёрным мальчиком.

Отец лишил его этой радости. А собаке белого мальчика было разрешено всё. Она могла когда ей вздумается встречаться с чёрным мальчиком и с лаем бросаться в его объятия. Она даже могла лизнуть его щёку.

Белый мальчик очень завидовал своей собаке. Он с грустью глядел из окна большого дома, когда та резвилась с его чёрным другом. Это было так мучительно и так несправедливо, что белый мальчик заболел. Его щеки осунулись. Он стал задумчив. Его мучила бессонница.

Созвали всех белых докторов города, но ни один из них не нашёл причину болезни. Они прописывали больному порошки и капли. Предписывали уколы и ванны, но мальчику не становилось лучше. Он не спал.

Тогда сказали, что нужно позвать чёрного доктора. Это был лучший доктор города. Ему удавалось вылечить даже тех, кто терял рассудок.

И белый отец послал за чёрным доктором.

— Хорошо, — сказал чёрный доктор, — я, может быть, сумею вылечить вашего мальчика, если вы не будете мешать моему лечению.

— Нет, — ответил отец белого мальчика, — мы не будем мешать. Мы готовы на всё, чтобы его спасти.

Чёрный доктор лечил по-своему. Он не прописывал порошков и капель. Он не предписывал уколов и ванн. Доктор разговаривал и шу-

тил с мальчиком, стараясь выяснить причину тяжёлой болезни. Разговаривая так о том, о другом и как будто ни о чём, доктор спросил однажды:

— А чего бы тебе хотелось больше всего на свете?

Мальчик испуганно окинул помутившимся взором комнату и, убедившись, что его никто не подслушивает, очень тихо, почти шёпотом, сказал:

— Доктор, мне хочется стать собакой!

Плохой доктор стал бы расспрашивать у больного, зачем и почему ему захотелось стать собакой. А это был хороший доктор: он знал, что лучшее лекарство для такого больного — исполнить его желание. Поэтому он так же тихо, чтобы никто не слышал, сказал:

— Очень хорошо! Я помогу тебе стать собакой, только умеешь ли ты лаять?

— Не очень хорошо, — ответил мальчик. — Но я учусь... И у меня уже получается. Послушайте... — И мальчик принялся лаять.

— Превосходно, — сказал доктор. — У тебя чудесный лай. Теперь тебе остаётся немного.

— А что? — спросил испуганно мальчик. — Научиться бегать на четвереньках? Извольте. Я могу!

И он стал изображать бегающую собаку, а потом, задумавшись, сказал:

— Но у меня не хватает хвоста...

— Это необязательно, — мягко утешил доктор. — Бывают и бесхвостые собаки. Тебе ну-

жен волшебный ошейник. И как только я надею его на твою шею, всем будет казаться, что ты та самая собака, какой тебе хочется стать.

Мальчик улыбнулся. Тут доктор погладил своей иссиня-чёрной рукой белый потный лоб мальчика и таинственно сообщил:

— Сегодня ночью я отправлюсь в ущелье семи драконов и отберу запертый под семью замками волшебный ошейник. Но, но...

— Что, доктор?

— Но чтобы я мог победить драконов, ты должен заставить себя спать. Спи же! — приказал доктор. — Спи!

— Я сейчас, — сказал мальчик, засыпая.

— Ему, кажется, лучше? Он спит? — спросила мать белого мальчика.

— Да! Ему, кажется, лучше! Будем надеяться, что я завтра сумею продолжить счастливо начатую сказку, а она нам подскажет, как правильнее продолжать волшебный курс лечения.

Так сказал доктор и направился в охотничий магазин.

Мальчик впервые спокойно спал. Дыхание его было ровным. Он улыбался кому-то во сне, изредка подскуливая по-щенячьи.

Доктор пришёл рано утром. В таком виде он никогда не появлялся. Рукав его пиджака был наполовину оторван, бровь забинтована, на щеке была пластырная наплёпка. Он вошёл, опираясь на костыль.

— Что с вами, доктор? — спросила мать белого мальчика.

— Мама! Доктор сражался с драконами, — сказал больной мальчик. — Оставь нас, мама, вдвоём.

Доктор подал знак, и мать покорно ушла.

— Они изувечили вас? — участливо спросил мальчик.

— Сущие пустяки, — ответил доктор. — Когда я свалил трёх драконов, то остальные четыре бросились на меня. Двое из них покусали мне ногу, третий хватил хвостом по лицу, а четвёртый — самый глупый — принялся мне отгрызать рукав. Тут я рассвирепел и стал избивать их тростью с тяжёлым серебряным набалдашником. И когда трое из четверых полегли, то последнего я решил добить калошей.

Мальчик ликовал. Его глаза стали яснее.

— Что же дальше, доктор?

— Дальше открылись семь замков, и я схватил волшебный ошейник. Вот он. Сейчас я надеваю его тебе на шею, и ты начнёшь превращаться в собаку.

На бледном лице мальчика проступил яркий румянец. Он был вне себя от радости, превращаясь в собаку. И когда пряжка ошейника была застёгнута, мальчик взвизгнул и пролаял:

— Гав! Гав!

А потом, спохватившись, спросил:

— А если папа узнает, что я его сын?

— Никогда! — твёрдо заявил чёрный доктор. — Даже я теперь в тебе не могу узнать мальчика. Беги и лай!

Тут белый мальчик прыгнул с постели и на

четвереньках побежал через малую гостиную и приёмную отца. Громко лая, он спустился по широкой лестнице и выбежал во двор.

— Гав-гав-гав! Вау-вау! — заливался он, подбегая к чёрному мальчику, бросаясь в его объятия.

Белый мальчик, оглядываясь на окна, боялся, что в нём обнаружат человека и снова вернут в дом. Поэтому он не поцеловал своего товарища, а лизнул в щёку и, подскуливая, сказал:

— Джони! Уведи меня на поводке в сад и не узнавай меня, пока на нас смотрят.

Джони так и сделал.

А в это время из окна смотрели трое: белый отец, белая мать и чёрный доктор.

Они молчали. Первым нарушил молчание отец:

— Доктор, скажите, сколько дней он должен оставаться собакой, чтобы окончательно вылечиться от этой душевной болезни?

— Я думаю, господин губернатор, — ответил доктор, — не более недели.

— Благодарю вас, — сказал губернатор, целуя иссиня-чёрную руку доктора. — Волшебная и целительная сила ошейника неоспорима. Только я не верю, доктор, что вами окончательно умерщвлены те семь драконов, с которыми вы сражались. Они, кажется, всё ещё шевелятся во мне. Нужна иная целительная сила, чтобы такие, как я, могли истребить их в своём сознании...

Тут белый губернатор припал к плечу чёрного доктора. Он рыдал на его плече счастливыми

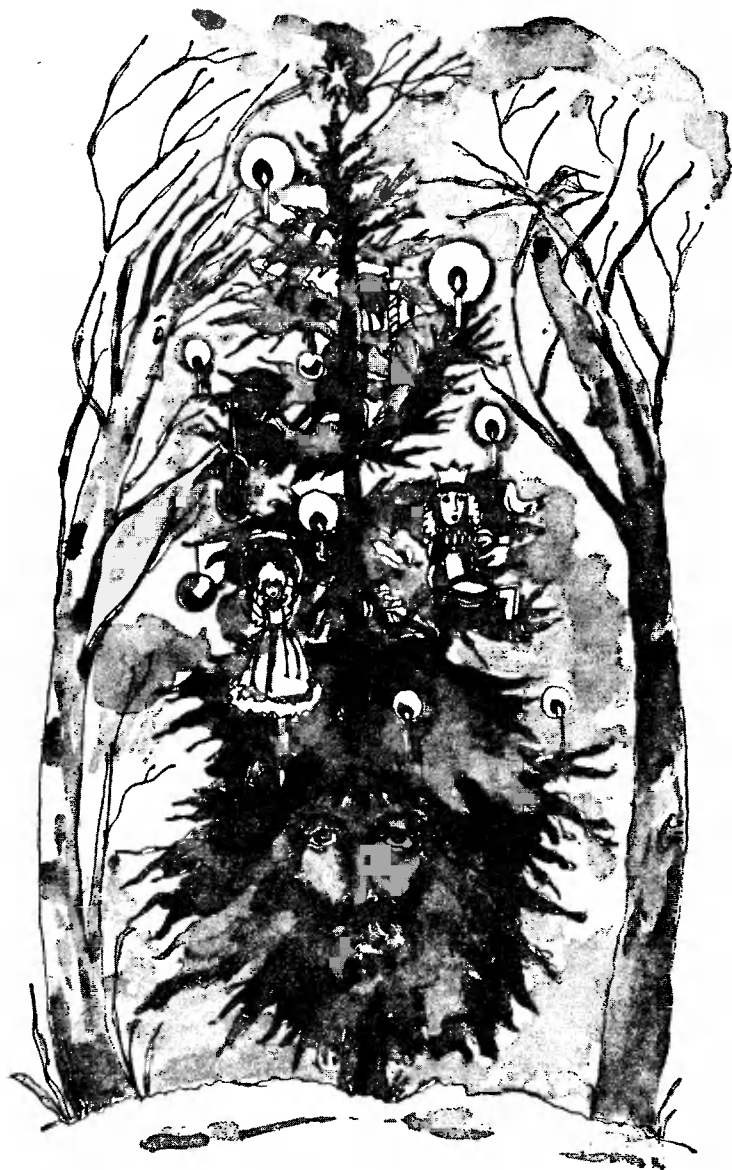
слезами раскаяния, но драконы от этого не переставали жалить его мозг.

Это были очень живучие и ядовитые драконы. Они жалят и поныне тысячи светлых голов и добрых сердец...



ВОЛШЕБНЫЕ ИСТОРИИ





ИГОЛКИНЫ БРАТЯ

Это случилось в давние-предавние времена, в далёкие-предалёкие годы. Тогда для людей многое было тайной. Даже то, что теперь известно и детям, которые ещё не научились читать.

Но всё же и в те давние-предавние времена, далёкие-предалёкие годы древние-предревные люди уже кое-что знали и кое-что могли делать своими руками. Например, каменные топоры, копья с каменными наконечниками. Они уже научились приручать диких животных, сушить и вялить плоды, ловить рыбу. Они подчинили себе огонь, который обогревал жилище и варил пищу. Они научились обжигать горшки и одеваться в шкуры животных.

Конечно, их жизни теперь не позавидовал бы никто. Однако и тогда были пытливые, думающие, побеждающие люди. Например, люди племени Не-До-Со.

Название племени Не-До-Со в переводе с недосокского языка на наш язык означает — недовольные собою люди. Неуспокоенность, стрем-

ление к поискам, открытиям люди племени Не-До-Со считали самым главным и самым дорогим в человеке.

Название племени Не-До-Со тогда заменяло множество понятий — смелость, мысль, находчивость, борьба, победа и многое другое, что в те бедные словами времена также объединялось тремя слогами — Не-До-Со.

За это люди племени Не-До-Со были уважаемы другими племенами, и многие старались походить на них. Потому что не кто-то, а настоячивые люди племени Не-До-Со придумали каменный топор, лук и стрелу для охоты, ямы для ловли опасных хищников и многое другое, что переняли потом все остальные.

Но племенем Не-До-Со восхищались не все. Некоторые находили законы Не-До-Со слишком беспокойными. Например, люди другого, довольно большого племени Ле-До-Со. Люди племени Ле-До-Со предпочитали как можно меньше двигаться, меньше работать, меньше думать. Ленъ, сладкий сон и жирная пища были для них самым прекрасным из самого прекрасного в жизни. Поэтому-то племя и называлось Ле-До-Со, что, как ты уже догадываешься, в переводе на наш язык означает — ленивые, довольные собою люди.

Люди племени Ле-До-Со прославляли довольство собой, довольство тем, что есть.

Сонливых и ленивых увальней из племени Ле-До-Со не уважали стремительные, всегда ищущие, вечно занятые труженики Не-До-Со,

но жили с ними мирными соседями, хотя и никогда не роднились. Да и не могло быть между ними родства. Кто бы из молодых людей племени Не-До-Со, будь то юноша или девушка, захотел соединить свою кипучую жизнь с вялой жизнью ленивца или засони из Ле-До-Со. Это было бы похоже на разжигание огня водой, на ускорение работы безделием, на обучение камня искусству плавания... Это было бы похоже на самое невозможное, что даже не мог представить себе самый мудрейший из всех мудрейших мудрецов Не-До-Со или увидеть во сне самый сонливейший из всех сонливейших засонь Ле-До-Со. Однако же...

Однако же в жизни, а тем более в сказке, случается всякое.

В племени Не-До-Со подрастала девушка, удивлявшая своей пытливостью и настойчивостью всех от мала до велика. Будучи кровной дочерью племени Не-До-Со, она была недовольна одеждой из грубых шкур животных и, обеспокоенная своим недовольством, прославила родное племя Не-До-Со новым великим открытием. Даже двумя.

Первое из них состояло в том, что из шерсти некоторых животных девушка научилась скручивать нити. Тонкие крепкие нити. На это в племени вначале никто не обратил внимания. Потому что нити скручивали и раньше из волокон растений и жил зверей. Правда, это были не нити, а скорее жгуты, получившие впоследствии название веревок и канатов. Но вскоре тон-

кие нити обратили внимание людей не одного лишь племени Не-До-Со, но и других.

Тонкие нити обратили на себя внимание тотчас же, как искусные пальцы девушек научились их переплетать между собой так, что получалась ткань.

И когда на свете появился первый кусок ткани, то старейшие из старейших старейшин племени Не-До-Со увидели в этом куске будущую одежду. И ловкие из самых ловких рук, настойчивые из самых настойчивых умов, пытливые из самых пытливых людей племени стали искать помощников умелым пальцам девушки, чтобы скорее и лучше превращать тонкие нитки в плотную ткань.

И вот многое было сделано, и появилось ткани столько, что из неё уже можно было шить первое платье. И, конечно, это первое в мире платье должна была надеть девушка, открывшая людям величайшее искусство превращения ниток в ткань. И она, как решило племя, надеет новый, невиданный до этого наряд в день своей свадьбы.

Теперь очень многие старались понравиться девушке. Понравиться не только потому, что её мудрейшие из мудрейших мудрецы увенчали почётным венком племени Не-До-Со. Нет, не только поэтому. Девушка была красива. Красива настолько, что самый сонливейший из всех сонливых засонь и ленивейший из самых ленивых лентяев племени Ле-До-Со не мог теперь спать даже ночью.

И это бы ещё ничего. Мало ли кто и благодаря чему не спит. Нельзя же обращать внимание на всякую бессонницу, особенно людям из племени Не-До-Со. Однако же...

Однако же девушка, научившая людей превращать нити в ткани, вдруг ни с того ни с сего стала спать гораздо больше, чем кто-либо в её племени Не-До-Со. И это повергло всех в отчаяние. И все принялись искать причину презренной сонливости, чуждой беспокойным людям.

А отгадка оказалась очень простой. Девушке было приятно спать потому, что она видела во сне потерявшего сон юношу из племени Ле-До-Со. Когда же она стала видаться с ним и наяву, то содрогнулись даже камни. А после того как юноша из племени Ле-До-Со, набравшись смелости, преподнёс девушке свадебный подарок — большую иголку из рыбьей кости, люди племени Не-До-Со чуть было не взялись за копья и стрелы. Потому что трудно было представить что-либо более оскорбительное, нежели сватовство сонливейшего из всех засонь и ленивейшего из самых ленивых племени Ле-До-Со. Однако же...

Однако же хитрейший из всех хитрейших хитрецов Не-До-Со нашёл уловку для того, чтобы, избегнув кровавой расправы, отвадить не прошенного жениха. Он сказал, что ничтожной иглой из рыбьей кости оскорбительно шить свадебный наряд знатной невесте.

Хитрейший из всех хитрейших хитрецов напомнил, что такие иглы годны для сшивания

шкур жилами животных, но не прекраснейшей ткани из тонких нитей.

Жениху посоветовали подарить невесте более достойную иглу. И юноша, поклонившись, ушёл. Ушёл, надеясь вернуться с новой иглой.

Решив так, он долго искал материал, из которого можно сделать тонкую, достойную платя невесты иглу. Он переловил множество рыб, вступал в единоборство с сильнейшими из зверей в поисках такой кости, из которой бы можно было сделать невиданно тонкую иглу.

Племя Ле-До-Со обжиралось рыбой и мясом животных, добытых сыном своего племени, а кость не находилась. И, наконец, он подстерёг огромнейшего из самых огромных мамонтов и добыл крепчайшую из всех крепчайших костей, а затем сделал из неё иглу. Сделал и принёс невесте.

Это была очень хорошая, тонкая и острая игла. Люди племени Не-До-Со куда ласковее приняли настойчивого жениха. Они по заслугам оценили его упорство и поиски. Девушка наградила добрым взглядом возлюбленного. Но всё же хитрейший из всех хитрейших хитрецов племени недовольных сказал, что хотя игла достаточно тонка и остра, но она слишком ломка.

И юноша снова отправился на поиски. Он перебрал твердейшие из камней, гибчайшие из корней и сделал из них несколько пригоршней превосходных игл, каких не знавали в племени Не-До-Со. Однако же...

Однако же хитрейший из хитрейших хитрецов каждый раз находил изъяны в иглах, хотя и всё больше восторгался упорством юноши из племени Ле-До-Со, считая его более достойным женихом среди множества других. Но старик не мог победить в себе прирождённое недовольство и снова посоветовал искать лучший материал для иглы, которая будет достойна спить свадебный наряд.

И тогда юноша отправился в дальнюю страну таинственных гор. В эту страну не отваживались ходить даже самые бесстрашные и самые пытливые сыны племени Не-До-Со.

Среди этих гор одни дышали огнём. Из них извергалось пламя и выбрасывались раскалённые камни, текли горящие реки. В другие горы небеса метали огненные стрелы, и стрелы были так горячи, что расплавляли камень.

Поселившись в стране таинственных гор, юноша заметил, что текущие из них огненные реки, остывая, отвердевают каким-то новым, неизвестным материалом, который ни на что не пригоден. Но всё же находились такие камни, которые не были похожи на своих собратьев. Их можно было плющить, вытягивать из них полосы.

Особенно хороши были эти неизвестные камни на тех горах, куда небеса метали свои огненные стрелы.

Это было очень страшно. Но любовь сильнее страха. И влюблённый решил подползти к вершине горы, когда свирепствовали громовые не-

беса и огненные стрелы били в торчащие пики горы. И юноша увидел, как огненные стрелы, целясь в неизвестные ему бурые камни, заставляли слезиться их светящимися каплями. И эти раскалённые капли можно было плющить, мять, вытягивать, как капли смолы.

Но смола оставалась смолой. А этот неизвестный материал, остынув, становился твёрже и тяжелее камня. Из него можно было сделать иголку. И она была сделана. Иголлка оказалась тонка, крепка, остра и гибка. Теперь юноша уже мог вернуться и удивить людей племени Не-До-Со чудесной иголкой.

Но разве дело в одной игле? Влюблённый хотел большего. Влюблённый хотел назваться не только мужем дочери племени Не-До-Со, но сыном и братом настойчивых, неуспокоенных, недовольных людей, открывающих новое, лучшее, счастливое. Юноша почувствовал в себе недовольство малой иглой.

Прошло много дней и много ночей. Были грозы и бури. И каждый раз небо выбалтывало тайну рождения нового материала, равного которому ещё не знал ни один человек на земле.

И настал день, пришёл час, когда юноша, исхудавший, усталый и очень счастливый, вернулся родным сыном племени Не-До-Со.

Он подал иголку хитрейшему из хитрецов и посоветовал не прибегать больше к хитрости, потому что даже мудрейший из всех мудрейших мудрецов не назовёт материала, из которого сделана новая игла.

И пока шился свадебный наряд невесты, жених рассказал о таинственных горах и показал людям, как можно из бурого камня выплавлять огнём чудеснейший из всех самых чудесных материалов и делать из него не одни лишь тончайшие иголки, но и острейшие топоры, зубастые пилы, крепчайшие свёрла и многое, очень многое другое, что нельзя сделать из дерева, камня и кости.

И всё племя мудрых, пытливых, ищущих, настойчивых, трудолюбивых людей, увенчивая чело жениха венком признания, назвало его своим прославленным сыном. А мудрейший из мудрейших мудрецов племени Не-До-Со сказал:

— Как бы ни называлось то многое, что будет делаться из материала, ещё не получившего названия, все эти вещи, изделия, инструменты навсегда сохраняют имя иголкиных братьев.

И он не ошибся.

Прошли годы, века, тысячелетия. Новый материал, из которого была сделана счастливая иголка, каждый народ назвал по-своему. Наш народ дал этому материалу звонкое имя — металл.

Теперь этого важнейшего материала выплавляется столько, что самый недовольнейший из всех недовольных племени Не-До-Со не поверил бы своим собственным глазам, увидев клокочащие озёра чугуна в плавильных печах, искрящиеся стальные реки сваренной стали. И даже

самый настойчивый из всех настойчивых людей Не-До-Со не сумел бы пересчитать сестёр и братьев первой иголки.

Да сумеешь ли пересчитать и ты её металлическую родню? Разве это только топоры, пилы, ножи, ножницы, вилки, коньки, скобки дверей, гвозди, шурупы, писчие перья?.. Разве её родня только то, что первое приходит нам в голову?

А не бегут ли иголкины братья и сестры могучими локомотивами по железным дорогам; не разрезают ли глади морей, став огромными судами; не поднимаются ли ввысь быстрокрылыми самолётами; не вырабатывают ли нам электрический свет; не помогают ли они нам ткать, копоть, шить, пахать, убирать урожай? И делать всё, что делали некогда только руками. Разве заменившие теперь руки машины и станки не кровные иголкины братья и сёстры?

Едва ли найдётся такая книга, такой художник, который сумеет нарисовать хотя бы десятую долю иголкиных родственников. Какой же счастливой оказалась игла, породившая любовь, и как прекрасна любовь, породившая настойчивость, неуспокоенность, пытливость людей, открывших новый материал!

И об этом прекрасном материале написано сказок едва ли не больше, чем у иголки братьев.

Вот ещё одна...

О ПРИНЦЕ В ГОЛУБОЙ КОРОНЕ

(Сказ про Газ)

Присказка

Когда-то на земле не существовало ни городов, ни сёл, не было даже землянок, и Человек жил немногим лучше зверя.

Всё окружающее было недружелюбно к Человеку.

Негостеприимные леса старались не пропустить в глубь своего зелёного царства. Вода преграждала Человеку дорогу, угрожая поглотить его и похоронить на речном дне. Дожди и град секли Человека, скудно прикрытого шкурой зверя.

Всё было против Человека — даже ночь. Окутывая мраком землю, она помогала зверям нападать на людей. Но самый страшный и самый непонятный враг был Огонь.

Это жёлтое чудо, возникая неизвестно откуда, страшило Человека своим колдовским умением превращать леса в золу и пепел. Человек в ужасе убегал от Огня. Огонь для Человека был тайной.

Человек знал, что дождь проливается тотчас, как небо заволакивается тёмной пеленой туч. Он видел, что реки — дочери дождя — полнились после ливней. А вот Огонь...

Огонь очень долго оставался загадкой. Но пришло время, и Человек распознал, как можно укротить давнего врага.

Человек подошёл к горящему дереву и сказал Огню:

— Я тебя больше не боюсь... И ты будешь служить мне. Я приручу тебя!

— Остерегись! — предупредил Огонь. — Я никогда и никому не служил. Все боятся меня. Со мной шутки плохи. Я могу тебя сжечь, Человек, и превратить в пепел.

— Не хвались! — крикнул Огню Человек. — У меня есть друг, который живо утихомирит тебя.

— Кто? — спросил Огонь. — Кто?

— Вода, — сказал Человек. — Она твоя смерть.

Всего одно лишь упоминание этого страшного для Огня слова сразу убавило его пыл, и он присмирел.

— Вот так-то лучше, — сказал Человек. — Иди ко мне. Ты будешь гореть у меня с пользой.

Сказав так, Человек взял пылающую ветвь дерева и перенёс её в свою пещеру. От этого в пещере стало светлее, теплее и радостнее.

Много, очень много раз дни сменяли ночи, а лето — зиму. И с каждым годом приручённый Огонь служил Человеку всё лучше и усерднее.

Огонь не только обогревал Человека, но и варил для него пищу, обжигал горшки.

А потом пришла пора, и Человек заставил Огонь выплавлять железо.

У Человека появились надёжные инструменты. Хорошие топоры. Острые пилы. Ножи и копья. Молоты и плуги.

Человек не боялся теперь леса. Он мог проникнуть в любую чащу, прорубая тропы. Зверь стал бегать от вооружённого Человека. Земля, покорясь Человеку, превратилась в пашню. А Вода и Ветер стали молотить зёрна, выращенные Землёй.

А через много, очень много лет Человек познакомился с Огнём и его злейшего врага — Воду. Он заставил их жить в котле паровой машины и выполнять самые тяжёлые работы. Огонь, превращая воду в пар, молотил хлеб, тянул поезда, двигал пароходы.

Так Огонь стал сильным и верным помощником Человека. И Человек, благодарный Огню, сложил про него множество песен. Прославляя Огонь, Человек обидел... Дрова. Да, Дрова... И случился страшнейший скандал. С него мы начнём нашу сказку. А всё рассказанное до этого было присказкой.

Итак, сказка начинается. Первая глава про зазнавшиеся Дрова.

Эта глава про зазнавшиеся Дрова

Скандал начался на кухне. Кто-то из поваров, любуясь Огнём, сказал:

— Как он хорош!.. Как он весело и дружно пылает сегодня!

— Да, да, — подтвердили остальные повара, работающие у огромной плиты. — Он выше похвал.

В ответ на это в топке плиты раздался выстрел. Это стрельнуло крупными искрами большое полено. Треск повторился. А потом сразу затрещали все поленья и послышались голоса:

— Нам уже надоело слушать похвалы Огню.

— Мы не можем далее молчать...

— А что такое Огонь? — воскликнуло пылающее Осиновое Полено. — Бывает ли на свете Огонь сам по себе? Можно ли себе представить Огонь, если что-то не горит?

— Нет, — подтвердили хором Дрова. — Огонь — это мы. Без нас нет Огня. Нет тепла...

Дрова начали так хвалиться, что у поваров, поварих и поварят волосы встали дыбом, подняв колпаки. Дрова, прославляя себя, так разгорячились, что на плите убежал суп, пережарилось жаркое и подгорели блинчики.

Но Дрова ничего не хотели знать, кричали ещё громче, перечисляя все свои заслуги. Они даже запели песню:

Мы дрова, мы дрова,
Мы всей жизни — голова.
Жарим, варим и печём,
А огонь тут ни при чём...

Эту песню слышали и подхватили все Дрова, которые пылали в топках котлов и паровозов, пароходов, паровых мельниц... Эту песню горланили теперь Дрова во всех концах земли.

А Огонь посмеивался над Дровами и весело пылал.

Глава другая, про то, как и что сгорает

Конечно, никто не может похвалить Дрова за их хвастовство. Но всё же они были правы — без топлива не бывает Огня. И как бы оно ни называлось — дровами, торфом, соломой или даже еловыми шишками, — топливо питает Огонь.

Поэтому Человек сказал Огню:

— Послушай, дружище, ты должен поделиться своей славой с Дровами. Ведь ты существуешь благодаря им.

Огонь на это возразил так:

— Баран тоже существует благодаря траве, но всё-таки цена барану одна, а траве — другая.

Тогда Человек сказал:

— Но ведь если не будет травы, не станет и барана. Это верно, как и то, что и без Дров ты погаснешь.

Огонь снова возразил:

— Нет, Дрова не главное моё питание. Есть топливо лучше. Жарче... Удобнее...

Говоря так, Огонь имел в виду Каменный Уголь. Человек уже знал об этом топливе, об этом великом даре подземного царства. Человеку давно было известно, что кусок Каменного Угля даёт жару вдесятеро больше, чем самое огромное полено. Но земля глубоко спрятала чёрные пласты Каменного Угля. Много сил требовалось для того, чтобы добыть Уголь и поднять его на поверхность. Об этом знали и Дрова, поэтому они по-прежнему распевали:

Мы дрова, мы дрова,
Мы всей жизни — голова.

И спорить с ними было трудно. Паровые машины работали на дровяном топливе и приводили в движение ткацкие, токарные станки, паровые молоты, лесопилки, мельницы, пароходы, паровозы. Дрова выплавляли из руды металл, отопляли жилища. Дрова выплавляли стекло... С каждым годом Дров требовалось всё больше и больше, так как появлялись новые заводы, прокладывались новые железные дороги, строились новые корабли. И Дров стало не хватать. Исчезли близкие к заводам леса, и Дрова приходилось доставлять из дальних лесов.

Поднявшись в цене, Дрова ещё больше задрали носы.

Но настало такое время, когда добывать под землёй Каменный Уголь оказалось куда выгоднее, нежели привозить издалека громоздкие, быстро сгорающие Дрова.

И Человек сказал:

— Нужно пробивать шахты. Нужно добывать Каменный Уголь.

Услыхав это, Дрова рассмеялись. Они всё ещё считали себя незаменимыми. Они не верили, что Человек может добыть Каменного Угля столько, чтобы он заменил Дрова.

Про сражение, поражение и дровяное свержение

Но Дрова смеялись недолго. Человек заставил работать в угольных шахтах машины. Машины, неустанные помощники рук Человека, начали добывать очень много Угля. Уголь стал дешёвым и доступным топливом.

Дрова приуныли.

Теперь смеялся Огонь.

Начались массовые увольнения Дров. Прежде всего их уволили с железных дорог. И это понятно: разве выгодно было паровозу возить на себе запас громоздкого дровяного топлива. Куда проще брать с собой Уголь. Он занимает меньше места, даёт больше тепла, скорее подымает пар в котле паровоза. А пар — это сила паровоза. Чем больше пара, тем сильнее тянет паровоз. Тем он быстрее и больше везёт.

Вскоре Дрова получили отставку и на пароходах, а затем и во всех котельных фабриках и заводах. Их там стали применять только для растопки. Чтобы воспламенить Каменный Уголь, его нужно было нагреть.

Дрова уже не пели своей хвастливой песни. Их уже никто не признавал главным топливом.

Количеством добытого Угля стали измерять богатство и силу страны.

Власть Дров была свергнута. Они остались только там, где ещё сохранились дровяные печи и плиты.

Но Дрова не унимались. Они ещё верили, что

запасы Угля иссякнут и Человек снова признает Дрова главным топливом. Но напрасно! Запасы нового топлива оказались огромными.

Уголь был признан основным топливом. Он ускорил плавку руды и намного увеличил выплавку чугуна, стали. Появилось много электрических станций, работающих на Угле. Уголь стал освещать жилище Человека.

Слово «уголь» произносилось теперь с большим уважением.

Потерпев поражение, обозлённые Дрова решили отомстить Углю. Они задумали поссорить его с Огнём. Этим занялись самые коварные из Дров — Осиновые Дрова.

Вот как это было.

Об осиновом тумане и угольном самообмане

Осиновые Дрова, впрочем, как и всякие Дрова, придерживались старых взглядов. Расцвет их славы пришёлся на те времена, когда всюду правили жадные цари, жестокие императоры, напыщенные князья, графы, бароны.

Всё это не прошло даром для Дров. И они воображали себя кем-то вроде огневых вельмож. Они кичились своей способностью гореть и давать тепло.

А Уголь вёл себя просто. Не зазнавался. Не задира́л нос. Он спокойно горел и был доволен тем, что приносит пользу.

Надо сказать, что Уголь по своему характеру был добродушен и доверчив. Этим-то и воспользовались Осино́вые Дрова.

Они решили напустить хитрого осинового тумана, чтобы отравить Уголь своим зазнайством.

Дрова начали изда́лека. Они рассказали Углю сказку о крыльях ветряной мельницы:

— Однажды крылья ветряной мельницы, расхваставшись, сказали, будто они мелют муку... Но вскоре обиженный на это Ветер перестал дуть, и крылья мельницы остановились.

Уголь, ничего не понимая, спросил:

— К чему эта басня?

— А к тому, — ответили Дрова, — что и Огонь, подобно крыльям, воображает себя королём.

— Каким королём? — снова удивился Уголь.

— Королём Огненной империи! — сказали Дрова.

— Разве есть такая империя? — спросил Уголь.

— А как же! А как же! — затараторили Дрова. — Огненная империя — это все топки и все котлы, все печи, все горны и все костры — это всё, где жар и тепло... А король Огненной империи не Огонь, а вы.

— Я?!

— Да, вы — самое жарчайшее топливо!

Уголь сначала расхохотался, потом задумался. А Дрова, не умолкая, напускали всё больше и больше угарного осинового тумана и так возве-

личили простодушный Уголь, что тот поверил в своё всемогущество.

И ничего мудрёного в этом нет. Даже комара можно убедить, что он сильнее вола, коли вол бегаёт от комара, когда тот кусает вола.

Вообразив себя королём, Уголь потребовал у Огня, чтобы тот титуловал его «ваше огневое величество».

Огонь на это справедливо заметил:

— Как же я могу признать тебя величеством, да ещё огневым, когда Огонь и всё огневое принадлежит мне?

Повторилась старая история.

Уголь кричал:

— Если бы не было меня, как бы ты горел?

А Огонь твердил своё:

— Если бы ты не был нужен для моего горения, то кто бы стал добывать тебя из-под земли? Кому бы ты понадобился, ломкий чёрный камень?..

И чем ожесточённее спорили Огонь и Уголь, тем жарче становилось в топках котлов. Дрова сделали своё дело. Напустив осинового тумана, они добились ужасного самообмана. Уголь поддался глупой выдумке самовлюблённых Дров и жаждал почестей, славы, поклонения.

Вот какие коварные бывают на свете Дрова!..

Про новую ложь и о правде на грош

Осиновые Дрова, поссорив Уголь с Огнём, не остановились на этом. В то время появилось новое топливо, которое не походило ни на Дрова, ни на Уголь. Оно было жидким и называлось Нефть.

Дрова, узнав, что Нефть горит жарче Угля, решили воспользоваться этим и придумали новую завиральную историю.

— Ах, ваше огневое величество, король Уголь, — начали Дрова, — вам угрожает Коричневая принцесса.

— Какая такая принцесса? — насторожился Уголь.

И Дрова, притворно вздыхая, принялись рассказывать о том, что будто бы старая ведьма, ворожея, предсказала гибель королю Углю.

— То есть как гибель? — удивился Уголь. — Как я могу погибнуть, если моего величества залегает под землёй в таких количествах, что я буду царствовать тысячи лет.

— Это верно, — согласились Дрова, — но ваша двоюродная сестра, Коричневая принцесса, хочет править Огненной империей вместе с вами.

Уголь не поверил этому:

— Послушайте, осиновые чурбаны, если вы называете Коричневой принцессой Нефть, то она не может помешать мне. Её слишком мало, и она очень дорога.

— Когда-то вы тоже были дороги, ваше вели-

чество, а потом подешевели и вытеснили нас... — напомнили Дрова.

Уголь испугался: «А вдруг это всё правда?»

Именно так и случилось.

Имя Нефть упоминалось всё чаще и чаще. Её называли отличным и удобным топливом.

На железных дорогах появлялось всё больше и больше вагонов-цистерн с надписью: «Огнеопасно». В них привозили Нефть.

— Нет, нет, — утешал себя Уголь, — её слишком издалека приходится доставлять. Она не потеснит меня.

Но Уголь ошибался. Человек бурил тысячи скважин в поисках Нефти. Человек повсюду искал подземные кладовые Нефти. И его труды были щедро вознаграждены.

О глупом споре и выдуманной ссоре

Человек открыл множество подземных тайников Нефти.

— Надеюсь, нам не будет тесно на земле, — дружелюбно сказала Нефть, встретившись с Углем. — Под землёй нам обоим хватало места.

А Уголь вспылал:

— Кем ты хочешь стать в моей Огненной империи? Кем ты хочешь называться?

Нефть ответила уклончиво:

— У меня много имён... Одни меня называют Чёрным золотом... Другие — Огненной водой... Третьи — просто Нефтью...

— Зачем ты поднялась из-под земли? — спросил Уголь.

И Нефть ответила:

— За тем же, за чем и ты. Я хочу гореть. Это моё призвание.

Осиновые Дрова хихикнули и подмигнули Углю одним глазом, а Нефти — другим.

Нефть очень удивилась глупой ссоре. Она не находила причины для спора с Углем. Поэтому она решила меньше обращать внимания на чванливость Угля и по-прежнему заниматься своим делом. Превращаться в бензин, керосин, соляровое масло, двигать автомобили и подымать в синь небес самолёты.

И может быть, на этом всё и закончилось, если бы не Дрова... Дрова снова придумывали завиральную сказку... Впрочем, об этом в следующей главе...

Эта глава про то, как стала Нефть дешёва

Слава Нефти росла с каждым днём. Особенно хвалили её кочегары. Она оказалась не только жарким, но и очень удобным топливом. Её не нужно было, как Уголь, бросать лопатами в топки. Она сама текла по трубам форсунок в топки котлов и, распыляясь там, давала ровное и жаркое пламя.

Нефть не оставляла после себя золы, как Дрова, и шлака, как Уголь. Это было ещё одной приятной чертой Нефти.

Нефть легко было перегружать из вагонов-цистерн. Её просто сливали или перекачивали в огромные нефтехранилища. Но, несмотря на эти преимущества, Нефть оставалась вторым после Угля топливом в стране. И Уголь, привыкнув к этому, успокоился. Он верил, что Нефть не может стать выгоднее Угля. Но, к сожалению, Уголь, как и Дрова, не знал, что по сегодняшнему дню нельзя мерить завтрашний день. Уголь, как и Дрова, жил прошлым. И вот к чему это привело.

Однажды старый мастер по перекачке Нефти из вагонов-цистерн в нефтехранилища сказал:

— А почему бы нам не соорудить трубу такой длины, чтобы её можно было протянуть от промысла, где добывают Нефть, до нашего завода?

Все прислушались к этим словам.

В самом деле, зачем Нефть катать в вагонах — это очень дорого. Пусть она день и ночь сама течёт по трубам. Нефти будет больше, и она станет дешевле. И когда это было признано всеми — везде, где требовалось, машины стали прорывать глубокие траншеи и укладывать в них металлические трубы.

Строились нефтепроводы — подземные нефтяные реки.

Это был смертельный удар по могуществу Каменного Угля.

— Как вы себя чувствуете, Уголёк? — издевательски спросили Осиновые Дрова.

Дрова злорадствовали. Они отомстили Углю за своё падение, но от этого им жилось не лучше.

Они по-прежнему горели в старых дровяных печах и, потрескивая от обиды, не надеялись уже больше ни на что, даже на сказки.

Они перебрали тысячи историй и не могли ничего придумать, чтобы как-нибудь насолить Нефти, которой они так же страшно завидовали. Но однажды Дровам повезло...

О том, что рассказала Сорока Вороне о принце в голубой короне

Известно, что сороки любопытны и болтливы. Однажды Сорока рассказала Вороне о таинственных голубых огнях на болоте.

— Понимаешь, кума, — удивлялась Сорока, — вчера я ночевала на болоте и чуть не рехнулась. Как наступил вечер, голубым огнём загорелись какие-то таинственные свечи. Ничего не сгорает, а что-то горит... Что это такое?

— Ты ещё молода, — ответила на это Ворона, — а мне уже скоро двести лет, и я многое повидала на своём веку. Голубыми огнями на болоте горит болотный Газ...

Осиновые Дрова, лежавшие в поленнице под деревом, на котором сидели и разговаривали птицы, стали подслушивать.

Ворона оказалась достаточно осведомлённой птицей и рассказала Сороке всё, что знала про Газ.

— Глубоко под землёй — там, где добывают Каменный Уголь и Нефть, — хранится природ-

ный Газ. Он очень, очень хорошо горит, но его трудно, даже невозможно, перевозить... Поэтому им и не пользовались... Но теперь, — продолжала Ворона, — когда люди научились перегонять Нефть по трубам, они так же могут поступить и с Газом.

Слушая это, Осиновые Дрова готовы были расцеловать Ворону. Наконец-то они могут насолить и Нефти.

А Ворона между тем продолжала:

— Уже на многих кухнях заменяют дровяные плиты газовыми...

Это пришлось не по нутру Дровам, и они рассыпались. Ворона и Сорока, спугнутые рассыпавшейся поленницей, улетели.

— Ну и пусть, — сказали Дрова. — Главное она выболтала. Теперь бы только встретиться с Газом и посмотреть, что он собой представляет.

Вскоре эта встреча произошла. Она произошла именно на кухне, где дровяную плиту заменили газовой.

— Как нам увидеть вас, уважаемый Газ? — спросили Дрова.

И Газ ответил:

— Меня нельзя увидеть. Я, как и всякий Газ, невидим. Зато можно посмотреть на моё голубое пламя.

Сказав так, Газ загорелся десятком голубых язычков в отверстиях круглой горелки плиты. Горящие язычки походили на голубую корону.

И Дрова воскликнули:

— Значит, вы король?

Газ расхохотался и шутливо ответил:

— Нет, я пока ещё всего-навсего принц...

Только это и нужно было Дровам. Они принялись сочинять новую сказку о принце в голубой короне.

Эта последняя глава объединяет Газ, Нефть, Уголь и Дрова

Осиновые Дрова столько наплели о принце в голубой короне, что, завравшись, в конце концов запутались сами. Видя это, старый работяга Уголь задумался. Слово «принц» ему вдруг показалось таким неуместным, старомодным и чужим.

«Наверно, Газ такой же принц, как и я король», — подумал Уголь. И ему стало стыдно. Да — стыдно!

А стыд, как известно, изумительное и быстроедействующее лекарство против таких болезней, как зазнайство, самовлюблённость, «яканье» и спесь.

Стыд рассеял густой осиновый туман. И Уголь снова увидел себя тем, кем он и был на самом деле, — уважаемым и жарким топливом. И когда прояснилась затуманенная память Угля, он вспомнил, как его на газовых заводах превращают в Газ.

— Значит, — сказал Уголь Нефти, — Газ — это мой сын.

— И мой, — подтвердила Нефть. — Ведь я тоже способна превращаться в Газ.

Но тут вмешались Дрова. Им не хотелось, чтобы восторжествовала истина.

И Дрова сказали:

— Может быть, искусственный Газ, вырабатываемый на газовых заводах, и доводится вам какой-то родней, но ведь Ворона рассказывала Сороке о самородном Газе... Вы слышите — о самородном великане, залегающем под землёй. О невиданном богатыре, который в ближайшие годы затмит вашу славу. Уж он-то вам никакая не родня.

— Перестаньте морочить нас! — громко сказала Нефть. — Природный подземный Газ — мой родной брат. Он залегает рядом со мной.

Тогда Дрова с каким-то неистовым визгом стали пугать Нефть и Уголь:

— Ах, вот вы как? Ну хорошо, хорошо... Вот явится принц в голубой короне и поставит вас на колени и провозгласит себя...

В это время раздался чей-то весёлый смех.

— А я уже здесь, — сказал кто-то невидимый. — Я уже явился и никому не собираюсь мешать гореть и давать тепло... Мне стыдно за моего брата и за мою сестру, которые позволили себя одурачить Осинovým Дровам. Вместо того чтобы жарко пылать и приносить своим пламенем пользу людям, вы боретесь за славу...

Тут Газ вспыхнул голубым пламенем. И все увидели, как он жарок и как он прекрасен... Он не оставляет ни золы, ни сажу, ни грязи...

Все обрадовались, что будут теперь весело и дружно гореть вместе с ним. И все поняли, что

им нечего делить. На всех достанет работы и топков. И они обнялись и стали теперь единой уважаемой семьёй.

Дровам был вынесен строгий выговор за подстрекательство. Но, несмотря на это, Дрова не исключили из топлива. Они вступили в Великое Топливное объединение Газа, Нефти, Угля, Дров, Торфа, Камыша, Соломы и всего, что способно гореть и приносить пользу.

Не все источники тепла ещё открыты Человеком. И если появится что-то новое, лучшее, его теперь примут как друга и брата в великую семью топлива.

И очень хорошо. Пусть дружно горит всё, что способно давать тепло и силу людям.

ПЕРВАЯ УЛЫБКА

В стране, названия которой уже никто не помнит, жил удивительный чеканщик ваз. Если, чеканя вазу, он был весел, то она веселила всякого, кто её видел. И наоборот — когда мастер грустил, его творение порождало печаль и раздумья. Он прославил свою страну множеством ваз, будивших в людях самые различные чувства: радость, смех, раскаяние, бесстрашие, скорбь, прощение, примирение... Но среди сотен его творений не появилось главного — вазы Любви. Потому что любовь ещё не расцвела в душе молодого чеканщика, хотя молва, опережающая события, уже называла одну прекрасную девушку...

Однако не будем подражать молве и предрекать несвершившееся. Пусть молва сильна и непреклонна, подобна ветру, но между тем паруса жизни, как, впрочем, и сказки, нередко подвластны иным силам.

В этой же стране жил горшечник. Он не выделялся среди других гончаров своим ремеслом, но его дочь была так хороша собой, что о ней знали даже звёзды.

Глаза дочери горшечника были синее моря и неба. Её зубы нельзя было и сравнить с жемчугом, который всего лишь подражал зубам красавицы. А где и когда подражание превосходило то, чему оно подражает!

Тончайшее шёлковое волокно казалось тростником в сравнении с золотисто-солнечными волосами красавицы. Змеи цепенели от зависти при виде грациозности движений её рук. Ручей, нежно журчавший серебряными стихами, умолкал, как только она начинала говорить. Розы стыдливо переставали благоухать, когда она приближалась к ним, и её дыхание наполняло пространство ароматами, каких не знало ни одно растение, потому что она была самым прекрасным цветком земли. Впрочем, и это сравнение, как и всё, что было сказано о ней, не стоит даже одной из ста граней вазы Признания, которой чеканщик воспел красоту дочери горшечника.

И это признание было так возвышенно и так пламенно, что всякий, любуясь новой вазой, восторгался и той, чью красоту она прославляла в невиданном доселе изыске чеканки.

Когда дочь горшечника любовалась вазой Признания, её сердце зажигалось нежно-голубым пламенем и девушка, светясь изнутри, становилась ещё прекраснее.

И однажды она улыбнулась чеканщику. Это была первая улыбка девушки. Солнечная. Счастливая. Стыдливая. Чарующая, как весенняя заря... Да разве можно найти сравнение несравнимому!

Эта первая улыбка запечатлелась на всю жизнь в сердце чеканщика и сделала это сердце ещё больше, ещё добрее и пламеннее.

У вазы Признания собирались толпы. Любоваться ею приходили люди из разных городов и стран. Это были мастера, земледельцы, охотники, купцы, любители редкостей, просто зеваки, но были среди них и обладатели несметных сокровищ, повелители огромных стран. И чем больше восхищала их ваза Признания, тем жарче воспламенялись их сердца.

Чеканщику ваз и в голову не приходило, что среди них окажутся те, чья сила и чьё богатство могут омрачить светлые чувства мастера.

Он, разумеется, не верил этому, но старики, выдавшие на своём веку всякое, советовали чеканщику расплющить молотом свою вазу и погасить этим пылание незваных сердец. Старики очень боялись, что почести, внимание, богатства, которыми окружалась дочь горшечника, могут разлучить мастера с его возлюбленной. Старики, да и все жители этой страны знали, как иногда девушки забывают о своей первой улыбке.

И теперь многие и очень многие властелины и повелители добивались внимания прекрасной дочери горшечника.

Они устраивали невиданные пиры... Усыпали путь красавицы драгоценностями... Показывали ей изображения своих дворцов... Манили её сказочным великолепием палат, в которых она может жить... Обещали ей троны.

Она могла стать царицей бескрайних степей или наместницей богини гор... Ей предлагали назваться владычицей моря...

В этой маленькой, забытой ныне стране в те дни творилось неслыханное. Люди почти не спали, а те, кому удавалось уснуть, тотчас же просыпались, потому что им снились страшные сны. Сны, в которых они видели, как дочь горшечника согласилась стать женой кого-то другого, а не любимого всеми чеканщика, жившего для всех и служившего народу своими вазами, согревающими человеческие сердца, вызывающими дружбу, воспевающими труд сеятеля и ваятеля, труд рудокопа и мастера арф... Какие вазы вычеканит чудесный мастер, если она улыбнётся другому?

— Это будут вазы Слёз, — говорили одни, — и народ будет рыдать.

— Это будут вазы Отчаяния, — говорили другие, — и народ придёт в уныние.

И однажды на феерическом торжестве, когда море сверкало всеми цветами, когда стая дельфинов исполняла танец любви под музыку ветра и тихого всплеска волн, красавица не устояла и

поднесла Владыке моря пальмовую ветвь согласия. Согласия стать его женой.

И тут молния разрезала небо. Гром оглушил всё живое. Воды вышли из берегов. Вихревой смерч закружил красавицу и поднял её на вершину огромного водяного столба и умчал.

Шквальная музыка волн всю ночь прославляла долгожданное согласие. Все морские богатства были у ног красавицы. Всё, населяющее море, служило и поклонялось ей. В водяном бирюзовом дворце шло штормовое коронование владычицы.

А на берегу все ждали появления страшной вазы. Вазы Горя. Вазы Отчаяния... Вероломства... Измены... А может быть, и вазы Смерти. И женщины страны готовили траурные одежды, мужчины — чёрные повязки. Тучи хотели закрыть небо. Цветы, протестуя, решили не распускать свои лепестки. Птицы — не петь. Но...

Но этого не случилось.

Наутро взошло солнце. Яркое. Золотое. Доброе. Засветились леса, поля, горы и море. Цветы, как никогда, зацвели обильно и пышно. Птицы пели на тысячи голосов. Люди надели самые красивые одежды. И сами собой зазвенели арфы и зазвучали трубы.

Всё живое пришло на главную площадь. А на площади...

А на площади высилась новая прекрасная ваза. Ваза улыбалась первой улыбкой дочери горшечника. Эту вазу сразу же называли «Первая

улыбка» и люди, и растения, и птицы, и звери, и рыбы, и камни.

Восхищению не было предела. Ликование нельзя было измерить. Сила красоты первой улыбки оказалась такой чарующей, что хищные звери лежали смирнее черепах у подножия вазы «Первая улыбка». А гигантские ядовитые змеи пресмыкались перед нею, как безобидные гусеницы. Рыбы и морские чудища, выйдя из родной стихии, гибли, задыхаясь на берегу. У них не хватало сил оторваться от первой улыбки дочери горшечника, которой теперь на весь свет улыбалась новая ваза чеканщика.

Улыбались все. Улыбалось всё живое. Не улыбался только...

Не улыбался только Владыка моря. Владея несметными сокровищами, он был беднее самой ничтожной медузы. Его женой теперь была самая прекрасная из всех прекрасных женщин. Прекрасная от коралловых ногтей до золотистых кончиков волос. Ему принадлежал её голос, её дыхание, синева глаз, изгиб шеи, чарующие движения рук... Ему принадлежало в ней всё, кроме первой улыбки. Потому что никому и никогда не удавалось улыбнуться впервые дважды... Этого никому не удавалось на земле, как никому не удавалось дважды родиться или дважды умереть.

Владыка моря хотел уничтожить вазу «Первая улыбка», чтобы забыть её. Но разве можно этим затемнить в памяти людей и в своей памяти первую лучезарную улыбку!

Можно опрокинуть море, вывернуть его дно, но нельзя изменить то, что было.

Ваза улыбалась. Слава о ней шла по всему миру. Первая улыбка дочери горшечника обещала пережить века и остаться прекрасным наведением... Так и случилось.

Владыка моря иссох от досады, от горести, а затем растворился в морской пучине от неизбывности первой улыбки. Улыбки не ему.

Не могла уйти от неё и дочь горшечника. И она не ушла от неё до последнего часа своей жизни.

Никто не знает, что стало с чеканщиком ваз. Забылась и страна, где это всё произошло. Осталась одна ваза «Первая улыбка». Да и та осталась только сказкой. Сказкой, которая неподвластна смене времён и ветров.

Первая улыбка навсегда останется первой улыбкой.

ПАСТУХ И СКРИПКА

Она родилась в мастерской деревенского столяра, большого любителя музыки. Её красота удивляла даже больших мастеров скрипичных инструментов. Говорят, что столяр вдунул в неё свою душу и она от этого стала звучать как живая.

Всякий, проходивший мимо дома столяра, останавливался, когда она пела о солнце и небе, о лесе и говорливых ручейках, золотистых полях и цветении садов родной чешской деревни.

Слушая её, умолкали певчие птицы. Только один из лучших соловьёв округи отваживался иногда вторить ей своей песней. А досталась она Ослу, который притворился музыкантом.

Осёл, выбившись в подмастерья, завладел после смерти одинокого столяра всем его имуществом и этой прекрасной Скрипкой. Это было ужасно. Играя на Скрипке собачьи вальсы, конские галопы и ослиные рапсодии, он довёл Скрипку до неузнаваемости. Её тонкие и певучие струны стали похожи на разлохмаченные шнурки. Дека оказалась в царапинах и пятнах. Гриф из чёрного превратился в серый. Ослабили распатанные колки. Он уже играл на ней, как на балалайке, доламывая последнее.

Однажды в бродячем балагане Осёл увидел клоуна, игравшего смычком на пиле. То сгибая, то разгибая пилу, клоун добивался подобия мелодии, производившей на некоторых, в том числе на Осле, неотразимое впечатление.

Вскоре Осёл приобрёл у клоуна пилу, а скрипку забросил на чердак. Теперь ей оставалось только пылиться, слушать в долгие зимние ночи плачущий вой ветра в трубе, а в осенние дни сыреть, расклеиваться и приходить в окончательную негодность.

Нельзя без слёз и горькой обиды рассказывать о несчастной Скрипке. Оскорблённая и униженная, она переживала каждый звук, доносившийся на чердак через слуховое окно. В ней находили отзвук песни жаворонка, тонкий свист синицы и далёкая причудливая иг-

ра Пастуха на самодельной дудке.

С каждым днём игра Пастуха становилась лучше и выразительнее, хотя в его дудке было всего лишь два или три лада и ей недоставало высоких и чистых звуков. Их особенно недоставало в утренней песне пробуждения, когда Пастух, проходя по селу, приглашал людей проснуться и выгонять своих коров.

Однажды Скрипка помимо своей воли дополнила мелодию песни пробуждения высокими и чистыми звуками. Они вырвались сами собой из её души, так исстрадавшейся по музыке.

Всё это произошло до восхода солнца. И никто, кроме Пастуха, не слышал, как пастуший рожок разбудил в скрипке умертвлённое желание звучать.

Теперь он каждое утро переговаривался песней с незнакомой Скрипкой, очаровавшей его слух до такой степени, что однажды ночью он прокрался на чердак.

Это была встреча в темноте. Встреча у дымоходной трубы дома.

— Как ты прекрасна! — сказал он Скрипке.

— Если бы ты увидел меня днём... — ответила Скрипка, — ты бы ужаснулся.

— Нет, нет, — твердил он, касаясь её грифа своими тонкими и нежными пальцами. — На свете нет ран, которые не залечиваются.

Скрипка, веря Пастуху, как-то сказала:

— Как я хочу, чтобы ты взял меня отсюда. Но это невозможно. Тебя накажут за похищение... Нужно действовать умнее.

Женская хитрость была присуща и Скрипке. Она посоветовала Пастуху сыграть на дудке перед окнами Осла душераздирающий вой волка, попавшего в охотничью яму.

Он так и сделал. Осёл был в неописуемом восторге и тут же предложил Пастуху променять его дудку на визгливую пилу и пообещал прибавить к ней Скрипку.

Состоялся обмен. Пастух, забыв о пиле, бережно снял с чердака несчастную. Прижимая её к своей груди, он внёс больную Скрипку в дом своей матери.

Мать бережно освободила Скрипку от пыли и паутины, а затем, укутав её в мягкое, велела сыну отправиться в город к лучшему из скрипичных докторов.

Скрипичный доктор произвёл все необходимые операции и процедуры. Он укрепил колки, подклеил деку, заменил струны и отполировал Скрипку до зеркального блеска. И когда Пастух увидел её сверкающей и нарядной, когда он, нежно коснувшись её струн, услышал звуки, от которых сладко кружится голова и замирает сердце, — сквозь слёзы сказал ей:

— Я не достоин владеть тобой. Ты так прекрасна! Ты должна звучать в больших городах, а не в нашей маленькой деревне.

— Нет, — возразила Скрипка, — если я буду снова способна звучать, как раньше, то только в твоих руках.

Так и случилось. Никто не мог извлечь из неё ни одного звука, всем она отвечала молчани-

ем. Скрипка перестала быть доверчивой и наивной. Зато Пастух, едва прикоснувшись к её струнам, заставлял умолкать окружающих.

Это были песни первой радости скрипача и Скрипки, нашедших друг друга в большом мире.

Пастуха и Скрипку вскоре узнали во всей стране. Их слушали затаив дыхание. И никому не приходило в голову, что Скрипка была некогда брошена Ослом на чердак, где она долго находилась в оскорбительном забвении. Да если бы кто-то узнал об этом, то едва ли бы обратил на это внимание.

Мало ли печальных, несправедливых и грубых историй бывает на свете! Нельзя же позволять им зачёркивать всю жизнь. Прошедшее всегда заслоняется Настоящим, если оно большое, яркое и настоящее — Настоящее. А оно было именно таким у Скрипки, сохранившей в труднейших испытаниях жизни чистоту человеческой души, которую вдохнул в неё благородный деревенский столяр, знаток и ценитель Высокой Музыки.

ПРО ЯБЛОНЬКУ, КОТОРАЯ РАНО ЗАЦВЕЛА

В большом-пребольшом саду росли старые, молодые и совсем юные яблони. По весне сад так пышно зацвёл, что даже напугал пчёл.

— Не снег ли уж выпал? — боязливо жужжали они.

А развязные шмели смело летали с цветка на цветок, с яблони на яблоню, допьяна упиваясь щедрыми дарами весны. Эти ненасытные сластёны тоже приносили саду пользу, помогая пчёлам и ветру опылять цветы яблонь.

В цветке появлялась завязь, которая день ото дня становилась больше и больше, а затем превращалась в румяные яблоки.

Но были в саду и такие деревья, которые всего лишь зеленели, но не цвели. Они росли, набирались сил, готовя себя к большой жизни плодового сада.

Среди молодняка росли и нетерпеливые яблоньки. Им хотелось как можно скорее нарядиться в белое платье. Особенно торопливой была одна, совсем ещё юная, похожая больше на куст, нежели на дерево. Она хотела опередить время и выглядеть взрослой.

— Мне надоело моё простое зелёное платье, — жаловалась она большой Яблоне. — Я хочу зацвести.

Добрая и рассудительная большая Яблоня наставительно сказала:

— Малютка, ты посмотри на себя, на свои тоненькие ветки. Тебе нужно ещё расти да расти, набираться сил, укреплять свои корни. Они едят питают твою листву.

Она приводила множество примеров из жизни своего сада и других садов. Доказывала, как пагубно сказывается на дереве раннее цветение. Об этом же говорили в саду и другие. Но поучения старших яблонь не всегда нравятся молодым,

особенно если они чрезмерно самоуверенны.

— Хватит наставлений и назиданий! — капризно воскликнула маленькая Яблонька. — У меня от них вянут листья. Если ты цветёшь, значит, это тебе доставляет радость. Зачем же ты хочешь лишить её меня?

— Всему своя пора, — принялась снова убеждать большая Яблоня. Но напрасно.

Юная Яблонька решила зацвести. И зацвела.

Зацвела она маленькими, редкими цветочками. Это и понятно. Откуда было ей взять соки для большого цветения, когда её корни только ещё начинали проникать в богатые влагой слои.

Садовод, увидев ранние цветы, хотел было оборвать их.

Но Яблонька взмолилась:

— Не лишай меня моего первого белого платья. Мне так хочется быть красивой! Мне так хочется, чтобы надо мной в весеннем карнавале кружились весёлые нарядные мотыльки и жужжащие пчёлы поздравляли меня с обновкой!

Она так жарко умоляла садовода, что тот наперекор правилам садоводства не оборвал её цветы.

И был карнавал. Весёлый карнавал шмелей, мотыльков, пчёл. И она была счастлива. А потом кончились дни весны. Облетели белые цветы. Прошёл июнь... Затем июль...

Вместо цветов появились плоды. Их оказалось не так много, и они были не столь велики, но достаточно тяжелы для её тонких, неокрепших ветвей. Плоды день ото дня становились

больше. Яблонька, едва удерживая их, гнулась под непосильной ношей.

Корни не поспевали питать яблоки живительными соками. Поэтому некоторые из них отваливались, не дозрев. А яблоня перестала расти, отдавая все силы своим плодам.

Время шло, сверстницы Яблоньки, которая рано зацвела, выросли стройными, сильными красавицами.

И когда пришла пора цветения, их ветвям нечего было бояться тяжести плодов. Их окрепшие корни, не напрягаясь, могли питать и яблоки и яблони.

А рано зацветшая Яблонька так и осталась низкорослой, состарившейся в юности дурнушкой, и все жалели её... Жалела и она свою загубленную юность. Но теперь уж — жалей не жалей — не начнёшь расти заново. Теперь уж не исправишь слезами раскаяния торопливое цветение, исковеркавшее так хорошо начавшуюся жизнь, жизнь в прекрасном большом-пребольшом саду, где растут, цветут и приносят румяные плоды прекрасные деревья...

БЕЛАЯ БАБОЧКА

Там, где кончается синий лес и начинается золотая степь, старая Тушканиха вырастила пушистого сына. Выучила она его чему могла и стала напутствовать в молодую жизнь:

— Осторожнее будь, Тушкан, в молодой жиз-

ни. В оба гляди. Не всякому зверю верь. С умом невесту выбирай. Работящую.

— Ладно, — говорит Тушкан, — в оба буду глядеть, с умом невесту выбирать.

Стал Тушкан свою молодую жизнь начинать, невесту подыскивать.

Белочку увидел. И до чего же у неё хвост хорош! Так и развеивается. Одна беда: не в норке живёт, а в высоком дупле-тереме. Не достанешь.

Ежову дочку приглядел. В норке живёт. Да колюча.

У Крота Кротовочки тоже хороши. И шубки мягки, и лапки копки, и сами ловки. Всем Кротовочки лепы, да малость подслепы. Глаза малы. Днём плохо видят.

— Не искал бы ты, Тушкан Пушкинович, худа от добра, — говорит Серая Сова. — Не по одежке бы невесту искал, а по работе выбирал.

А тот ей:

— Да нет, Сова Совинична, я не хочу жить, как все. Невеста моя должна быть наособицу. Уж очень у меня мех пушистый.

Только он сказал это, как видит — над ним Белая Бабочка вьётся. Складненькая. Маленькая. Аккуратненькая. Так порхает!.. Такие узоры своим полётом выпархивает — загляденье. Диву дался Тушкан.

— Кто ты такая, прекрасная Белая Бабочка? Чья?

— Да ничья пока. В невестах порхаю. Жениха в хорошей шубке подыскиваю.

Говорит так Белая Бабочка, а сама белой гладью шьёт, воздушные вензеля вышивает. Глаз с неё не сводит Тушкан.

— У меня шубка хорошая, — говорит он. — Пушистая. Не зря меня Пушкановичем величают. Выходи за меня замуж, Белая Бабочка.

— Ну что ж, — отвечает она, — выйду, если работать не заставишь.

Тут вспомнил Тушкан материн наказ и спрашивает:

— А что же ты есть будешь, коли работать не станешь?

— А я вместо завтрака цветы нюхаю. Солнечным лучом обедаю. Алой зарёй ужинаю.

— Это хорошо. А где ты жить будешь?

— Я бабочка складненькая, маленькая. Много ли мне места надо? В твою мягкую шубку забьюсь, в шёрстке спрячусь. Куда ты, туда и я. Всегда при тебе.

— Лучше и не придумашь, — говорит Тушкан. — Очень даже удобно. Селись в моей шубке.

Поселил Тушкан Белую Бабочку в своей шёрстке. Куда он, туда и она. Ему хорошо, а ей того лучше. Живёт Белая Бабочка в тепле, в светле, в мягкости. Одно только Тушкану непонятно: как можно вместо завтрака цветы нюхать, солнечным лучом обедать и алой зарёй ужинать. А спрашивать не стал.

«Значит, порода такая благородная», — решил про себя пушистый зверёк.

Прошло сколько-то времени — вдруг у Тушкана шёрстка редеть начала.

— Отчего бы это, дорогая Белая Бабочка?

А та ему ласковым голосочком отвечает:

— Не иначе, Тушканчик-Пушканчик, твоя старая шёрстка линяет и новая подрастает.

Поверил Тушкан Белой Бабочке, а шерсти день ото дня всё меньше и меньше. Совсем поредел мех. Пересчитать волоски можно.

Не на шутку закручинился Тушкан Пушканович.

— Уж не болезнь ли какая приключилась со мной, дорогая Белая Бабочка?

— Да что ты, да что ты! — успокаивает она его, а сама к заячьей шубке приглядывается, с молодым Бурундуком весёлые разговоры заводит, о здоровье у старого Барсука спрашивает.

Весь лес знает, какая беда приключилась с Тушканом Пушкановичем, только ему невдомёк. Белки, Ежовки в глаза над облысевшим Тушканом смеются. Подслеповатые Кротовочки и те видят обман Белой Бабочки. А Тушкан и ухом не ведёт.

Прознала и старая мать, что неладное с сыном творится. Прибежала к нему и чуть от разрыва сердца не померла.

— Сыночек мой! — завопила Тушканиха. — Кто это тебя до ниточки, до шерстиночки обобрал? Ты же совсем голый! Кому ты теперь такой нужен?

— Это верно, — сказала Белая Бабочка, доедая последний волосок Тушкана Пушкановича. — Тут мне больше нечем лакомиться. Пора в другой мех переселяться.

Сказала так, захихикала, вспорхнула и полетела в барсучий лес.

Сразу узнала Тушканиха по хитрому путаному полёту Белой Бабочки вредную моль. Узнала и залилась горькими слезами, оплакивая голого сына.

— Да не горюй ты, не горюй, Тушканиха, — утешает её Серая Сова. — У него шуба не купленная, а живая, своя. Вырастет шерсть, да ещё гуще будет.

Так и случилось. Продрожал гольшом всю зиму Тушкан в материнской норе, а по весне оброс пушистой шерстью. Заново бедняга решил жизнь начинать, с умом друзей выбирать, по работе ценить лесных жителей. По труду!

БЕРЕЗОВАЯ РОЩА

Жил в нашем заводе учёный старик. Хорошо разговаривал. Легко. Начнёт как будто ни о чём, а кончит так, что задумаешься. К примеру, возьми его сказ про Берёзовую Рощу. Сколько раз ни прослушаешь, всякий раз новое в тех же словах услышишь.

Проверь, коли не веришь. Перескажу.

Отгорело жаркое летечко. Хлопотливая осень пожаловала и ну ветрами сдувать зелёное платье с берёз, семена из них вымолачивать да в сырую землю хоронить.

Отсеялась осень, поприкрыла жёлтым листом берёзовые семена, зиму кликать стала. А

пока суд да дело, крапива с репейником тоже о своём роде-племени заботились. Тоже под листованное одеяло семена высеяли.

Пришла зима, застлала белым пухом холодную землю, оборонила семена от лютых морозов: «Спите!»

Проспали семена до тёплых весенних дней и пошли в рост.

Репейник испокон веков цепкий, разбойник, живёхонько вымахал. Крепко уцепился за сырую землю. Глубоко корни пустил. Ну, а про Крапиву и говорить нечего. Дай только ей, халуге, волю, она и на крыше дома вырастет, бесовестная.

Берёзовые семена тоже зелёную поросль дали. Хотя и не ах какую — не выше лесного ландыша, — всё же росточки о три листочка поднялись. Темновато им было в густом Репейнике, тесновато в Крапивнике, а что делать? Надо расти. На то им мать, старая Берёза, и жизнь дала.

— Засыхали бы уж вы лучше! — говорит Крапива.

— Всё равно сгинете, — поддакивает ей Репейник.

А Берёзки молчат, слушают да растут, сколько сил хватает.

Тогда Гадюка своё ядовитое слово вставила. Свою подлую змеиную мудрость стала выказывать:

— Миром всегда те правят, которые жгут да жалят.

И старая Жаба, которая тоже в крапивной тени от света пряталась, в угоду Змее подхалим-но подквакнула:

— Засыхайте, берёзовые недокормыши! Короткая-то смерть лучше долгой бескормицы.

Так оно и шло. Их устрашали, а они росли. В тесноте, в темноте, в обиде. А годика так через три, через четыре Берёзки переросли Крапиву. Пробившись к солнышку, они перестали слушать зловердные слова. Знали, что теперь никакой Крапиве, никакому Репейнику не закрыть от них света и не отнять соки земли.

Шипи не шипи, квакай не квакай, а молодой Березняк растёт себе да растёт.

Много ли, мало ли лет прошло — зашелестела у всех на виду сильная Берёзовая Роща. Густая. Ровная. Зелёная. Разговорчивая. Дружная.

Само собой, какая хорошая Роща ни будь, без Крапивы дело не обходится. Росла в ней и Крапива. И Репейник рос. И Гадючки встречались. Жабы, само собой, тоже не перевелись. Что сделаешь? Только никто, если не считать самых пропащих, слепых да желчных, не называл эту Рощу репейной, крапивной, хотя они и произрастали в Роще.

Жабы да Змеи, само собой, иначе судили. В свою чёрную дуду дудели. Ну, так ведь на то и зовутся они мерзостным словом «гады». Дальше Крапивы не видят, выше Репейника не глядят.

ТАЙНА ЦЕНЫ

У дедушки Гордея лёгкая работа была. Он из раковин пуговицы высекал. При дедушке до-тошный паренёк-сирота Сергунька за родного внука жил. Всё-то ему знать надо, до сути дойти. Как-то понадобилось Сергуньке обутки, одежду справить. Вырос из старого и к тому же поизносил.

Гордей и говорит ему:

— Пойдём, Сергунька, на берег — хорошие обутки, пригожую одежду искать.

— А разве её на берегу ищут? — спрашивает Сергунька.

— Пойдём, внук, увидим.

Пришли.

— Гляди, внук, сколько сапожонок, рубашонок, портков, картузов на берег волны повыбросили. Знай собирай в мешок, — говорит дед Гордей и не смеётся.

— Да это же раковины, дедушка. Как их наденешь?

— А ты, внук, знай собирай. Дома разберёмся.

Набрали они по мешку раковин, пришли домой, выварили их, пообчистили, как надо, и за работу принялись. Пуговицы высекать стали. Гордей высекает, Сергунька зачищает. Дед дырочки в пуговичках сверлит, а внук их по дюжине на листки пришивает. Весело дело идёт.

Много дюжин наделали. Хорошие пуговички получились. Крупные, с радужным отливом.

В город поехали, в лавку сдали, расчёт получили. Хватило расчёта на сапоги и на картуз, на рубаху и на штаники, да ещё на чай-сахар, белый хлеб осталось и новые свёрла купили. Довольнёшенек дед. Посмеивается, трубочкой по-пыхивает.

— Гляди, Сергунька, сколько мы всякого добра из раковин добыли!

Задумался дотошный Сергунька, деда спрашивает:

— Как же это так получилось, что даровые раковины стоять стали? Новым картузом обернулись, кумачовой рубахой, плисовыми портками, сапогами со скрипом?

— Цена в них вошла, — говорит на это дед.

— А когда она в них вошла, дедушка?

— Не ведаю.

— Может быть, при высечке?

— Знал бы — так сказал, — хитрит дед. Хочется ему, чтобы внук сам до сути дошёл.

А внук своё:

— Может быть, при сверловке, дедушка?

А тот опять хитрит:

— Не ведаю. Тайная это сила для меня. Давно на берег хожу — даровые раковины пошу, а отчего они стоять начинают, когда в них цена входит, ума не приложу. Сходи-ка ты к гончару-кувшиннику. Может быть, у него выведаешь, когда тайная сила цены в даровую глину входит.

Пришёл Сергунька к гончару-кувшиннику. Видит: гончар даровую глину в горе копает, с песком её мнёт и водой разбавляет. Квасит. Сер-

гунька глаз не спускает. Смотрит, когда в даровую глину цена войдёт.

Кувшинник тем часом бросил комок мятой глины на кружало, завертел его и принялся кувшин выкруживать. Выкружил кувшин, взял другой комок мятой глины, вытянул его, выгнул лебяжьей шеей и на кувшин ручкой приставил. Потом достал резец-палочку и принялся изукрашивать кувшин. Изукрасил его цветами-розами, заморскими птицами, виноградом-смоудиной, потом раскрасил кисточкой и обжигать стал. Обжёт кувшинник кувшин, вынул из печи. Сергунька даже попятился, загляделся на синих птиц с изморозью, на золотой виноград с чернетью. Незнаемой цены кувшин. А когда в него цена вошла, этого он не увидел, и кувшинник толком сказать не может.

— То ли, — говорит, — на кружале, то ли, — говорит, — в печи. А может быть, она от резца-палочки. Сходи-ка лучше, парень, к лодочнику. Он из дерева ценные лодки выдалбливает. Там, может, виднее будет.

Тоже хитёр был дедушкин однокашник. Хотел, чтобы Сергунька сам хитрую тайну цены понял.

Пришёл Сергунька к лодочнику в тайгу. Лодочник в два обхвата даровое дерево валит. Отпилил сколько надо, долбить лодку принялся. Выдолбил, обтесал, распарил, бока распорками развёл. Развернулась лодка. Нос, корма поднялись — цену лодке прибавили.

Смекать Сергунька начал, как и чем лодоч-

ник в дерево цену загоняет. К другим глядеть пошёл. К мочальникам, что даровое липовое лыко дерут-мочат, в мочалу треплют, а из мочалы стоящие кули ткут. У берестяников побывал, что из даровой берёсты туески-лукошки, пестерьки-сумки на продажу вырабатывают, а до корня цены не дошёл.

И у рыбаков побывал. Рыба тоже даровой в реке плавает, а поймай её — в ней тайная сила цены объявится. И всюду так. Глядеть — замок прост, а ключа не находится.

К каменотёсу забрёл. Разговорился про ключ цены. А тот ему и говорит:

— Пока сам работать не начнёшь — ключа не найдёшь.

Очень хотелось Сергуньке ключ цены найти. Пробовать стал камни тесать. Не сразу. Сначала подтаскивал. Подтащит камень-другой и ценить его начинает. В горе лежал камень — даровым был. На место пришёл — стоять начал.

Научил его каменотёс бока у камня прямить. Для строительства не какой попало камень идёт — мерный. Отешет Сергунька другой-третий камень. Видит — опять в них цена прибыла.

Фаску научил его каменотёс снимать. Как даст Сергунька фаску камню — его цена чуть не вдвое вырастет.

Ну, а когда пузатые колонки, кудрявые капительки научился Сергунька из камня высекать, тогда и спрашивать больше не стал, в чём тайная сила цены. Сам понял. Понял и решил у дедушки побывать.

Приходит к дедушке и говорит:

— Я, дедушка, каменотёсом стал. Львов-тигров, даже ценных каменных див высекаю. Яшменнные пуговики тебе на пробу высек. Бери.

Глядит дед на подарок: одна другой пуговики краше.

— Большую цену за них дали бы, — говорит дед Гордей. — А в чём тайная сила цены, выведал?

— Нет, дедушка, не выведал. Сам дошёл, когда работать начал. В руках, дедушка, тайная сила цены. В руках. В моих, в твоих, в кувшинниковых, в лодочниковых — в трудовых руках...

Так открыл Сергей великую тайну цены, нашёл ключ ко всем замкам. И на что ни поглядит теперь — на дом ли, на стол ли, на узорчатую ткань, на ржаной хлеб, на радужные пуговицы, — труд человека видит: цену всех цен, корень всех ценностей-драгоценностей нашей земли и самой жизни.

МЫЛЬНЫЕ ПУЗЫРИ

Мыльными пузырями называют всё несовершенное, быстро лопающееся и ненадёжное. Между тем мыльные пузыри имеют некоторые заслуги, и вы в этом убедитесь, если захотите прослушать сказку, названную их именем.

Это было давно, если мерить время годами, и совсем недавно, если вести счёт на века.

Это было в пышном королевстве, если судить о нём по королевским кружевам на рукавах и

панталонах придворных. Это было в нищей стране, если оценивать её по дырам одежды подданных его величества и провалам щёк ткачей и кружевниц.

Это было на королевской площади, где предстояло необычайное зрелище. В заоблачную синь небес должен был подняться первый в этом королевстве большой воздушный шар вместе с воздухоплавателем.

На королевскую площадь пожаловал сам король и его двор. На королевскую площадь прибыли вельможи, сановники и министры. На королевскую площадь примчались лавочники, подмастерья и ротозеи. На королевскую площадь пришли ремесленники, хлебопашцы и пастухи. На королевскую площадь приплелись старик и старуха из дальней деревни.

Воздушный шар, туго надутый лёгким газом, готов был ринуться в далёкий полёт. Его удерживали прочные стропы, привязанные к кольям, вбитым в землю.

Но вот уже всё готово.

Счастливый воздухоплаватель скоро сядет в корзину, подвязанную к шару. В ней он прославит себя и увековечит своё имя в поколениях.

Народ рукоплещет. Двор и свита приветливо машут шляпами и веерами. Король милостиво улыбается своей королевской улыбкой, от которой так много зависит, которая так дорого оценивается знатью.

Слуги и помощники воздухоплавателя уже обнажили ножи, чтобы отрезать вспомогатель-

ные стропы, удерживающие воздушный шар, но в это время какой-то мальчик выдул и пустил радужный мыльный пузырь, затем второй, третий и четвёртый.

Как это было смешно и неожиданно! Какими маленькими, ничтожными показались лопающиеся под общий смех один за другим мыльные пузыри!

Хохотали все. Король и королева. Министры и колбасники. Придворные дамы и торговки каштанами. Шуты и монахи. Старухи и дети. Не смеялись только трое. Старик и старуха из дальней деревни. Не смеялся и воздухоплаватель.

— А почему ты, старик, не смеёшься вместе с нами? — спросил его румяный торговец жареным миндалём.

— Я бы ответил тебе, — сказал старик, — но ты слишком толст, и до твоего сердца едва ли дойдёт мой ответ.

Торговец вскипел и заорал на всю площадь:

— Вяжите его! Он не желает смеяться вместе с королём.

Старика схватили и привели к королю.

— Ваше величество, — доложил министр двора, — этот дерзкий старик не изволит смеяться над мыльными пузырями. У него, видите ли, особая точка зрения на мыльные пузыри.

— Да, — ответил гордый старик, — я никогда не смеюсь над тем, что мне кажется достойным уважения.

— Как! Мыльные пузыри достойны уважения?

Раздался дружный хохот двора и свиты. Когда шум стих, льстивый сановник спросил старика:

— Может быть, тебе трудно смеяться над самим собой? Ведь ты тоже мыльный пузырь, готовящийся лопнуть от страха и превратиться в ничто.

— Вы правы, господин в золотом камзоле, — тихо, но внятно сказала подросевшая жена старика. — Перед вами мыльный пузырь. Но уверяю вас, господа, — сказала она, обращаясь ко всем и к королю, — вам будет не по себе, когда вы узнаете, как много заключено в этом мыльном пузыре.

Народ стих, и король дал знак, чтобы она говорила. И вот старая деревенская женщина принялась так красочно и вдохновенно рассказывать, будто фея красноречия вложила в её уста высокие слова, а фея мудрости — простоту и ясность речи.

— Когда мой муж был молод и пахал землю маркиза, когда мои щёки вызывали зависть роз в саду маркизы, где я работала подёнщицей, у меня родился сын. Он рос очень хорошим и пытливым мальчиком. Я и мой муж не чаяли в нём души. Мы учили его в хорошей школе, и всё заработанное нами шло для того, чтобы он стал грамотным человеком.

В часы досуга отец, забавляя своего сына, сооружал для него маленькие ветряные мельницы, клеил бумажных змеев и пускал вместе с ним мыльные пузыри. Мыльные пузыри иногда поднимались довольно высоко. Потому что они надувались тёплым воздухом из горячей груди моего мужа.

Мой муж был неграмотным мечтателем. И он часто говорил сыну:

«Малыш! Если бы у мыльного пузыря была прочная оболочка, он бы поднялся высоко-высоко и летел бы долго-долго».

У нашего мальчика загорались глаза. Отец научил его мечтать о полёте в небо. Он внушил ему мысль о таком пузыре, который будет больше стога сена и сможет поднять человека. Он верил, что образованный сын изыщет прочную и лёгкую оболочку для большого пузыря и осуществит отцовские мечты.

— И он их осуществил? — спросили придворные старую женщину.

— Да, он их осуществил, — сказала старая женщина из деревни, указывая на знатного воздухоплователя, стоявшего рядом со своим отцом.

Они, обнявшись, не замечая никого — ни двор, ни короля, — любовались полётом радужных мыльных пузырей, которые выдувал через тонкую соломинку белокурый сын воздухоплователя и внук стариков из далёкого селения.

Теперь уж никто не смеялся, когда один за другим подымались и лопались мыльные пузыри...

БЕЛАЯ ВОРОНА

Прозвище «белая ворона» известно всем, однако всякий по-разному толкует его.

Моя бабушка толковала так.

Белая ворона вылупилась из яйца обыкновенной чёрной вороны и ничем не выделялась из других. Но вскоре, после того как она оперилась, ей не захотелось жить, как все.

Трудно сказать, почему это произошло. То ли ей было скучно... То ли она вообразила себя необыкновенной и решила выделиться среди других... Или что-то ещё, — может быть, она была одержима жаждой славы, — никто не знает. Только вдруг ворона решила стать солисткой академической оперы.

У неё был достаточно громкий голос и, может быть, куда более звучный, нежели у других, но, к сожалению, кроме «кар-кар», она не могла выкаркнуть ни одной ноты. И вместо того чтобы разъяснить ей, что её голосовых данных недостаточно для оперного пения, — над нею посмеялись. А смех, как известно, не всегда бывает хорошим лекарством. Особенно в юности.

Потеряв надежду стать солисткой оперы, она решила выбрать иной путь.

— Ну что ж, буду танцовщицей. Для этого не нужен голос.

И она принялась танцевать. Но над ней снова посмеялись.

Цапля сказала:

— Чтобы стать балериной, недостаточно ног и двух вороньих па — скок-прыг и прыг-скок.

Это ещё больше ранило самолюбие вороны.

— Тогда покажу, что такое высший пилотаж, — сказала она.

Однако и это вызвало смех. Громче всех сме-

ялись щебетуньи ласточки, которые летали выше и быстрее других.

Ах, если бы они или кто-то другой терпеливо объяснили вороне, что нужно применять себя в жизни по своим способностям и возможностям! Тогда бы, наверно, ворона нашла своё счастье. Но этого не произошло.

Обиженная, раздосадованная, она не захотела разобраться в себе самой и наперекор всем не остановилась.

Так бывает. Ложное самолюбие порождает большое самомнение, которое приводит к самым неожиданным результатам. В данном случае оно привело в парикмахерскую.

— Я хочу стать белой, — сказала она.

— Пожалуйста, — ответили ей.

И вскоре жизнь вороны круто изменилась.

Люди кричали:

— Смотрите! Белая ворона!

Её заметили все. О ней сообщили вечерние газеты как о чуде орнитологии. Она была счастлива! Её самолюбие торжествовало. Но...

Но радость была недолгой. Когда слух о ней прошёл по всей земле, её решили поймать. Одни хотели поселить белую ворону в клетку зоологического парка, другие — превратить её в чучело для музея.

За нею гонялись день и ночь. А она ни жива ни мертва отсиживалась в кустах, пряталась в дуплах от своей шумной славы и наконец исчезла.

Никто не знает, куда она делась. Одни предполагали, что ворона погибла в когтях ястреба,

который принял её за белого голубя. Кто-то, смеясь, утверждал, что она, полиняв, стала снова чёрной вороной. Было множество догадок, но это не столь важно. Важно то, что ворона обесмертила себя прозвищем всех тех, кто во что бы то ни стало хочет выделиться из других.

Так заканчивала сказку моя бабушка, но тут же вмешивался дедушка. Вмешивался и начинал рассказывать о белой вороне своё.

У него, как и у бабушки, так называемая белая ворона тоже вылупилась из яйца, снесённого чёрной вороной, и выросла такой же обыкновенной, как и все в её стае. Но однажды у неё в крыле появилось белое перо. На это можно было бы не обращать внимания, если бы не появилось и второе, ослепительно белое перо. А затем — третье, четвёртое... И ворона начала белеть.

А почему? Что было причиной посветления чёрной птицы?

Оказывается, первое перо побелело оттого, что ворона задумалась над своей жизнью. Задумалась — правильно ли живут вороны вообще, хороши ли их образ жизни. Но она задумалась не о себе и не для себя, а обо всех и для всех. Это была очень важная разница. Разница, которая выделяла мыслящую ворону среди остальных.

И первая светлая мысль побелила её перо.

Когда же ворона поняла, что жизнь стаи — это разбой, непрерывная рознь и драка, — у неё посветлело ещё одно перо.

На это никто пока не обратил внимания. Но ворона продолжала размышлять о нравах стаи.

Одна светлая мысль рождала другую, третью, а вместе с этим светлели новые перья. И этого не могли не заметить.

Её спросили:

— Что с тобой происходит?

И она ответила. Она не могла далее молчать. Она ниспровергала подлые нравы ворон, обличала их жадность, хищность, бесчестность поведения и многое другое...

Ей хотелось верить, что слова, идущие от самых глубин сердца, отзовутся в чёрных душах.

Она говорила без боязни. В её словах звучала истина. В её голосе звенел протест. И от этого она становилась светлее и светлее.

Чёрная стая молча слушала окончательно побелевшую ворону. Тысячи злых крылатых разбойниц пронизывали их белую сестру, тысячи когтей и клювов готовы были вонзиться в неё и развеять по ветру ненавистное перо.

И, может быть, им это удастся. Но ничего не изменится. Белая ворона никогда не станет чёрной ни в дедушкиной сказке, ни в светлой людской молве.

ВОЛШЕБНЫЕ КРАСКИ

Один раз в сто лет самый добрый из всех самых добрых стариков — Дед Мороз — в ночь под Новый год приносит семь волшебных красок. Этими красками можно нарисовать всё, что захочешь, и нарисованное — оживёт.

Хочешь — нарисуй стадо коров и потом паси их. Хочешь — нарисуй корабль и плыви на нём... Или звездолёт — и лети к звёздам. А если тебе нужно нарисовать что-нибудь попроще, например, стул, — пожалуйста... Нарисуй и сядь на него. Волшебными красками можно нарисовать что угодно, даже мыло, и оно будет мылиться. Поэтому Дед Мороз приносит волшебные краски самому доброму из всех самых добрых детей.

И это понятно... Если такие краски попадут в руки злому мальчику или злой девочке — они могут натворить много бед. Стоит, скажем, этими красками пририсовать человеку второй нос, и он будет двуносым. Стоит пририсовать собаке рога, курице — усы, а кошке — горб, и будет собака — рогатой, курица — усатой, а кошка — горбатой.

Поэтому Дед Мороз очень долго проверяет сердца детей, а потом уже выбирает, кому из них подарить волшебные краски.

В последний раз Дед Мороз подарил волшебные краски одному самому доброму из всех самых добрых мальчиков.

Мальчик очень обрадовался краскам и тут же принялся рисовать. Рисовать для других. Потому что он был самый добрый из всех добрых мальчиков. Он нарисовал бабушке тёплый платок, маме — нарядное платье, а отцу — новое охотничье ружьё. Слепому старику мальчик нарисовал глаза, а своим товарищам — большую-пребольшую школу...

Он рисовал, не разгибаясь, весь день и весь вечер... Он рисовал и на другой, и на третий, и на четвёртый день... Он рисовал, желая людям добра. Рисовал до тех пор, пока не кончились краски. Но...

Но никто не мог воспользоваться нарисованным. Платок для бабушки был похож на тряпку для мытья полов, а платье, нарисованное матери, оказалось таким кособоким, пёстрым и мешковатым, что она его не захотела даже примерить. Ружьё ничем не отличалось от дубины. Глаза для слепого напоминали две голубые кляксы, и он не мог ими видеть. А школа, которую очень усердно рисовал мальчик, получилась до того уродливой, что к ней даже боялись подходить близко.

На улице появились деревья, похожие на метёлки. Появились лошади с проволочными ногами, автомобили с кривыми колёсами, дома с падающими стенами и крышами набекрень, шубы и пальто, у которых один рукав был длиннее другого... Появились тысячи вещей, которыми нельзя было воспользоваться.

И люди ужаснулись:

— Как ты мог сотворить столько зла, самый добрый из всех самых добрых мальчиков?!

И мальчик заплакал. Ему так хотелось сделать людей счастливыми!.. Но он не умел рисовать и только зря извёл краски.

Мальчик плакал так громко, что его услышал самый добрый из всех самых добрых стариков — Дед Мороз. Услышал, и вернулся к нему,

и положил перед мальчиком новую коробку с красками.

— Только это, мой друг, простые краски. Но они могут тоже стать волшебными, если ты этого очень захочешь.

Так сказал Дед Мороз и ушёл.

А мальчик задумался. Как же сделать, чтобы простые краски стали волшебными и чтобы они радовали людей, а не приносили им несчастье? Добрый мальчик достал кисть и принялся рисовать.

Он рисовал, не разгибаясь, весь день и весь вечер. Он рисовал и на другой, и на третий, и на четвёртый день. Рисовал до тех пор, пока не кончились краски. Тогда он попросил новые.

Прошёл год... Прошло два года... Прошло много-много лет. Мальчик стал взрослым, но по-прежнему не расставался с красками. Глаза его стали зоркими, руки умелыми, и теперь на его рисунках вместо кривых домов с падающими стенами красовались высокие, светлые здания, а вместо платьев, похожих на мешки, — яркие, нарядные одежды.

Мальчик не заметил, как стал настоящим художником. Он рисовал всё, что было вокруг, и то, что ещё никто никогда не видел: самолёты, похожие на огромные стрелы, и корабли, похожие на самолёты, воздушные мосты и дворцы из стекла.

Люди с удивлением смотрели на его рисунки, но никто не ужаснулся. Наоборот, все радовались и восхищались.

— Какие чудесные картины! Какие волшебные краски! — говорили они, хотя краски были самые обыкновенные.

Картины и вправду были так хороши, что людям захотелось их оживить. И вот настали счастливые дни, когда нарисованное на бумаге стало переходить в жизнь: и дворцы из стекла, и воздушные мосты, и крылатые корабли...

Так случается на белом свете. Так случается не только с красками, но и с обыкновенным топором или швейной иглой и даже с простой глиной. Так случается со всем, к чему прикасаются руки самого великого из самых великих волшебников — руки трудолюбивого, настойчивого человека.

КОРОЛЕВА БУЛЬ-БУЛЬ

Как вам известно, бутылки приходят в мир хрупкими, голыми и пустыми.

У всякой бутылки есть горлышко, шейка и чаще всего покатые плечи, но нет головы.

Голову бутылке обычно заменяет пробка. А так как пробка, по общему признанию, глупа, то думать ею затруднительно. Поэтому бутылки очень редко защищают диссертации на учёные степени и ещё реже занимают придворные посты, хотя и способствуют иногда другим в занятии таковых.

Бутылки безвольны и легкомысленны. Они могут быть заполнены чем угодно. Вот почему

применяют их для самых различных целей в столовых, молочных, королевских дворцах, керосиновых лавках, аптеках, аналитических лабораториях и в морских приключенческих поездах для почтовых операций.

Вот и всё, что нам необходимо знать о месте и роли бутылки в обществе. Сейчас мы вполне можем перейти к описанию частной жизни одной Бутылки.

Она была выдута в год коронавания Сильванера XII, получившего впоследствии прозвище Пьяный. Великое Виноградное Королевство, на трон которого возводился Сильванер XII, было настолько миниатюрно, что меридиан, проходивший через его владения, полностью закрывал их. И только на некоторых географических картах, где меридианы наносятся тонкими линиями, можно под одним из них различить восточные и западные очертания границ Великого Виноградного Королевства. Картографы никогда не обозначают названия на картах Великого Виноградного Королевства, даже сокращённо. Так как всего лишь одна, самая маленькая буква не только бы покрыла всю территорию королевства, но и вторглась бы во владения соседних стран. И это повлекло бы за собой дипломатические осложнения, а может быть, и войну.

Однако не всё, что выглядит микроскопическим или никак не выглядит на географической карте, малó на самом деле. Если взять самую большую географическую карту и положить её

на землю этого королевства, то она едва ли бы покрыла и половину его виноградников. Именно этот пример был приведён первым министром как доказательство провозглашения королевства Великим.

Но не будем отвлекаться...

После того как выдутая Бутылка остыла, королевский браковщик сразу предначертал ей блестящую карьеру. Он написал мелом на её донышке всего лишь три буквы: «К. И. В.» Так сокращённо обозначалось Королевское Игристое Вино.

Многие остывшие и ещё не остывшие бутылки посмотрели на счастивицу с завистью.

И это естественно. Какой из бутылок не хотелось опьянить короля, чтобы потом всю жизнь хвалиться своими успехами!

Бутылка-избранница вскоре была заполнена искристым, игристым вином. Затем её заткнули большой и очень красивой пробкой, напоминающей голову первой статс-дамы двора его величества не только по форме, но и по существу.

Далее на Бутылку было наклеено самое главное — ярлык, по которому надлежало ценить оклеенное.

Когда всё это было сделано, в пробку ввинтили шуруп, шляпкой которому служила маленькая копия королевской короны, вычеканенная из латуни.

Вот тут и началось то, что называется страшнейшей из душевных болезней... Но не будем отвлекаться и забегать вперёд.

Теперь оставалось обернуть Бутылку розовой мантией из гофрированной бумаги, перевязать её малой королевской лентой и подать на королевском подносе к коронационному столу.

Коронованная Бутылка заняла центральное место стола, напротив короля и королевы. Королева не понравилась Бутылке с первого взгляда. Она была слишком плоска, а её плечи недостаточно покаты. И Бутылке, ослеплённой общим вниманием, показалось, что она тоже могла бы стать королевой, тем более что король Сильванер XII бросал на неё взгляды, полные восхищения.

— Какая прелесть! Я не видел ничего подобного! Очаровательнейшее создание! Как много заключено в тебе солнечной радости и веселья!

Сказав так, подвыпивший король поцеловал Бутылку. В ответ на это раздались громкие рукоплескания виноторговцев и владельцев виноградников.

— Ну, милая моя, — обратился затем Сильванер XII к Бутылке, — сейчас я окажу тебе моё королевское внимание.

Не мешкая долго, король сорвал с неё серебряную шаль, затем открутил проволочку и принялся привычным движением выкручивать пробку.

Хлоп! И пробка полетела в потолок. И вот королевское вино разлито по бокалам. Пустую обезглавленную Бутылку унесли на королевскую кухню до того, как произнесли тост в честь короля.

Пустая и безголовая Бутылка провалялась до рассвета. А на рассвете, когда закончился коронационный пир, королевский повар подобрал Бутылку.

— Как-никак это королевская Бутылка. Нельзя такую Бутылку выбрасывать в мусорную яму. В ней можно держать оливковое масло.

И вот Бутылка снова оказалась заполненной и заткнутой пробкой с ввинченной в неё короной. Правда, теперь она находилась всего лишь в шкафу повара, но это не охладило её дерзких намерений. Опьянённая недавним успехом во дворце, она высказывала недовольство двором Сильванера XII. Веря в своё высокое призвание, она стала вербовать заговорщиков. Бутылка обещала королевские милости доверчивым пивным кружкам, круглым дурам — тарелкам, овальным простакам — рыбным блюдам и прочей опальной посуде, населявшей шкаф повара.

А посуда была опальной и обиженной. Её удалили из королевского дворца за некомплектность.

Бутылка бросала слова в дружественную ей почву. Она говорила о возвращении во дворец некомплектной посуды. Она говорила так убеждённо, что все ощущали трепет королевских комплектных сервизов, угодливый звон вельможных бокалов, статс-рюмок и флигель-лафитников. Её болезненное самовнушение доходило до такого накала, что все, даже молчаливый глиняный графин, присягнули сумасшедшей мятежнице.

Беспочвенные мечты и действительные возможности всегда напоминают собою беспечно поющего комара, которого проглатывает жаба. Примерно так и случилось...

Однажды жена повара позабыла заткнуть Бутылку с остатками оливкового масла. В открытую Бутылку напозли тараканы и налетели мухи. Бутылка стала их кладбищем.

— Какая гадость! — воскликнула жена повара. — Куда теперь годна эта опоганенная Бутылка?

Сказав так, она хотела выбросить её в мусорную яму. Но, подумав, решила приспособить Бутылку для керосина.

Вскоре Бутылка с керосином оказалась в обществе половой щётки, кухонного совка и помойного ведра.

Униженное положение и легкомыслие всегда бывают отличной средой, порождающей несбыточные надежды. Ими-то и продолжала жить Бутылка.

— Вы ещё услышите обо мне, — твердила Бутылка. — И как знать, может быть, тебе, половая щётка, предстоит честь расчистить мне путь к трону. А тебе, совок, собрать окружающий меня мусор в это помойное ведро, которое я могу назначить министром виноделия или королевским прокурором.

Половой щётке и помойному ведру очень хотелось участвовать в дерзком путче. И они верили в такую возможность, тем более что на их веку подобные субъекты производили дворцовые

перевороты и становились лидерами партий, вершителями судеб различных стран, куда более обширных, нежели Виноградное Королевство.

По их мнению, Бутылка, наполненная керосином, могла пролить своё содержимое, а коробка спичек, примкнувшая к заговору, — поджечь пролитое. Разве это не правдоподобно? Разве история не знает примеров, когда захват власти начинался с пожара?

Но Бутылке не повезло. В продаже появились удобные и вместительные бидоны для керосина. Бутылку выбросили в мусорную яму. Оказавшись там, Бутылка могла бы послужить художникам-графикам отличной натурой для иллюстрации некоторых страниц всеобщей истории, но появился мусорщик.

— Ого! Да она ещё целая. Её можно продать обознику.

Облитая дёгтем и дочерна измазанная Бутылка раскачивалась под телегой обозника до тех пор, пока не перетёрлась верёвочка, на которой она была подвешена.

Бутылка оказалась на дороге, а затем в канаве. Её отшвырнул туда подметальщик.

Никто не знает, сколько времени она провалялась в канаве.

Пробка её сгнила, дёготь вытек, ярлыки отмокли. Пустая и голая, она располагала теперь достаточным временем для размышлений, воспоминаний и вздохов. Она, разумеется, не мечтала более о блеске дворца и королевском троне. Но разве жизнь бутылок зависит от них? И ни-

чего удивительного нет в том, что однажды... Впрочем, об этом нужно рассказать подробнее.

Лёжа в канаве или движимая потоком, Бутылка часто рассказывала своим новым знакомым о злоключениях её жизни. Её охотно слушали населявшие канаву жабы, крапива, старые консервные банки и коробки от сигарет, сметённые туда подметальщиком.

Однажды историю жизни Бутылки услышала любознательнейшая из сорок Виноградного Королевства. И когда Бутылка окончила свой рассказ восклицанием: «Как трудно быть пустой и легкомысленной бутылкой!» — сорока заметила:

— Разве можно считать пустой и легкомысленной ту, которая так полна сознанием своей пустоты и легкомыслия? И коли в тебе появились такие качества, ты можешь стать королевой.

Бутылка горько усмехнулась. Она не знала, что сорока была вовсе не сорокой, а женой первого министра короля. Она не знала, что молодая королева давно умерла, а король беспробудно пил. Она не знала, что придворные короля разбились на множество враждующих партий и каждая провозглашала своего короля.

Первый министр был самым хитрым человеком при дворе. Вот он-то по совету жены и предложил провозгласить королевой Бутылку.

Это всем очень понравилось. Потому что все отчётливо представляли особенности, свойственные только бутылке. Она безголова и пуста.

Её можно было наполнить чем угодно и менять пробки в зависимости от внутренней и внешней политики.

— Но у неё же нет рук и ног, — усомнился кто-то из придворных.

— А кто же об этом будет знать? — возразил первый министр. — Да и зачем королеве руки, когда горностаевая королевская мантия шьётся без рукавов. А что касается ног, то кому придёт в голову проверять, есть ли под мантией у королев ног.

— Да, да, — согласились придворные и решили женить Сильванера Пьяного на Бутылке, назвав её звучным именем Буль-Буль.

Бутылка довольно устойчиво была поставлена на королевский трон. И после смерти короля стала настоящей королевой. И никому из слуг, послов и тем более простолюдинов не приходило в голову, что на королевском троне сидит Бутылка, которую в зависимости от политической обстановки заполняли то скипидаром, то благовонным елеем, то кофейной гущей.

Королева Буль-Буль, прозванная Мудрой, очень долго была удобнейшей из королев Великого Виноградного Королевства. Она занимала бы королевский трон и по сие время, если бы не её природная хрупкость.

Когда в стране начались волнения виноградарей, королеву Бутылку заполнили для устрашения слишком крутым кипятком. Она, не выдержав высокой температуры, треснула и потекла.

Это послужило признаком дрогнувшей королевской власти. Волнения перешли в восстания. Виноградное Королевство было объявлено Виноградской Республикой...

Но тут начинается другая сказка, о том, как в президенты республики был подсунут господин Громкоговоритель, послушно и громко говоривший всё то, что передавали радиостанции, принадлежавшие тем, кто провозгласил в своё время королевой Бутылку.

Президент Громкоговоритель оказался удобнее королевы Буль-Буль. Та молчала, а этот проносил грозные речи, держа виноградарей Виноградской Республики в постоянном напряжении.

Но если вы думаете, что так кончилась жизнь треснувшей бутылки, то вы заблуждаетесь.

Бутылку переправили вместе с глиняным графином в некоторую державу, где она, получив убежище, была заполнена порохом, так как в треснувшую бутылку нельзя уже было наливать жидкие тела, а можно только насыпать тела сыпучие.

Экс-королева Буль-Буль и по сей день не теряет надежды вернуть трон при помощи грубой силы.

...На этом пока прерывается жизнеописание одной бутылки, которое, как и все подобные маорионеточные истории, закончит история, о чём вы узнаете в своё время из газет.

НОВОЕ ПЛАТЬЕ КОРОЛЕВЫ

Если вы не станете упрекать меня в сюжетной контрабанде из Дании, то я, пожалуй, расскажу вам сказку, противоположную той, которую вы все хорошо знаете.

Некогда на свете жили два ткача, два портных. Они пряли из ничего чудесные нити, ткали из них потрясающе выдуманные ткани, а затем шили поразительно сказочные платья.

Двум ткачам, двум портным жилось худо. Их нередко называли обманщиками, наказывали плетьюми, лишали гражданских прав, и они, голодные, бездомные, странствовали по белому свету в поисках волшебной работы, которая приносила бы людям радость и восхищение. Но всюду их встречали смехом и провожали палками.

Всё это было в те стародавние времена, когда певцов приравнивали к шутам, поэтов, сочинителей — к лжецам и обманщикам, а гении сгорали на кострах.

Долго скитались ткачи, всё же однажды судьба улыбнулась несчастным.

Они забрели в удивительное королевство.

Королевство, где очутились два ткача, не имело границ, каменных стен или каких-то других ограждений. Оно не располагало войсками и даже пограничными отрядами. Между тем оно было могущественным, независимым и непобедимым. Оно и не могло стать иным, потому что это было Великое Королевство Мечты и Вообра-

жения. А, как известно, ещё никому в мире не удавалось поставить на колени Мечту и поработить Воображение.

Такое королевство, такая свободная страна вполне устраивала двух ткачей, и они представились королеве.

Королева Мечты и Воображения была одета в нежно звучащее симфоническое платье. С её плеч ниспадала эпическая мантия из пятистопных ямбов, а на голове красовался классический венок сонетов.

— Что вы хотите, незнакомцы? — прозвене-ла невидимая арфа королевы.

— Мы хотим стать полноправными гражда-нами этого королевства, — ответили ткачи.

— А что даёт вам право стать гражданами Ве-ликого Королевства Мечты и Воображения? — проиграла королева новый вопрос на скрипке, сделанной из чистого эфира.

Тут два ткача рассказали о своём искусстве ткать из ничего прекрасное и шить из него веч-ное.

Рассказывая, они плавными жестами нари-совали в пространстве ткацкие станки, затем натянули нити-основы из солнечных лучей и принялись ткать образным языком из утончён-ных словосочетаний поэтическое отображение звёздного неба для вечернего платья королевы Мечты и Воображения.

И когда тончайшее из всех самых тонких платьев было готово, они нарядили в него коро-леву.

Раздался вопль восхищения!

Великие и малые граждане Королевства Мечты и Воображения на все лады прославляли новое платье королевы. Одни увековечивали его волшебной музыкой, другие — нежными крас-ками, третьи выражали свой восторг чарующи-ми танцами... В чистых и окрылённых душах каждого из граждан этой свободной страны мас-терство двух ткачей, двух портных нашло свой живой, трепетный отклик.

Всех и даже не лишённых воображения мальчиков, сидящих на деревьях, потрясло это новое платье королевы, когда она шествовала по улицам столицы страны Бессмертия, стра-ны Мечты и Воображения. И никому, абсолют-но никому не приходило в голову, что королева гола, что на ней нет никакого платья, как, впрочем, нет и её самой, а есть сказка. Эта сказ-ка, в которой и по сей день живут изумитель-ные мастера, ткущие из ничего вечное и пре-красное...

НА ВСЕ ЦВЕТА РАДУГИ

На свете жил чудесный певец. Он пел не только задушевно, искренне, от всего сердца, но и красочно — на все цвета радуги.

Его разноцветные песни были так хороши, что вскоре он стал самым любимым народным певцом.

Между тем певец не был счастлив...

Он не был счастлив потому, что ему ни разу не удалось спеть такую песню, которая бы понравилась всем. Всем без исключения.

Когда он пел розовую песню с весенне-зелёным отливом и алмазно-росяными искорками, его затаив дыхание слушали все юноши и все девушки. А старики проходили мимо. Вздыхая, они считали весеннюю песню то слишком розовой, то чрезмерно зелёной.

Когда же певец пел алую песню с синей каймой раздумья и серебристыми прожилками мудрости, тогда все люди средних лет распахивали настежь окна своих душ и двери своих сердец. Зато малолетки не обращали на эту песню никакого внимания. Потому что они любили песни ярких цветов и чёткой раскраски. Игривые. Узорчатые. Даже клетчатые. И для них приходилось петь особо, как и для стариков. Этим нравились песни строгих расцветок и глубоких колеров.

Разные песни оценивались различно людьми не только по их возрасту, но и по характеру. Весельчаки любили канареечно-жёлтые, лихо-малиновые и пунцовые песни. Угрюмым нравились песни тёмно-коричневых и вишнёво-лиловых тонов. Ветреные и легкомысленные люди обожали песни любого цвета, лишь бы они были пестры и нарядны...

До седых волос певец добивался такой песни, которая бы полюбилась всем. И старым и малым. Жизнерадостным и печальным. Задумчивым и бездумным. Из его светлой души вылетали звонкие жар-птицы изумительной красоты звучания.

Ими любовались тысячи людей, но каждый раз находились такие ценители, которые выискивали в песне изъяны. Более того — они глумились над нею и даже втоптывали её в грязь.

Наконец это стало невыносимым, и певец перестал петь.

— Значит, я плохо пел, коли не сумел заставить полюбить всех хотя бы одну мою песню, — жаловался на себя, на свой голос певец.

Он жаловался так громко и так жестоко казнил свои песни, что его слышало солнце. Услышав, оно ласково улыбнулось с высоты и осветило певца золотыми лучами.

— Мой названный брат, — сказала солнце, — тысячи лет я раскрашиваю землю в неисчислимые цвета и оттенки, а угодить на всех не могу. Потому что каждому нравится своё. И это очень хорошо.

— Что же в этом хорошего?! — негодуя, воскликнул певец.

— Милый мой! Если бы всем нравилось одно и то же, тогда бы остановилась жизнь в однообразии вкусов, в тождестве чувств, в ограниченности стремлений. Тогда бы тебе незачем было искать новые песни, а мне — каждый день поновому всходить.

Так сказала солнце, окрашивая своей живой улыбкой в тысячи тысяч цветов и оттенков нашу землю.

От этого на душе певца стало светло и радостно. Ему захотелось походить на солнце. И он снова запел свои песни на все цвета радуги.

И очень хорошо. Какая кому нравится, тот ту и слушай. И если из сотен его песен кому-то понравится только одна, значит, певец не зря прожил жизнь, не зря вдохновлялся солнцем.

КАК ОГОНЬ ВОДУ ЗАМУЖ ВЗЯЛ

Рыжий разбойник Огонь пламенно полюбил холодную красавицу Воду. Полюбил и задумал на ней жениться.

Только как Огню Воду замуж взять, чтобы себя не погасить и её не высушить?

Спрашивать стал. И у всех один ответ:

— Да что ты задумал, рыжий? Какая она тебе пара? Ты что? Зачем тебе холодная Вода, бездетная семья?

Затосковал Огонь, загоревал. По лесам, по деревням пожарами загулял. Так и носится, только рыжая грива по ветру развевается.

Гулял Огонь, горевал Огонь да встретился с толковым мастеровым человеком. Иваном его звали.

В ноги ему пал Огонь. Низким дымом стелется. Из последних сил синими языками тлеет.

— Ты мастеровой человек, ты всё можешь. Хочу разбой бросить, хочу я своим домом жить. Воду замуж взять хочу. Да так, чтобы она меня не погасила и я её не высушил.

— Не горюй, Огонь. Сосватаю. Поженю.

Сказал так мастеровой человек и терем стро-

ить стал. Построил терем и велел свадьбу играть, гостей звать.

Пришла с жениховой стороны огневая родня: тётка Молния да двоюродный брат Вулкан. Не было больше у него родных на белом свете.

С невестинной стороны пришёл старший братец — Густой Туман, средний брат — Косой Дождь и младшая сестричка Воды — Ясноглазая Роса.

Пришли они и заспорили.

— Неслыханное дело ты, Иван, задумал, — говорит Вулкан и пламенем попыхивает. — Не бывало ещё такого, чтобы наш огневой род из водяной породы невесту выбирал.

А мастеровой человек отвечает на это:

— Как же не бывает! Косой Дождь с огневой Молнией в одной туче живут и друг на дружку не жалуются.

— Это всё так, — молвит густой Туман, — только по себе знаю: где Огонь, где тепло, там я редеть начинаю.

— И я, и я от тепла высыхаю, — пожаловалась Роса. — Боюсь, как бы Огонь мою сестру Воду не высушил.

Тут Иван твёрдо сказал:

— Я такой терем построил, что они будут в нём жить да радоваться. На то я и мастеровой человек.

Поверили. Свадьбу стали играть.

Пошла плясать Молния с Косым Дождём. Закурился Вулкан, засверкал ярким пламенем, в ясных глазах Росы огневыми бликами заиг-

рал. Густой Туман набражничался, на покой в овраг уполз.

Отгуляли гости на свадьбе и восвояси подались. А мастеровой человек жениха с невестой в терем ввёл. Показал каждому свои хоромы, поздравил молодых и пожелал им нескончаемой жизни да сына-богатыря.

Много ли, мало ли прошло времени, только родила мать Вода сына-богатыря.

Хорошим сын богатырём вырос. Горяч, как родимый батюшка Огонь. А облик дядин — густ и белёс, как Туман. Важен и влажен, как родимая матушка Вода. Силён, как Вулкан, как тётушка Молния.

Вся родня в нём своего кровного узнаёт. Даже Дождь с Росой в нём себя видят, когда тот стынет и капельками на землю оседает.

Хорошее имя дали сыну-богатырю: Пар.

На телегу сядет Пар-богатырь — телега его силой покатится да ещё сто других телег поездом повезёт.

На корабль ступит Пар-чудодей — убирай паруса. Без ветра корабль катится, волну рассекает, паровой голос подаёт, корабельщиков своим теплом греет.

На завод пожалует — колёса завертит. Где сто человек работали — одного хватает. Муку мелет, хлеб молотит, ситец ткёт, людей и кладь возит — народу помогает, мать, отца радует.

И по наши дни живут Огонь с Водой в одном железном котле-тереме. Ни она его не гасит, ни он её высушить не может.

Счастливо живут. Нескончаемо. Широко.

Год от году растёт сила их сына-богатыря, и слава о русском мастеровом человеке не меркнет. Весь свет теперь знает, что он холодную Воду за жаркий Огонь выйти замуж заставил, а их сына-богатыря нам, внукам-правнукам, на службу поставил.

НЕКРАСИВАЯ ЁЛКА

В датском говорящем лесу росли датские говорящие деревья. Они разговаривали только по-датски.

В жаркие солнечные дни, изнемогая от зноя, деревья перешёптывались друг с другом так тихо, что даже чуткие птицы не могли разобрать, о чём они шепчутся. Зато как только поднимался ветер, в лесу начинался такой шумный разговор, что его без труда мог услышать всякий.

Самой болтливой в лесу была Осина. Её голос, звенящий одиннадцатью тысячами листочков, не умолкал и в полдень. Осина любила позлословить, как, впрочем, и Берёза. А Ёлка — наоборот. Ёлка была на редкость молчалива и задумчива. Она, в отличие от своих стройных и красивых сестёр, росла не очень красивой. Даже, скажем прямо, совсем некрасивой: однобокой и кривой.

Ёлку не любили её лесные собратья, хотя ни одному из них она не сделала ничего дурного. Она не затеняла им солнца, не лишала их влаги,

не шелестела, как Дуб или Ясень. Вообще она вела себя очень скромно. Но деревья усвоили отвратительную манеру отношения друг к другу — по внешности. По одежке. По красоте ветвей и строению кроны. А ёлка была дурнушкой. Это и послужило поводом для насмешек самолюбленного Ясеня, молодого красавца Клёна и Берёзы с изысканно тонкими ветвями.

Не любили они ёлку и потому, что ей оказывал особое внимание Сказочник, пользовавшийся большим уважением в лесу. Он часто садился под елью со своими тетрадями и писал сказки или задумчиво мечтал.

Почему он предпочитал именно её тень, никто не знал, но болтали в лесу разное.

Ясень говорил, что Сказочник, так же как и ёлка, одинок, некрасив и долговяз. Клён находил, будто ёлка специально для Сказочника осыпает мягкие иглы, чтобы ему было удобнее сидеть под нею. Берёза городила такое, что лучше не повторять этого. И вообще мы не должны брать на себя роль Ветра, который разносит нелепые лесные слухи. К тому же нам давно пора приступить к главному и начать с того, как в лес однажды пришли лесорубы и срубили старый Дуб и как в лесу раздался громкий плач. Плакали дети, внуки, племянники и друзья старого Дуба.

Им казалось, что уже всё кончено. И особенно после того, как старый дуб был распилен на кряжи и увезён из леса.

Когда дубовая родня оплакивала свежий пенёк, появился Сказочник. Ему тоже было жаль,

что в лесу не стало зелёного богатыря, трехсотлетнего Дуба. И его слеза капнула на срез пня.

Но слёзы никогда не помогают горю. Зная об этом, он решил рассказать сказку о том, во что иногда превращаются деревья, когда их увозят из леса.

— Господа, — сказал он по-датски, обращаясь к деревьям, — не угодно ли вам прослушать сказку о вашем завтрашнем дне?

В говорящем лесу стало тихо. Деревья насторожили свои листья и стали слушать.

— Никому из вас, как, впрочем, и мне, — начал Сказочник, — не хочется покидать этот прекрасный лес. Но не все, уходя из него, перестают жить. Не все, оказавшись срубленными, умирают.

Лес зашумел и насупился. Начало сказки деревьям показалось не более чем утешительным враньём. Сказочник подал знак. В лесу стало снова тихо.

— А известно ли вам, господа, что Дуб проживёт ещё сотни и сотни лет, когда он станет дубовым резным потолком библиотеки? А он станет именно им. Так ли уж плохо это, господа деревья?

Деревья одобрительно зашелестели. Теперь Сказочник, овладев вниманием слушающих, спокойно уселся на золотой ковёр мягкой еловой осыпи и стал говорить о том, как снова придут в лес лесорубы и спилят созревшие деревья, не давая им сгнить на корню и превратиться в ничто. Спеленные деревья станут домом, мостом, музыкальными инструментами, мебелью

или паркетным полом, чтобы жить и служить поколениям.

— Так ли уж это плохо, господа? — сказал он и продолжил сказку о том, как одна мечтательница Сосна превратилась в корабельную мачту и побывала в Индии, Китае, на Курильских островах... Стал рассказывать, как одна Осина стала тридцатью тремя корытами.

— Превращение в корыта хотя и не так заманчиво, — сказал он, — но всё же стать корытом лучше, чем никем, ничем и ни для кого.

— Это верно, — заметила слегка обиженная Осина, — превратиться в корыта куда приятнее, нежели стать дровами. Да, дровами, — повторила она, — покосившись на некрасивую Ёлку и окидывая её неприязненным взглядом от корня до вершины.

Заметив этот взгляд, самовлюблённый Ясень спросил Сказочника:

— А почему бы вам не рассказать об еловых дровах?

— Вот именно, — поддержал надменный Клён. — Это бы вселило радужные надежды одной нашей общей знакомой.

Сказочник смутился. Ему не хотелось огорчать некрасивую Ёлку. Он любил её. Он жалел её. Но правда выше любви и жалости.

— Господа, — тихо сказал Сказочник, — разве уж так плохо сгореть для других? Ведь должен же кто-то своим огнём радовать детей и согревать их в зимнюю стужу. Должен же кто-то выпекать хлеба и плавить металл.

— Да, конечно, конечно, господин Сказочник, кто-то должен это делать, — подтвердил Ясень. — Но согласитесь, что всё-таки лучше стать полированным столом или буфетом, нежели золой и пеплом.

— Хотя, — усмехнулась Берёза, — зола тоже на что-то нужна. Ею, кажется, чистят кастрюли и посыпают тротуары. Так ли уж это плохо, господа? — прошелестела она, издевательски повторая фразу Сказочника.

Деревья дружно захохотали.

Сказочник снова умолк, а затем, коснувшись рукой Ели, сказал в раздумье:

— Впрочем, никто не знает, как может вернуться судьба. Одни, собираясь жить в веках, забываются ранее, чем увядают цветы на их могилах. Другие, живя скромно и тихо, ни на что особенное не рассчитывая, не думают о бессмертии, а оно, несмотря на это, приходит само. Не отчаивайтесь, некрасивая Ёлка! Как знать, может быть, всё будет по-другому.

С тех пор прошло много лет. Деревья выросли и возмужали. Под некрасивой Ёлкой жили муравьи. Сказочник давно уже не появлялся в лесу, и, как сообщил Ветер, Ель больше никогда не укроет его прохладной и ласковой тенью своих ветвей. Два лесоруба — Время и Возраст — сделали своё дело.

— М-да! — сказал Ясень. — Хотя он и ярко горел... хотя нам от него было тепло и радостно, всё же он сгорел, как сгорают дрова.

— Вот именно, — подтвердил Клён, ставший

ещё выше и надменнее. — Если выражаться образно, то он был среди людей не более чем некрасивая Ёлка. То ли дело мы! Мы — ценные деревья. Мы можем превратиться во что угодно: и в спальню королевы, и в трон короля.

Ёлка молча слушала хвастливые, самодовольные рассуждения, и тонкие струйки смолы катились по её шершавой коре. Ёлка не переставала верить, что она встретится со Сказочником и услышит знакомые слова любимых сказок.

Но напрасно. С ним можно было теперь встречаться только во сне. Поэтому Ёлка часто дремала, надеясь увидеть золотой сон. А он не приходил. Зато пришли лесорубы.

Лесорубы спилили созревшие деревья, и каждое из них получило своё назначение. У поваленной Сосны обрубили ветки и верхушку, затем доставили её на корабельную верфь. Она будет высокой мачтой.

Ясень, Клён и Берёза были отправлены на мебельную фабрику. Осину предназначили для корыт.

Дошла очередь и до некрасивой Ёлки. Её распилили на мелкие чурбаки.

«Так и есть, — подумала Ёлка, — я стала дровами. Теперь мне только остаётся сгореть так же ярко, как сгорели вы, дорогой друг, озаряя нас волшебным светом своих сказок».

Готовясь отправиться в топку котла или камина, Ёлка забыла слова Сказочника о том, что «никто не знает, как может повернуться судьба».

Судьба Ёлки повернулась самым неожиданным

образом. Ёлка попала на бумажную фабрику и превратилась в ослепительно белые, тонкие и плотные листы бумаги.

Теперь перед нею открылись тысячи возможностей. Она могла стать конвертами и совершать на всех видах транспорта почтовые путешествия. Она могла оказаться газетой или географической картой. Она могла стать нарядной театральной афишей и зазывать людей на представление.

Мало ли куда идёт бумага... Но не будем, однако, строить предположения. Всё оказалось куда лучше, чем может нарисовать самое пылкое воображение.

Ёлку отправили в типографию, и там она стала превращаться в книгу. В какую? Книга книге рознь. А она стала превращаться в прекрасную книгу сказок. Это она почувствовала тотчас, как на ней появились чётко отпечатанные блестящей чёрной краской дорогие её сердцу слова...

Это были сказки, слышанные ею в дни юности в говорящем лесу.

— Неужели мы с вами встретились снова? — сказала Ёлка, ставшая бумагой, и увидела Сказочника.

Он появился на первой странице — отпечатанный великолепными портретными красками.

— Теперь я вижу, — сказала она, — что не все, оказавшись срубленными, умирают. Мы стали жить с вами книгой сказок.

Искусные руки переплётчика стали одевать

книгу в нарядную одежду с золотой отделкой и затейливым тиснением.

Как она красива была теперь! На неё можно было любоваться часами, читать и слушать сутками напролёт. Её бережно брали и очень осторожно листали. Сказки смешили и радовали. Сказки учили мудрости, возвышали души, согревали сердца, будили ненависть к злу и утверждали светлое.

Вскоре Ёлка, став книгой, очутилась на серебристой берёзовой полке в самом лучшем ясеневом шкафу библиотеки.

Она сразу узнала этот шкаф. Он оказался таким же самовлюблённым, каким рос в сказочном говорящем лесу. Ясневый шкаф очень громко хвалился своей новой жилищей на центральной полке:

— Видишь ли ты, Кленовый стол, какое сокровище живёт во мне?

— Да! — ответил Кленовый стол. — Какие мы благородные деревья!

— Как бы позавидовала нам та некрасивая Ёлка, — обрадовалась Берёзовая полка, — как бы позавидовала она, если б могла увидеть, во что мы превратились! С какой отличной книгой живём мы теперь в соседстве! Что ты скажешь на это, старый Дуб? — обратилась Берёзовая полка к резному потолку.

Мудрый резной потолок хитро усмехнулся с высоты своими замысловатыми узорами и, не проронив ни единого слова, застыл в своей изумительной орнаментальной улыбке.

Он, видимо, всё понял.

Теперь у Ёлки были все основания произнести сокрушительную отповедь по адресу Клёна, Ясеня и некоторых других, глумившихся над нею. Но она ничего не сказала, потому что это была добрая, великодушная, настоящая Ёлка. А она могла бы сейчас отчитать их не только по-датски, но и по-английски, и по-немецки, и по-русски, и по-французски. Потому что всемирно известная книга датского сказочника разговаривала на всех языках мира. Даже на тех, которые пока ещё не имеют букв и грамматики. Она сумела бы их отчитать и на этих языках...

Но разве счастье в торжестве низменной страсти возмездия? Это жалкая радость слабых. Ради этого не стоило рассказывать сказку о бесмертии прекрасного.

Вот и всё.



ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

ЕВГЕНИЙ АНДРЕЕВИЧ ПЕРМЯК

Имя Евгения Андреевича Пермяка хорошо известно как взрослым, так и читателям-школьникам. Его творчество весьма разнообразно. Среди книг Е. Пермяка есть сказки, рассказы, комедии, драмы, водевили, романы, повести, публицистические статьи, очерки.

Родился Евгений Андреевич 31 октября 1902 года в Перми. Здесь, на Урале, он хорошо узнал жизнь простых людей, слышал живой и выразительный народный язык.

Предки писателя — выходцы из крепостных. Отец Е. Пермяка, мелкий почтовый служащий, скончался от чахотки, когда сыну было три года. Нелегко было матери воспитывать сына.

В детстве и юности Е. Пермяк с матерью часто ездил по родным городам и посёлкам Урала и близко познакомился с жизнью мастеровых людей. Ещё мальчиком он полюбил ремёсла и сам

стал мастером на все руки. Топор и пила, рубанок и молоток стали его верными друзьями.

Позднее, на исходе Гражданской войны, Е. Пермяк едет в Кулундинские степи. Сибирь закалила его, научила пахать, сеять, убирать урожай...

Но больше всего Е. Пермяка тянет к литературе. Окончив педагогический факультет Пермского университета, он переехал в Москву и с середины 30-х годов начал печататься в газетах и журналах.

Выходец из трудовой уральской семьи, Е. Пермяк и в литературу принёс свой опыт, свою трудовую биографию. Не случайно тема труда стала основной и любимой в его книгах. В 1946 году вышла книга «Кем быть?». В своё время она помогла тысячам детей, оставшихся после войны сиротами, найти себя в жизни и труде. Подлинным гимном труду, «уральской энциклопедией для подростков» называли эту книгу критики. «Только труд делает маленького человека большим, — говорил Е. Пермяк. — Только труд приносит счастье, почёт и радость». Писатель был уверен, что из его маленьких трудолюбивых героев вырастут хорошие, добрые люди.

Е. Пермяк умел весело, интересно, понятно говорить с детьми на самые серьёзные темы. Сам писатель отмечал, что для него важнее всего, как сказать, над этим он больше всего и думал, когда создавал свои произведения. Для детей и юношества Е. Пермяк написал более двухсот книг, среди которых: «Детство Матрика»,

«Дедушкина копилка», «Торопливый ножик», «Тонкая струна», «Пичугин мост», «Иголкины братья», «Сказка о стране Терра-Ферро» и многие другие.

Особенно много сделал Е. Пермяк как один из создателей современной сказки. Недаром его называли прирождённым рассказчиком, лукавым сказочником. Его сказки отличаются большой выдумкой, смелой фантазией, сочностью и выразительностью языка. Читаются они легко, на одном дыхании. Все утверждают торжество добра над злом. Герои сказок не ищут помощи у волшебных сил. Всегда побеждает разум, мудрость, настойчивость и труд.

Главным героем всех сказок Е. Пермяка является труд, та самая «волшебная сила», которая придаёт произведениям писателя современное звучание.

Умер Евгений Андреевич Пермяк 17 августа 1982 года. Но книги его и сейчас переиздаются и с большим интересом читаются. Они обогащают школьников новыми сведениями, помогают им лучше узнать жизнь.

СОДЕРЖАНИЕ

Здравствуй! Евгений Пермяк	5
----------------------------------	---

ПИЧУГИН МОСТ

Надёжный человек	9
Пичугин мост	12
Знакомые следы	14
За что?	16
Самое страшное	17
Про Вову и кошку	18
Двойка	21
Дудилка	22
Бумажный змей	25
Сёма и Сеня	26
Тараканий охотник	30
Славка	34
Смородинка	38

ЧИЖИК - ПЫЖИК

Первый лук	43
Обманное озеро	48
Мама и мы	53
Набольший	62
Толковый мальчик	70
Разные цветы	73
Чужая калитка	77

Упрямые дрова	82
Страшная черепаха	88
Пальма	95
Чудеса на болотце	99
Дедушкин характер	103
Серёжа	108
Лесной лешачок	112
Чижик-Пыжик	118
Дедушкины очки	120

ТОНКАЯ СТРУНА

Памятная охота	127
Тонкая струна	132
Волчок	136
Необычная пятница	141
Разбойник	146
Тёмка	156
Шестой малахай	161
Балкунчик	165
Шарик и Торик	168
Волшебная правда	175
О волшебном ошейнике и семи драконах	180

ВОЛШЕБНЫЕ ИСТОРИИ

Иголочкины братья	189
О принце в голубой короне (<i>Сказ про Газ</i>)	199
Первая улыбка	217
Пастух и Скрипка	223

Про Яблоньку, которая рано зацвела	227
Белая Бабочка	230
Берёзовая Роща	234
Тайна цены	237
Мыльные пузыри	241
Белая ворона	245
Волшебные краски	249
Королева Буль-Буль	253
Новое платье королевы	263
На все цвета радуги	265
Как Огонь Воду замуж взял	268
Некрасивая Ёлка	271
Вместо послесловия	280

СЕРИЯ «ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА»

Литературно-художественное издание

Для младшего возраста

Пермяк Евгений Андреевич

НА ВСЕ ЦВЕТА РАДУГИ

Рассказы и сказки

Ответственный редактор *Н. Е. Дубань*

Художественный редактор *М. Е. Федоровская*

Технический редактор *Н. Ю. Крапоткина*

Корректоры *В. Н. Дробышева, Т. Г. Люборец*

Компьютерная верстка *К. В. Москалев*

ЛР № 010003 от 28.08.96

Сдано в набор 10.11.99. Подписано к печати 08.06.2000.

Формат 84×108¹/₃₂. Бум. офсетная № 1. Шрифт «Школьный».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,12. Уч.-изд. л. 9,46.

Тираж 50 000 экз. (2-й завод 15001 — 20 000 экз.). Заказ № 4961.

Орден Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство
«Детская литература» Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций.
103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Книжной фабрике № 1 МПТР России
144003, г. Электросталь Московской обл., ул. Тевосяна, 25.

Пермяк Е. А.

**П27 На все цвета радуги: Рассказы и сказки/Худож.
С. Гаврилова. — М.: Дет. лит., 2001. — 285 с.: ил. —
(Школьная б-ка).**

ISBN 5-08-003789-X

В книгу вошли лучшие рассказы и сказки для школьников, созданные писателем в разные годы его творческой жизни.

УДК 820/89-93-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

**СЕРИЯ
«ШКОЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА»**

*Рекомендована
Министерством
образования РФ
к изучению в средней
школе и для
внеклассного чтения*



Серия «Школьная библиотека» —
неизменный спутник многих
поколений школьников. В ней
издаются лучшие произведения

отечественной и зарубежной литературы со вступительными
статьями и комментариями известных критиков и лите-
ратуроведов.

Книги иллюстрированы лучшими художниками, имеют удобный
формат и небольшой объем, рекомендованные для детского чтения
шрифты, твердый целлофанированный переплет.

Постоянно в наличии более 80 книг для учащихся всех классов.

В ближайшее время выходят следующие книги:

БИАНКИ В. Чей нос лучше? (рассказы)

ГОГОЛЬ Н.В. Тарас Бульба

ЕСЕНИН С. «Душа грустит о небесах...»

(стихотворения и поэмы)

«ИДЕТ ВОЙНА НАРОДНАЯ...»

(сборник стихотворений о Великой
Отечественной войне)

МАМИН-СИБИРЯК Д. Аленушкины сказки

МАЯКОВСКИЙ В. Стихотворения и поэмы

НЕКРАСОВ Н.А. Стихотворения

НАВОКОВ В. Совершенство (роман и рассказы)

ПУШКИН А.С. Повести Белкина. Пиковая дама

СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ А. Планета людей

(роман, воспоминания)

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

ТУРГЕНЕВ И. Ася. Первая любовь
(повести)

ЧЕХОВ А. Лошадиная фамилия
(юмористические рассказы и водевили)

ШЕКСПИР В. Гамлет

и другие.



Тел.: (095) 285-07-15, 257-99-77

Издательство
"ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"



ISBN 5-08-003789-x



9 785080 037894